

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Т.Г. ШЕВЧЕНКО

**Филологический факультет
Кафедра журналистики**

С.В. ОЛЕЙНИКОВ

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО: ФЕНОМЕН, СТРУКТУРА, УСТОЙЧИВОСТЬ

Монография

Тирасполь

*Издательство
Приднестровского
Университета*

2020

УДК 316.7
О-532

Рецензенты:

Г.С. Мельник, д-р полит. наук, проф. каф. цифровых медиакоммуникаций Высшей школы журналистики и массовой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета

С.Л. Распопова, канд. филол. наук, доц., зав. каф. журналистики ПГУ им. Т.Г. Шевченко

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Культурно-информационное пространство: феномен, структура, устойчивость : Монография / С. В. Олейников ; Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Филологический факультет, Кафедра журналистики. – Тираспол : ПГУ, 2020. – 144 p. : fig., tab.

Cerințe de sistem: PDF Reader.

Bibliogr.: 135-142. – Referințe bibliogr. în subsol. – în red. aut.

ISBN 978-9975-150-57-6.

316.7

О-532

В работе представлено культурно-информационное пространство государств с отложенным внешнеполитическим статусом, проблемы сохранения сформировавшегося особого идентификационного дискурса в противовес глобализационной культурной универсализации. Предпринята попытка теоретического осмысления дальнейшего пути развития государств подобного типа и формирования методологических основ изучения их культурно-информационного пространства, как на глобальном, так и локальном уровне.

Издание может представлять интерес для политологов, журналистов, социологов и других специалистов, занимающихся вопросами социально-политических конфликтов, а также проблемами информационного противостояния и межэтнического взаимодействия.

УДК 316.7

Рекомендовано Научно-координационным советом ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

ISBN 978-9975-150-57-6.

© С.В. Олейников, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Культурно-информационное пространство представляет собой сложный феномен, отражающий состояние не только социально-политической системы государства, но и динамику культурно-цивилизационного развития современного мира. Его сложная конструкция и иерархия отношений обусловлены системой органично взаимосвязанных компонентов в каждом из государств. Если развитие государства рассматривать с экономической точки зрения, то необходимо подчеркнуть, что существование единых экономических законов – это объективная реальность, которую трудно изменить или скорректировать. Такая универсальность теряет свое значение при политическом измерении межгосударственных взаимоотношений, что обусловлено возникновением различных транснациональных политических союзов, преследующих определенные, иногда полярные, в глобальном контексте цели.

Если же рассматривать культурно-информационное измерение современного мира, то здесь мозаичная структура культурных сообществ, помноженная на коммуникативную специфику является базовым и непреложным правилом гармоничного сосуществования современных государств. Игнорирование социокультурного многообразия, которое в современном мире сохраняется не столько благодаря особенностям локальных социальных систем, сколько степени их обособленности, неминуемо приводит к возникновению социально-политических и, шире, геополитических конфликтов. Обособленность удельных социальных систем позволит в той или иной мере противостоять глобальным тенденциям по обезличиванию исторически сложившегося многообразия культурно-информационных пространств

На фоне активизации демократических процессов мировое сообщество по-прежнему демонстрирует неготовность и неспособность объективно решать проблемы межгосударственных отношений, рассматривая перспективы их урегулирования

исключительно в рамках некой универсальной модели. Результатом необдуманной экстраполяции типовых демократических норм на неокрепшие государства постсоветского пространства стали многочисленные этнополитические конфликты, динамика которых привела в отдельных регионах к образованию государств с отложенным внешнеполитическим статусом.

Успешность развития глобального мира в условиях интенсивной «поляризации» и повышенного напряжения его политических полюсов во многом зависит от стабильности межгосударственных диалогов на уровне глокализационного измерения, в том числе взаимодействия оппозиционных идеологий и культурно-цивилизационных систем. Острота проблем культурно-цивилизационной совместимости в прогнозировании развития человеческого сообщества усиливается тем, что в рамках государствоцентричной политической системы мира все активнее становится деятельность негосударственных акторов¹. Современная система средств массовой коммуникации является одним из наиболее значимых элементов цивилизационного развития, гарантирующая активный процесс публичной дипломатии, адекватное становление культурно-информационного пространства, феномен которого требует комплексного изучения.

Анализ научной литературы по проблемам культурно-цивилизационного развития и технологизации инфокоммуникативной природы личности и общества в рамках современного геополитического процесса, противоречивость международной нормативно-правовой системы в области регулирования прав и свобод народов на самоопределение, трансформация идентификационной системы личности, выражающаяся в замещении этнокультурной идентичности социально-политической, обусловили необходимость теоретико-методологического изучения и введения в научный дискурс феномена культурно-информационного пространства. Кроме того, анализ нормативно-правовых документов, результатов социологических экспериментов, контент-анализ традиционных и сетевых СМИ государств с отложенным внешнеполитическим статусом по-

¹ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 7.

требовали глубокого теоретического осознания и формулировки методологических основ культурно-информационного пространства, его осмысления как на глобальном, так и локальном уровне.

Информационные процессы, развивающиеся в материальном мире, живой природе и человеческом обществе, в той или иной степени изучаются практически всеми научными дисциплинами. Непосредственным же исследованием информации в большей степени занимаются информатика и журналистика, уделяя особое внимание фундаментальным свойствам информации: новизне, актуальности, достоверности, объективности, полноте, ценности и др. Непредсказуемость политических, экономических, социальных процессов во многом предопределяется мощным информационным воздействием, в рамках которого СМИ выступают одним из детонаторов общественного сознания и основным фактором, влияющим на развитие культурно-информационного пространства. Именно поэтому гипотетическая социальная формация, именуемая «информационное общество», по-прежнему не находит однозначного определения в современной науке, продолжая вызывать дискуссии среди отечественных и зарубежных исследователей.

Гуманитарная наука вне зависимости от ее конкретных направлений по-прежнему предпочитает обособленное обсуждение проблем, связанных с развитием культуры (культурное пространство), информации (информационное пространство), не уделяя должного внимания многократно усиленному эффекту интегрирования этих двух феноменов современности. Действительно, в научной литературе феномен культурно-информационного пространства современных государств отражен фрагментарно, а его трактовка, как правило, сводится к выявлению отдельных компонентов.

Проблематика культурно-информационного развития государств с отложенным внешнеполитическим статусом часто становится предметом научных дискуссий в рамках выступлений, докладов, статей, гораздо реже данное направление представлено в виде самостоятельных научных трудов, диссертационных работ. В большинстве случаев исследования по проблемам самоопределившихся государств сводятся к

историческому, этническому, лингвокультурологическому измерению.

Независимо от проблемной плоскости исследования генезиса молдово-приднестровского конфликта и становления приднестровской государственности информационная составляющая выступает доминантой, определяющей развитие как каждого из аспектов рассмотрения, так и ситуации в целом. Выявленная значимость информационной политики в социокультурном развитии приднестровского сообщества, обусловленная комплексностью ее воздействия на все сферы его жизнедеятельности, определила стремительные темпы формирования и дальнейшего развития информационного пространства ПМР, компонентами которого являются не только государственные предприятия и организации, но и коммерческие информационные структуры, а также сетевые ресурсы приднестровского сегмента Интернет. Формирование и развитие информационного пространства Приднестровья в его неординарных условиях обусловило необходимость активной разработки законодательной базы, рамки которой могли бы регламентировать функционирование как всей системы СМИ, так и каждого средства массовой информации, в частности. Кроме того, изучение проблем развития культурно-информационного пространства общества в контексте измерения системы «элита–общество» выступает как необходимый элемент в определении перспектив государственного строительства.

ГЛАВА 1.

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРИРОДА, СУЩНОСТЬ, КАТЕГОРИИ

1.1. Системно-структурная организация культурно-информационного пространства

Проблема устойчивости социокультурного развития современных стран во многом определяется не столько непосредственным внешнеполитическим инструментарием, активно используемым государственными институтами, сколько их способностью опосредованно встраивать через социальные институты в общественное сознание определенные установки.

Развитие политической коммуникации приводит к интенсификации социально-политических процессов, усилению влияния «сетевых» гражданских сообществ, которые выступают по отношению к процессу государственного управления и деятельности органов государственной власти не столько как заинтересованные наблюдатели, сколько как конструктивные критики, или как партнеры по выработке политических решений².

Многие из тиражируемых государством установок мгновенно занимают позиции национальных, общегосударственных идей, естественным образом вписывающихся в аксиологическую систему личности и, шире, общества; другие – требуют намного больше времени и ресурсов, прежде чем найдут понимание и поддержку массовой аудитории. Идеи, транслируемые государственными институтами в социальную среду, в большинстве случаев направлены на модификацию системы социально обусловленных идентичностей современной личности.

Столкновения различных политических интересов, как правило, вызваны особенностями идеологических, ценностных, культурных традиций современного общества, поляризостью в оценках тех или иных событий. К источникам конфликта стоит отнести и неадекватность восприятия личностью или со-

циальной группой как собственных интересов, так и позиций другой стороны. В этой ситуации многократно возрастает роль расстановки ценностных приоритетов в каналах массовой коммуникации³.

Актуализация на рубеже тысячелетий идей национального возрождения, акцентуация внимания на культурной дифференциации современного общества породили в нем негативные тенденции национализма, экстремизма и, шире, интолерантности. Тиражируемые СМИ идеи культурной уникальности, статусности и титульности отдельных групп населения дезинтегрировали сообщества большинства стран на постсоветском пространстве. Манипуляции, построенные на приоритете той или иной культуры, как показала практика, почти не затрагивают ее основы, функционируя исключительно в идеологической плоскости. Вследствие такого «перекоса» и возникают проблемные, чаще всего перерастающие в конфликтные явления в современном обществе, эволюционирующие от непосредственного межэтнического и межкультурного противостояния порой до полной трансформации собственной национальной идентичности.

Активные попытки гуманитарной науки осмыслить трансформационные процессы культурного пространства личности и общества не в полной мере раскрывают потенциал резонансного пространства культуры, многократно усиленного или ослабленного процессами информационного взаимодействия. Отсутствие методологических и методических основ диагностики информационного контента в системе «культура–идеология» в условиях возрастающей роли общественных институтов в политическом процессе также затрудняет понимание современного состояния общества и делает невозможным прогнозирование перспектив его социокультурного развития и устойчивости культурно-информационного пространства.

Пространственная организация современного мира представляет собой многомерную систему, взаимозависимость элементов которой обусловлена их иерархическими связями. Первичным в данной иерархии, по нашему мнению, следует

³ Сидоров В. А. Ценностный конфликт в медиареальности и формы его проявления // Вестник ВГУ. – Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – № 2. – С. 212.

считать информационное пространство, которое отражает реальность в сознании человека посредством символической системы и формирующим в процессе рефлексии смысловой и ценностный фундамент.

В философско-методологическом измерении под информационным пространством понимается среда распространения информации в социуме, находящаяся под влиянием культурных, экономических, политических, технологических и других факторов⁴. По определению И. М. Дзялошинского, информационное пространство «это пространство информационных отношений, создаваемое взаимодействующими по поводу информации субъектами, но вместе с тем имеющее свое особое (системное) качество, отсутствующее в самих субъектах»⁵. В современной науке существуют различные аспекты изучения информационного пространства. С экономической точки зрения информационное пространство представляет собой совокупность знаний, имеющих ценность в качестве экономического ресурса. Технологический подход в качестве детерминант изменения информационного пространства определяет информационные технологии и материальные носители информации. Политический подход рассматривает информационное пространство как совокупность различных стратегий контроля и управления, определяющих воздействие государственных идеологий на сознание широких слоев населения. Специфика социокультурного подхода заключается в выявлении взаимосвязи СМИ с трансляцией культурных моделей, задающих социальную идентичность индивидов⁶.

Сущность информационного пространства, в нашем понимании, представляет собой совокупность субъектов и источников информации, каналов ее распространения коммуникаторами и получения коммуникантами. В данном случае имеется в виду функционирование множества государственных и общественных институтов, напрямую либо опосредованно задействованных в информационной сфере страны, объединенных

⁴ Политические коммуникации / Под ред. А. И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 31.

⁵ Дзялошинский И. М. Медиапространство России: экологический аспект // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 1. – С. 68.

⁶ Ненашев А. И. Информационное пространство современного общества: коммуникационный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2008. – С. 8.

в своей политике общей национальной идеей, но трактующих ее в соответствии с плюралистическими настроениями в обществе демократического государства.

Единое информационное пространство позволяет государству при помощи различных форм регулирования деятельности массмедиа стимулировать их таким образом, чтобы они обеспечивали население социально значимой информацией, максимально полным спектром фактов и мнений, имеющих хождение в стране и мире, с целью ориентации (отвечающей информационным потребностям граждан) в происходящих событиях и выработки своего отношения к этим событиям, в том числе версией государственных органов, или официальной версией. Официальная версия не должна быть исключительной, она может быть лишь господствующей, и господствующей только в силу поддержки ее иными версиями и фактами, представленными другими, в первую очередь независимыми СМИ. Когда государственная, или официальная версия становится подобной господствующей версии, это «является лучшим подтверждением, что народ избрал достойную власть, которая реально готова строить правовое государство»⁷.

В пользу признания материальной сущности информационного пространства говорит и позиция российского ученого А. Б. Зинчиной, которая определяет информационное пространство как «область человеческого бытия, смежную с достаточно обжитой сферой материальной и духовной культуры и гипотетической ноосферой – областью обмена, обновления цивилизованных принципов»⁸. О. П. Неретин определяет информационное пространство как «системообразующий элемент общества, представляющий собой совокупность информационных ресурсов и инфраструктуры, т. е. всю сферу формирования, распространения и использования социальной информации, имеющую своей целью обеспечение полноцен-

⁷ Засурский Я. Н., Вартанова Е. Л., Засурский И. И. Средства массовой информации постсоветской России: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 390.

⁸ Зинчина А. Б. Информационное пространство как контент городской коммуникации // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4.

ного функционирования других элементов социума в целом»⁹. В. Д. Попов, расширяя понятие «информационное пространство» и наделяя его социальной значимостью, в своей работе считает, что оно есть «открытая самоорганизующаяся система, включающая в себя информационные потоки и информационные поля, находящиеся во взаимодействии»¹⁰.

Следует подчеркнуть, что информационное пространство в контексте общественного развития не является самостоятельно развивающейся системой, оно находится в прямой зависимости от нормативно-правовой базы и модели государственного и экономического развития страны. В условиях большинства современных государств специфика формирования информационного пространства заключается в смещении социально-коммуникативных практик в политическую плоскость, что может вызывать деформацию культурного пространства и усугублять кризисность массового сознания.

В современных условиях степень кризисности массового сознания определяет уровень критичности восприятия аудиторией информационных потоков, транслируемых в информационном пространстве государства. Примечательно, что в данном случае наблюдается обратная зависимость, т. е. повышение степени кризисности сознания снижает уровень критичности восприятия информации, увеличивая эффективность функционирования местных СМИ и усиливая воздействие на массовую аудиторию.

Культурное пространство личности и общества, с точки зрения информационной составляющей, может отражаться через бытие знаковой, символической картины мира социальных субъектов. «Мир знаков и символов носит глубоко социальный характер, являясь для человека и человечества и пространством, и объектом познания; и инструментом, и смыслом коммуникации. В определенном смысле, социальная информация, образуя информационное пространство, представляет собой грань, отражающую все свойства и качества статиче-

⁹ Неретин О. П. Культурно-информационное пространство многонациональной России и его развитие: проблемы, перспективы: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: РГБ, 2007. – С. 15–16.

¹⁰ Попов В. Д. Информациология и информационная политика. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – С. 18.

ских и динамических аспектов социального бытия»¹¹. Можно предположить, что данное пространство является настолько безграничным и сохраняет потенциал неизвестных символов и знаков, насколько непознанным остается окружающий мир.

Человеческое общество, а следовательно массовое сознание, дало импульс формированию социального пространства, границы которого расширяются в соответствии с динамикой развития цивилизации. Данная пространственная категория характеризуется наличием развивающейся стандартизированной символической системы, ее смысловых и ценностных интерпретаций в человеческом сознании, причем количество вариаций и интерпретаций также находится в прямой зависимости от динамики развития человеческого общества и степени интегративных и дезинтегративных процессов в нем.

Природа социального пространства, на наш взгляд, предполагает его синергетические характеристики, обуславливающие системность его элементов и обеспечивающие не только функциональную, но и институциональную его организацию. В данном контексте именно самоорганизация социальной системы во многом объясняет причины поступательного развития человеческой цивилизации, ее способность к сохранению и трансляции накопленных в результате эволюции знаний. В этой связи необходимо сделать особый акцент на образовательном аспекте социального пространства, который на современном этапе немыслим без институциональной организации. Закладывая основы мировоззрения и аксиологической системы общества, образовательная система выступает в качестве генератора и стимула развития социального пространства. Необходимо отметить, что процесс социализации личности, во многом регулируемый образовательной системой, гарантирует не только трансляцию социального наследия общества, обеспечивая своеобразную коммуникацию поколений, но и осмысление субъектами обучения полученной информации в соответствии с совокупностью норм и правил, традиционных

¹¹ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 25.

для конкретной социальной среды¹², которые организуют человеческое поведение. Другими словами, функциональное измерение человеческой цивилизации предопределило стратификацию социального пространства и формирование его культурных сегментов.

Социальная обусловленность человеческой цивилизации предопределила формирование культурного пространства, феномен которого обладает не столько возможностями аккумулировать результаты материальной и духовной деятельности человеческих групп, а также специфики восприятия ими окружающего мира, сколько способностью к воспроизводству, актуализирующему ту или иную культуру и обеспечивающему сохранение и развитие культурного пространства.

В то же время институциональное измерение человеческой цивилизации предопределило формирование его политических (государственных) сегментов, модернизация которых также предполагает создание институционального механизма, который зависит от политических акторов и изменяется в соответствии с политической практикой¹³. В этих процессах наибольшее значение представляют политико-правовое, социальное, историко-культурное и инфраструктурное поля институционализации¹⁴. Необходимо отметить, что культура в процессе институционализации призвана сохранить стабильность и устойчивость развития социума, в то время как политические институты обеспечивают рационализацию управления социумом, минимизацию противоречий, предотвращение социальных кризисов и конфликтов на основе знаний и информации¹⁵.

Социальная природа политического пространства дает основание предположить, что оно в большей степени апеллирует к объектам материального мира и призвана оптимизировать развитие социального пространства в контексте его структур-

¹² Kroeber A., Kluckhohn Cl. Culture. A Critical Review of Concept and Definition. – New York, 1952.

¹³ Патрушев С. В. Институализм в политической науке // Институциональная политология. Современный институализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 11.

¹⁴ Трансграничный регион: понятия, сущность, форма: научн. изд. / Под ред. П. Л. Бакланова, М. Ю. Шинковского. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – С. 196.

¹⁵ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 28.

ной организации и лояльности к существующей политической иерархии. Однако существование политического пространства находится в прямой зависимости от культивируемых субъектами политического процесса идей и идеалов. Именно идеологическая составляющая политического пространства во многом определяет его жизнеспособность и иммунитет к проявлениям и действиям альтернативных пространственных категорий данного ранга. Необходимо отметить, что активное внедрение в массовое сознание определенной идеологии в рамках политического пространства возможно исключительно на этапе ее формирования, поскольку развитие последнего может быть гарантировано при условии экстраполяции идеологического контента в информационное пространство и его принятия культурным, и шире, социальным. Как правило, распространение идеологии осуществляется непосредственно политическими и санкционированными (лоббированными) ими общественными институтами, причем естественность включения последних гарантирует эффективность функционирования первых¹⁶. В то же время существование идеологии немыслимо вне аксиологической системы координат культурного пространства, нередко используемого в качестве фундамента для идеологической информации, без ее ассоциирования, а в большинстве случаев и паразитирования на культурных артефактах, традиционных для конкретного общества.

Именно политическое пространство является в большей степени субъективным и стремится воздействовать на социальную сферу, внедряя те или иные установки и формируя стереотипы посредством информационного и культурного пространств. В этой ситуации функциональная сущность последних вследствие выработки определенных механизмов и способов институционального влияния на них в значительной степени подвергается изменению, причем не всегда логичному и естественному. Поэтому крайне важным нам представляется анализ феномена культурно-информационного пространства как объективно существующей реальности и в определенной степени оппозиции субъективному социально-политическому пространству.

¹⁶ Ачкасова В. А. Связи с правительством как фактор устойчивости // Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия / под ред. Л. Е. Ильичевой. – М.: ИНЭК, 2010. – С. 53–62.

Устойчивость культурно-информационного пространства современного государства во многом будет гарантировать эффективное развитие последнего и согласованность деятельности общественных и государственных институтов при условии паритетного их функционирования и адекватного представления информационного контента в его культурном и идеологическом измерении. Необходимо обратить внимание и на то, что последняя характеристика при непосредственном пропагандистском исполнении давно потеряла свою актуальность, т. е. идеология в чистом виде неконкурентоспособна в современных информационных процессах и не может быть самостоятельной; она встраивается в информационные потоки самого разнообразного содержания, а в ряде случаев и паразитирует на них.

Специалисты определяют современное состояние культуры как стадию перехода от локального к интеграционному уровню, при котором локальные культуры оказываются внутри глобального коммуникационного пространства¹⁷. В современной ситуации все мы наблюдаем подчинение «более сильной и агрессивной среде», и в таком случае ни о каком диалоге культур говорить не приходится. Об экспансионистском характере западной цивилизации, обусловленном ее более высоким уровнем технологического и научного развития еще в середине XX в. писал британский культуролог А. Дж. Тойнби¹⁸. Политика цивилизационного превосходства, основанная на европоцентристском подходе, отказе от традиционных ценностей многовекового человеческого развития, игнорирует своеобразие политического, национального, духовного, религиозного развития иных культурно-цивилизационных сообществ. Попытки экспансии западных стандартов организации общества вызывают ответную реакцию со стороны представителей иных цивилизационных общностей, противостоящих дискриминаций их культурной идентичности, тем более в условиях, когда укрепляются другие мировые центры силы и влияния¹⁹.

¹⁷ Байгарина Г. П. СМИ и современная культура. – Доступно: <http://prstr.narod.ru/texts/num0506/bay0506.htm>

¹⁸ Афанасьев В. В. Циклы и общество: Монография. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 97.

¹⁹ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 5.

Проблема сохранения культурного пространства в контексте цивилизационного развития актуальна в свете современных сетевых технологий, которые разрушают традиционные символные и культурные пространства, создают и внедряют в общественное сознание новые общественно-политические символы и ценности²⁰. Действительно, в рамках новой интегративной культуры диалог практически невозможен. Современные СМИ, используя новые формы коммуникации, способствуют формированию общих оценок, общих норм поведения, иными словами, приводят к господству общих стереотипов «усредненной» культуры. Принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в конкретном обществе. Формирование стереотипов зависит от степени повторяемости определенных объектов или явлений в жизни человека и тех ассоциаций, которые при этом возникают в его сознании.

Информационная доминанта современного общественного развития обладает практически безграничным потенциалом для культурного развития личности. Однако общество, существующее по принципу потребления материальной культуры и ее первостепенного значения по отношению к духовной сфере, оказывается неспособным к потреблению и усвоению информационных потоков альтернативного культурного контента. Полагая свой цивилизационный путь развития единственно верным, общество потребления настроено, скорее, на передачу культурных ценностей, а не на их прием.

Фактически мир сегодня оказался втянутым внутрь глобального коммуникационного пространства, которое резко меняет характер диалога между культурами. Сегодня коммуникация как таковая является самостоятельной силой, оказывающей огромное влияние на диалог культур, утверждая его новые, но не всегда равноправные законы и правила. Одновременное развитие двух разнонаправленных тенденций в условиях культурно-цивилизационного многообразия – интеграции и

²⁰ Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – С. 4.

дифференциации неизбежно провоцирует нарастание социокультурных противоречий²¹.

В данной работе культурно-информационное пространство представлено в качестве категории социокультурного развития общества, включающей институциональные образования социальной и государственной природы, а также массовую аудиторию, вовлеченную в сферу влияния конкретной системы. При этом доминирующую роль в эффективном развитии культурно-информационного пространства играет процесс взаимодействия его субъектов, т. е. проецирование установок государственными и общественными институтами, в том числе посредством системы СМИ, и их адекватное воспроизведение массовой аудиторией. Таким образом, культурно-информационное пространство некоторой социальной общности представляет собой совокупность функционирующих в ее информационной среде ценностей, норм, традиций, элементов культурно-исторического наследия, обеспечивающих воспроизводство культурного генотипа, ментальности и идентичности данной общности.

Проблемы культурно-информационного пространства являются базовыми в разработке адекватной модели развития современных государств, и их решение может способствовать эффективному функционированию системы СМИ, оптимизации взаимоотношений в системе «государство–общество–человек».

Рассматривая культурно-информационное пространство с точки зрения его компонентов, «необходимо определить приоритетность каждого из них в процессе формирования массового сознания, а также модели социальной действительности. Изучение культурного и информационного пространств в качестве самостоятельных систем, состоящих из взаимосвязанных элементов и одновременно выступающих компонентами объективно более широкой системы, приводит нас к выводу, что культурно-информационное пространство посредством своих многоуровневых связей взаимодействует с другими элементами любой из существующих систем. Эта всеобщая и орга-

²¹ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 29.

ничная, но в то же время ограниченная взаимосвязь явлений естественным образом формирует изменчивую геометрию культурно-информационного пространства»²².

Формируя в своем сознании картину окружающего мира как взаимосвязанную совокупность моделей его объектов и процессов, человек в первую очередь опирается на содержание, смысл, семантику, в то же время технические средства в качестве априорной характеристики информации воспринимают ее форму. Обратим внимание на то, что семантическое восприятие информационного потока тесно связано с прагматическим восприятием. Известно, что знак и знаковая система могут рассматриваться в трёх аспектах: синтаксическом, семантическом и прагматическом²³, именно последние два представляют особый интерес для современных СМИ и их адекватная реализация позволит в значительной степени повысить эффективность массовой коммуникации. Универсальность восприятия формы информации в виде определенных кодов и трактовки ее содержания в виде образов и ощущений возможна при условии выработки в процессе общения или коммуникации и последующего соблюдения некоторых соглашений между источником и приемником.

В данной ситуации возникает противоречие, «природа которого заключена в принципиальном различии подходов коммуникатора и коммуниканта к построению модели социальной действительности. В современном культурно-информационном пространстве манифестируется не столько универсальность человека, заключающаяся в единстве гносеологических и вариативности семиотических основ познания мира, сколько его уникальность; в то же время декларируется априорная аксиоматичность коммуникатора и апостериорная непредсказуемость коммуниканта. Если первый, представляя конкретный социальный институт, в большинстве случаев вынужден придерживаться определенной корпоративной стратегии, то последний в большей степени свободен в своем отношении к массовой коммуникации, а механизмами контроля становятся

²² Олейников С. В. Культурно-информационное пространство: категории и дефиниции // Вестник Санкт-петербургского ун-та. 2009. – № 4. – С. 425.

²³ Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства). – М.: Наука, 1985. – С. 305.

его персональные ориентации и склонности, привычки и интересы, рассудок и предрассудки»²⁴.

Данная идея на уровне глобального коммуникативного взаимодействия может быть выражена следующим тезисом: культурный контент информационного пространства каждого отдельного общества выступает первичным или идентификационным с точки зрения коммуниканта, для коммуникатора же таковым является информационный контент культурного пространства. Необходимо отметить, что, по нашему мнению, культурный контент информационного пространства представляет собой систему ценностей, традиций, культурно-исторических особенностей традиционно исповедуемых конкретным обществом. Данная система является основой менталитета той или иной нации и оказывает влияние на интенсивность осваивания, интеграции общества в современное информационное пространство в части активизации либо исключения определенных информационных потоков. В то же время информационный контент культурного пространства может представлять собой совокупность информационных ресурсов и технологий взаимодействия с аудиторией, которые в рамках конкретного культурного пространства могут в значительной степени сужать либо расширять свой диапазон. В этой связи необходимо учитывать универсальность СМИ как феномена современной культуры, интегрирующих достижения общества на определенной ступени его развития, действующих по принципу функциональной дополнителности и обладающих свойствами саморазвивающейся системы. Эффективность инфокоммуникативных процессов зависит от определенной социокультурной организации общества, которая способствует не хаотическому, но осознанному развитию каждой личности, стимулирует повышение уровня групповой консолидации и эффективности взаимодействия субъектов.

В обществах, где государственное регулирование информационных потоков исключает или затрудняет развитие альтернативных общественных информационных каналов, в большинстве случаев приходится говорить об информаци-

²⁴ Олейников С.В. Инфокоммуникативные технологии и социокультурные тенденции в зеркале СМИ Приднестровья // Политекс. – 2014. – Т. 10. – № 4. – С. 217.

онно-культурном пространстве, для которого характерно доминирование информационного контента и соответственно информационного пространства. В основе данного феномена, по нашему мнению, лежит *информационная культура*, т. е. систематизированная совокупность знаний, умений, навыков, направленных на удовлетворение информационных потребностей, демонстрирующая степень совершенства человека, общества или определенной его части во всех возможных видах работы с информацией²⁵, способность отдельной личности и массовой аудитории адаптировать информацию к соответствующим культурным кодам. Избыточность идеологически окрашенной информации, тиражируемой государственными средствами массовой информации, безусловно, способствует формированию определенных стереотипов в общественном сознании, но практически не оказывает влияния на аксиологическую систему личности и аудитории, поскольку, пребывая продолжительный период в условиях гипертрофированного информационного воздействия, общественное сознание вырабатывает определенный иммунитет к подобному прессингу. Именно в этом проявляется деструктивность СМИ, так как, с одной стороны, отсутствие четкой информационной политики, адекватной внутривластной ситуации, шаблонность и статичность коммуникативных стратегий снижают степень доверия массовой аудитории государственным информационным каналам, а с другой стороны, отсутствие или конкурентоспособность альтернативных источников информации создает условия для появления «побочных» нежелательных явлений в системе базовых и социально обусловленных идентичностей современной личности.

Отдавая приоритет культурному аспекту и культурному пространству, необходимо выявить алгоритм, в соответствии с которым кодируется и декодируется культурное пространство как отдельной личности, так и общества в целом. По нашему мнению, в данном случае «уместна интерпретация культурно-информационного пространства как категории, в основе которой лежит культурная информация, т. е. информация, адап-

25 Микерина Т. В. Глобальное информационное общество и проблема социокультурной идентичности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2. – № 2-3. – С. 219.

тированная к культурным кодам личности и аудитории. Это в большей степени характерно для культурно-информационного пространства государства, где отсутствуют четко выраженные угрозы национальной безопасности и зарождения или эскалации внешнеполитических конфликтов. Исключительное значение в данном аспекте приобретает соответствие информации не столько культурным кодам, т. е. языку, традициям, нормам, являющимся естественными в массовом восприятии, сколько их ментальным проекциям, т. е. социально-политическим интенциям массового сознания, настроениям в обществе»²⁶. Последнее, по мнению Н. Лумана, «является примером самовоспроизводящейся и самореферентной системы, формой существования и самоописания которой является социальная коммуникация»²⁷. Ж. Ф. Лиотар рассматривал социум как «систему дискурсивных практик»²⁸. П. Бурдьё представлял общество как «совокупность отношений, складывающихся в различные поля, каждое из которых имеет специфические типы власти» (политика, образование, наука, философия, журналистика и т.д.)²⁹ «Социальная реальность представляет собой совокупность невидимых отношений, тех самых отношений, которые формируют пространство позиций, независимых друг от друга и определяемых их схожестью или отличием, а также их относительной иерархией»³⁰.

Опираясь на вышесказанное, можно утверждать, что именно коммуникация организует социокультурное пространство, а коммуникативные процессы создают среду социума – информационно-коммуникативное пространство. «Информационно-коммуникативное пространство может быть также определено в качестве части (подпространства) пространства социокультурного. В этом случае полагается «матрешечная» схема, то есть включение в социальную реальность и действительность

²⁶ Олейников С.В. Культурно-информационное пространство: категории и дефиниции // Вестник Санкт-петербургского ун-та. 2009. – № 4. – С. 427.

²⁷ Luhmann N. The World Society as a Social System. International Journal of General Systems. – 1982. – № 8:3. – P. 131–138.

²⁸ Lyotard J. F. Critical evaluations in cultural theory: Politics and history of philosophy / Ed. By Victor E. Taylor, Gregg Lambert. – London & New York: Taylor & Francis Group, 2006. – P. 221.

²⁹ Добренёв В. И., Кравченко А. И. История зарубежной социологии. – Доступно: http://sbiblio.com/biblio/archive/dobrenkov_istorija/08.aspx

³⁰ Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. – 1989. – Vol. 7. – № 1. – P. 16.

областей, в которых действуют преимущественно информационно-коммуникативные факторы»³¹.

Существующая культурная матрица современного общества не в состоянии долго противостоять объективной информационной экспансии той или иной концепции. Как правило, общество в итоге отдает предпочтение тем идеям, которые наиболее активно тиражируются СМИ и фиксируются в массовом сознании людей. В этих условиях проявляется основная функция культурно-информационного пространства, декларируемая О. П. Неретиным как «обеспечение эффективного информационного воздействия культур, их доступа к мировым культурно-информационным ресурсам, воздействие на формирование духовного облика человека и общества»³².

Однако в ситуации общемировой нестабильности более вероятным становится деформирование культурно-информационного пространства, тем более что данный процесс чреват не только и не столько изменением социокультурной ситуации в обществе, сколько полным исчезновением отдельных субъектов мирового сообщества вследствие расхождения имплицитных и эксплицитных интенций элитарной и массовой культуры.

Безусловно, стабильность государственного развития в большей степени зависит от адекватности информационной политики страны в целом и каждого ее региона в отдельности. В рамках единой информационной политики формируется не только массовое сознание, но и модель социальной действительности, во многом определяемая усилиями массмедиа. Современная наука давно поставила в один синонимический ряд такие понятия, как «государственная» и «информационная» безопасность, поскольку в условиях глобальных вызовов главным стратегическим национальным ресурсом, определяющим экономическую и оборонную мощь государства, являются информация и информационные технологии, от которых в решающей степени зависят все сферы жизнедеятельности любого общества³³.

³¹ Калмыков А. А. Что такое информационно-коммуникативное пространство? // Оптимальные коммуникации. 2010, Март.

³² Неретин О. П. Культурно-информационное пространство многонациональной России и его развитие: проблемы, перспективы: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: РГБ, 2007. – С. 16.

³³ Там же.

Единство культурно-информационного пространства и его эффективное развитие обеспечивается устойчивостью внутренних связей каждой последующей стадии с предыдущей. Причем эта связь не просто отвергает, а транслирует самые существенные моменты предыдущей. В этом смысле любой уровень модификации культурно-информационного пространства, на наш взгляд, можно квалифицировать как единовременное отрицание старого качества, однако новые форматы, соблюдая преемственность в развитии системы, обеспечивают не только сохранение всей системы, но и долговременное ее продолжение. В системе коммуникаций данная диалектическая особенность развития состоит в том, что на новом уровне происходит своеобразный возврат к прошлому: наиболее эффективные формы и способы взаимодействия в системе «коммуникатор–коммуникант», свойства, функции, имевшие место на предшествующих стадиях, воспроизводятся уже в модифицированном и трансформированном виде. При этом акцентируется внимание именно на коммуникативной практике в условиях глобализации: идентичность мыслительной деятельности практически во всех культурах компенсируется вариативностью интерпретационной деятельности представителей различных культур и религий.

Постоянно растущий качественно и количественно поток информации, бурное развитие средств массовой коммуникации, тотальная глобализация напрямую затрагивают и информационную среду, еще раз доказывают необходимость ее моделирования и мониторинга.

Однако на современном этапе использование моделирования сопряжено с рядом трудностей: существуют значительные колебания в определении понятий, классификаций и функций разрабатываемых учеными моделей. Попытаемся предложить вариант определенной **устойчивой модели** культурно-информационного пространства на основе объективных параметров аудитории, включенных в матрицу и влияющих на стабильность и устойчивость культурно-информационного пространства современного государства. Отметим, что строки формируемой матрицы представлены в третьей главе соответствующими характеристиками аудитории, а столбцы – элиты.

Идеологический статус и фактор предполагает анализ состояния массового и элитарного сознания в контексте приерженности государственной идее и степени консолидации общества. Ф. Ницше утверждал, что идеология вечна, ибо базируется на психологии и системе ценностей личности. Пока существуют оценочные суждения – существует и идеология³⁴. Любые формы общественной жизни и непосредственно человеческой личности рассматривались сквозь «идеологическую» призму.

Идеологию невозможно понять вне контекста культуры и общества. И, тем не менее, на общество она воздействует опосредованно. Идеология – как и религия, политика, право – развивается на основе мифологии как целостного и нерасчлененного общественного сознания³⁵. Отождествление идеологии с мифологическим или религиозным сознанием происходит на том основании, что в них присутствует элемент веры, закрытой для скептического анализа.

По мнению исследователя Н. П. Лукиной, судьба современного общества «ставится исследователями в зависимость от создания новой эффективной идеологической доктрины, способной обеспечить его духовное единство, сплоченность и стать мотивирующей и объединяющей силой, формирующей общественное самосознание, направляющей поведение человека»³⁶. Данные суждения позволяют отметить «устойчивость архетипа идеологии» в социальном сознании, равно как и в культурно-информационном пространстве. Идеологическое программирование сознания человека предполагает контроль главных сфер духовной деятельности – познание и общение. СМИ в данном отношении являются базовыми институтами, способными реализовать данную задачу.

Анализ **социокультурных характеристик** аудитории и элиты предполагают получение ответов на вопросы межкультурной коммуникации в обществе, определение степени ее толерантности, культурного самосознания населения. В боль-

³⁴ Лукина Н. П. Идеология информационного общества: векторы исследовательской программы // Гуманитарная информатика. – Доступно: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/2/lukina.htm>

³⁵ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература РАН, 2000.

³⁶ Лукина Н. П. Идеология информационного общества: векторы исследовательской программы // СОЦИС. – 1996. – № 7

шинстве современных государств проблема межэтнических взаимоотношений перешла в разряд государственной, существование же полиэтнических сообществ напрямую зависит от адекватности социокультурного процесса. Провал концепции мультикультурализма в европейских странах, о котором неоднократно говорили лидеры западноевропейских стран, а также негативные тенденции в РФ подтверждают актуальность социокультурных характеристик и их диагностику в обществе³⁷.

Психологические характеристики населения и элиты являются барометром адекватности социально-политического процесса и устойчивости культурно-информационного пространства.

Д. В. Ольшанский справедливо утверждает, что в гуманитарной науке «возник огромный провал в изучении важнейшей сферы социально-психологических явлений, составляющих огромную часть нашей повседневной жизни... Психология масс стала упоминаться только вскользь, как «массовидные явления» – прежде всего толпа. Отсутствие пристального серьезного внимания к этому предмету порождало привкус негативного отношения как к чему-то не слишком важному, находящемуся на обочине научного познания»³⁸. Анализ психологических факторов и статусов позволит своевременно диагностировать степень кризисности массового сознания и предупредить специфическую форму его проявления, а также создать не только перспективную поведенческую модель массового сознания, но и ответную реакцию социальных институтов на это поведение.

На восприятие информации представителями социума влияет степень его социальной адаптированности, в частности – **деятельностные** (социально-профессиональные) и **материальные** характеристики.

На сегодняшний день одним из актуальных направлений гуманитарных исследований является изучение экономико-психологических особенностей отношения к деньгам и субъективного благополучия у представителей государственных и

³⁷ Провал мультикультурализма в Европе ничему не научил российские власти // Letopicez. – 15 сентября. – 2011. – Доступно: <http://anvictory.org>

³⁸ Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002. – Доступно: <http://lib.rus.ec/b/315599/read>

коммерческих структур³⁹. Социальные статусы и степень удовлетворенности материальным положением являются одним из основных факторов, стратифицирующих общество. Экономическое сознание отдельных индивидуумов и групп в большинстве случаев определяется уровнем субъективного благополучия и в значительной степени влияет на устойчивость и направленность социально-политического процесса, а также стабильность культурно-информационного пространства современного государства.

Демографические параметры аудитории и элиты дифференцированы на возрастные, половые и образовательные характеристики. Данные характеристики, выступая в качестве дополнительных критериев, позволяют определить те группы населения, которые более или менее толерантны к общественно-политическому процессу и социально-экономическому ландшафту, сформировавшемуся благодаря информационной политике государства.

Таким образом, формируя матрицу устойчивости культурно-информационного пространства, необходимо учитывать идеологический, деятельностный, социокультурный, психологический, материальный и демографический факторы, которые в той или иной степени могут корректироваться под влиянием СМИ и других общественных или государственных институтов.

1. 2. Институциональное измерение культурно-информационного пространства

Эволюция общественных формаций стимулирует процесс совершенствования принципов и механизмов политико-управленческой системы, которая на современном этапе включает практически все социальные образования. Сила влияния политических систем на общественное сознание позволяет им нередко выступать в качестве катализатора системных социальных преобразований.

³⁹ Дорохова И. С. Экономико-психологическая характеристика личности и эмоциональный компонент субъективного благополучия и особенности отношения к деньгам. – М, 2005.

Политологический анализ институциональных основ развития общества предлагает довольно широкий спектр методов и подходов к изучению данного феномена. Классический институциональный подход рассматривает политические институты, исключая взаимосвязь формальных норм и неформальных установок («правил игры»), которые в результате образуют сложные организационные отношения в обществе, обеспечивая в нем стабильность и порядок. Концепция «нового институционализма» («неоинституционализма») расширяет толкование понятия «институт» благодаря доминированию в ней теоретической базы бихевиоризма и теории рационального выбора⁴⁰.

Неоинституционализм в рамках политической науки можно свести к трем основным постулатам, согласно которым институты:

- являются полноправными акторами политики, имеющими собственные интересы;
- устанавливают определенные правила поведения человека;
- позволяют оценивать результаты политики и являются ее основными детерминантами⁴¹.

Говоря об отличиях институционализма от неоинституционализма, Г. Питерс отмечает, что представители первого течения в основном ограничивались описанием институтов, тогда как неоинституционалисты рассматривают институты как зависимые переменные, взаимодействующие с другими социальными явлениями, которые в качестве независимых переменных влияют на институты. Из пяти основных направлений неоинституционализма, выделенных ученым, в данном исследовании кроме исторического, структурного, а также рационального интерес представляют нормативный и социальный институционализм. Именно эти направления исследуют, во-первых, набор ценностей, определяющих поведение личности и общества, а во-вторых, характер взаимодействия между различными социальными группами, а также между государством и обществом⁴².

⁴⁰ Hall P. A., Taylor R. R. Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*. – 1996. – XLIV: – P. 936.

⁴¹ Зазнаев О. И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке / Проблемы политической науки. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 3–29.

⁴² Питерс Г. Политические институты: вчера и сегодня / Политическая наука: новые направления / пер. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой. – М.: Вече, 1999. – С. 218.

Расширяя сферу своего влияния, благодаря институциональной природе политическая система принимает на себя новые функции и соответственно обязательства в решении новых задач, большинство из которых сопряжено с экономической и культурной сферами жизни общества. Степень интенсивности влияния политической системы при этом во многом определяется устойчивостью массового сознания к магистральным идеям, генерируемым представителями политической элиты, причем на различных стадиях социального развития общественный резонанс регулируется соответствующими политическому режиму методами и средствами.

Автократические государства в эволюционных процессах особое внимание уделяли декларированию своих взглядов как единственно верных и неоспоримых, а также силовому подавлению любых альтернативных настроений в обществе. В этих условиях общественные институты, необходимые самому государственно-политическому режиму, вынуждены выступать в качестве сторонников национальной идеи и всячески ее поддерживать⁴³. Средства массовой информации в таких государствах принадлежат государственным институтам и, как известно, полностью подчинены политической элите. Основная их задача заключается в информировании населения о происходящих событиях, которые они подают таким образом, чтобы в положительном свете позиционировалась действующая власть. Все социальные институты, созданные государственными органами, декларируют истинность и перспективность действующей власти, аксиоматичность ее взглядов и политических интересов. В то же время функционирование оппозиционных СМИ либо полностью блокируется, либо инспирируется государственными структурами и отражает лояльную позицию по отношению к власти предержащим.

Сетевые технологии в большинстве стран авторитарного и тоталитарного режима также ограничены, поскольку подчинены правилу всеобщей непререкаемости государственной идеологии. Количество иностранных СМИ в таких государствах лимитировано, и их деятельность строго ограничена как

⁴³ Снетков В. Н, Жучкова Т. Ф. Влияние типов государственно-политического режима на гражданское общество // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 2 (148). – С. 122–125.

в тематическом разнообразии, так и в отношении источников получения информации. Большинство современных авторитарных режимов, будучи не в состоянии установить тотальный контроль над всеми средствами массовой информации, пытаются повысить эффективность такого контроля. Это позволяет им гарантировать свое влияние, насаждать проправительственную интерпретацию событий, подтверждая легитимность их власти, и при этом сводить на нет все усилия потенциальных конкурентов⁴⁴. Историческая ретроспектива свидетельствует, что элементы подобной социально-политической системы были присущи в разные периоды их развития практически всем современным государствам.

В настоящее время командно-административная, авторитарная модель функционирования СМИ общепризнанная несостоятельной, характерна в большей степени для государств, которые располагают какими-либо уникальными ресурсами, чаще всего востребованными в международной энергетической сфере. Подчеркнем, что подобная стратегия институционального взаимодействия в обществе до сих пор сохраняется в развитых политических системах. При этом меняется лишь вектор идеологической направленности: если ранее авторитарность ограничивалась внутривнутриполитической сферой государства и тиражируемые в обществе идеи касались исключительно национальных интересов, не затрагивая систему международных отношений, то сегодня сфера интересов отдельных государств ориентирована на внешнеполитическое развитие и экспансию своих национальных проектов в мировое пространство. В этом контексте отчетливо проявляются признаки авторитарности политической системы развитых государств и нетерпимости их элиты к альтернативной позиции других государств. Новые информационные технологии, с одной стороны, и изменение содержания межгосударственных взаимоотношений крупнейших геополитических игроков, с другой, привело к реанимации понятия «холодной войны». Технологии информационного противостояния и противодействия получают все более широкое распространение в качестве методов достижения внешнепо-

⁴⁴ Ортунг Р., Уокер К. Авторитарные режимы совершенствуют стратегию контроля СМИ. // <http://inosmi.ru/world/20140113/216450821.html> (дата обращения: 10.02.2017)

литических целей, ослабления потенциального или реально-го противника, влияния на внутреннюю политику суверенных государств, смены политических режимов, подготовки и осуществления «бархатных» революций и переворотов и даже информационного «захвата» чужих территорий⁴⁵.

Государства, не имеющие возможности реального влияния на международное политическое, экономическое развитие и лишенные ресурсного потенциала, в большей степени свободны от авторитарных амбиций; вследствие этого они склонны осуществлять коммуникацию в социальной среде на принципах диалога и толерантного отношения ко всем субъектам политической, экономической и культурной сферы. Однако и в этом случае целесообразно обратить внимание на культурный континуум, где культивируется та или иная модель информационного взаимодействия.

Политические институты в трансформирующихся обществах по причине отсутствия у них опыта функционирования и взаимодействия в новой социально-политической среде носят нестабильный характер, который, в свою очередь, порождает дискуссию о том, какие условия и факторы, политические институты и практики делают ту или иную систему демократичной, легитимируют политическую власть⁴⁶. Для проведения успешных реформ, а также в условиях стабильного социально-экономического развития необходим высокий уровень общественно-политической поддержки действующей власти и благоприятное общественное мнение, которое способствует эволюции общества. Недостаток общественной поддержки государственно-политических решений зачастую вызывает социальные потрясения, которые в современных условиях могут выражаться в форме сетевых протестных кампаний⁴⁷. Обладая крайне высоким потенциалом для формирования политической реальности и представлений о существующем мироустройстве, средства массовой информации являются одним

⁴⁵ Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 6.

⁴⁶ Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2015. – С. 3.

⁴⁷ Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2016. – С. 18.

из главных инструментов влияния на общественное сознание в политическом управлении, существенно редуцирующим существующую политическую реальность⁴⁸. Действительно, в условиях демократического развития общества журналистика является консолидированным массовым коммуникатором, представляющим интересы разных социальных групп, обобщающим и в определенной степени выстраивающим связи между ними, берет на себя функцию связующего звена между общественными и государственными институтами. При этом в политической журналистике приоритеты государственных интересов, как правило, превалируют над приоритетами отдельной личности⁴⁹.

Согласованное функционирование государственных и общественных институтов, способствующее эффективному развитию страны, возможно при условии открытого коммуникативного взаимодействия, адекватного приобретенному в результате доступа к альтернативным источникам информации опыту населения. Отсутствие критического мнения в обществе и позиционирование действий существующей власти и принимаемых ею политических решений как исключительно правильных и единственно возможных негативно сказываются на устойчивости общественного развития. Роль СМИ как детонатора или стабилизатора общественного сознания в этой ситуации усиливается, а функциональный диапазон значительно расширяется. Информационные запросы массовой аудитории не ограничиваются информационным предложением государственных СМИ, а их удовлетворение невозможно исключительно позиционированием действующей власти, что характерно для СМИ авторитарных государств.

Государственные средства массовой информации, равно как и их учредители, не всегда способны проявлять гибкость в коммуникативном взаимодействии со всеми социально-политическими акторами. Директивность и декларативность государственных СМИ как остаточные явления предшествующей политической системы зачастую подрывают доверие к ним,

⁴⁸ Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015. – С. 31.

⁴⁹ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 66.

снижают их востребованность со стороны аудитории и вынуждают ее систематически обращаться к альтернативным информационным каналам. По нашему мнению, в большинстве случаев государственные СМИ констатируют факты, реагируют на информационные провокации по отношению к политическим структурам или персонам и стараются оправдать их деятельность.

Такая функциональная специфика деятельности СМИ может быть выражена в качестве дополнения информационно-кибернетической модели политической системы Карла Дойча, причем на современном этапе данная модель может быть применена к любому институционально организованному субъекту. «Выход» данной модели необходимо усилить внешними и внутренними зондами, функции которых, скорее всего, будут выполнять СМИ, а их основной задачей станет прогнозирование реакции аудитории и корректирование «принятия решений» посредством внедрения в массовое сознание определенных установок и предпосылок структурных и функциональных изменений. В процессе принятия решений «центром» необходимо также отметить важность участия «культурного континуума» социума, выраженного в схеме блоком памяти и ценностей, что позволит на выходе получать более эффективные результаты, выраженные в адекватных действиях власти в контексте мировоззрения массовой аудитории (рис. 1).

Рис. 1. Информационно-кибернетическая модель политической системы К. Дойча

Современная модель функционирования большинства государств как политической системы, а также институциональная иерархия общества, во многом соответствуя постулатам информационно-кибернетической модели К. Дойча, предполагает активное использование средств зондирования массовой аудитории и культивирования определенных стереотипов по отдельным вопросам их предварительного освещения в СМИ. Институциональная составляющая современного государства, выступающая доминантой его организации, характеризуется вариативностью функциональной нагрузки общественных и государственных институтов в процессе реализации ими естественных прав и потребностей субъектов различного уровня. В данном случае очевидно преобладание профильных интересов, решение профессиональных проблем каждым конкретным актором государственного управления и общественного развития.

В условиях кризисного состояния социума государств с отложенным внешнеполитическим статусом такая модель развития трансформируется и определяет функциональную составляющую в качестве доминанты государственной организации. В данной ситуации в таких государствах единая функциональная нагрузка институциональных субъектов всех уровней, выражающаяся в отстаивании объединяющих общегосударственных идей, призвана консолидировать общество и противостоять какой-либо угрозе государству. Согласно функциональной теории институтов⁵⁰, государства создают институты, если они помогают выполнять функции государства. Институты должны обладать силой и прочностью⁵¹ для воздействия на объекты государственного управления.

Согласно Т. Парсонсу, общество взаимодействует в рамках четырех подсистем: экономической, политической, социальной и духовной⁵², каждая из которых, выполняя определенные функции, реагирует на внутренние или внешние требования. В этом смысле основное содержание общественного развития состоит в повышении адаптивной способности каждой из

⁵⁰ Keohane R. After Hegemony. – Princeton, 1984. – P. 85–110.

⁵¹ Martin L. An Institutionalist View: international institutions and state strategies / International order and the future of world politics / edited by T.V. Paul and John A. Hall. – Cambridge, 1999. – P. 85.

⁵² Parsons T. Social System. – Oxford: Routledge: Taylor&Francise-Group, 2005. – P. 106–115.

подсистем при условии их функциональной дифференциации и усложнении организации. Принято разделять четыре уровня общественной организации:

1) первичный (технический) уровень, где акторы взаимодействуют друг с другом непосредственно;

2) управленческий уровень, регулирующий процессы обмена информацией, происходящие на первичном уровне;

3) институциональный уровень, закрепляющий функции управления в различных социальных практиках;

4) социетальный уровень, который «недвусмысленно концентрируется в политических сферах».

Каждый уровень выполняет контролирующие и регулирующие функции по отношению к нижестоящему уровню. Смысл регулирования состоит в сохранении состояния равновесия во всем обществе. «Однако такой контроль институционализируется обычно не полностью и при нарушении равновесия сил может привести в движение силы сопротивления или создать условия для „освободительных“ движений»⁵³.

Доминирование государственных СМИ и «отсутствие альтернативных каналов в культурно-информационном пространстве государства способствует объединению общественных и политических институтов, повышению степени обособленности политической и управленческой элиты, формированию в элитарном сознании идеализированной социокультурной ситуации. Кроме того, в условиях полностью контролируемого государством культурно-информационного пространства создается иллюзия взаимодействия социальных и политических институтов, затрудняя их «прогрессивную» эволюцию к более высоким системным уровням и снижая адаптивную способность массовой аудитории к включению и генерализации ценностей»⁵⁴.

Таким образом, естественность доминирования государственных институтов в культурно-информационном пространстве современных странах чревата нивелированием конкуренции власти и общества в содержательном наполнении информационного пространства; она прямо пропорциональ-

⁵³ Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – С. 187.

⁵⁴ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 171.

на актуальности проблем реализации национальных (общегосударственных) идей и обратно пропорциональна активности общественных институтов в формировании культурного пространства.

Культурно-информационное пространство государств со статичной политической элитой по мере пребывания ее у власти приобретает специфические характеристики в процессе своего развития и взаимодействия с массовой аудиторией, которые заключаются, с одной стороны, в темпоральном усилении центростремительного вектора тематического и контекстного единообразия в описании внутривластного состояния общества государственными средствами массовой информации, а с другой – в компенсирующих их декларированность центростремительных процессах типологического разнообразия СМИ как по форме собственности, так и по идеологической направленности. Некритичность в оценках ситуаций и отсутствие стратегического мышления в государственном аппарате, так же, как отсутствие политической воли в принятии властных решений, приводят к коллапсу государства как системы. «Деструктурированные государственные институты не в состоянии обеспечить нормальное функционирование общества и поддерживать материальные и духовные блага населения на достаточном для устойчивого развития страны уровне»⁵⁵.

Многолетний опыт позиционирования государственными СМИ происходящих в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом событий в свете, угодном власти, а также искусственно актуализированного постпозиционирования знаковых исторических культурных событий затрудняет переход к новому формату вещания, в котором доминирует предпозиционирование социально значимой информации. Так, в большинстве самоопределившихся республик в тематическом диапазоне государственных СМИ доминируют материалы, описывающие события вооруженных конфликтов, трагических событий и т. д. По нашему мнению, такой подход позволил в значительной степени консолидировать общество на ранних этапах государственности. Однако в настоящее время данная

⁵⁵ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 130.

информационная политика не соответствует запросам аудитории, о чем свидетельствуют низкие рейтинги государственных СМИ государств с отложенным внешнеполитическим статусом. Альтернативные государственным информационные каналы, имея более высокий рейтинг среди населения, не только укрепляют свои позиции, распространяя якобы независимую информацию, но и могут готовить аудиторию к определенным изменениям, зондируя ее состояние и формируя в обществе определенные настроения.

Учитывая указанные проблемы формирования культурно-информационного пространства государств с отложенным внешнеполитическим статусом, необходимо подчеркнуть, что «информационный контент последних, ориентированный на внешнего потребителя информации, в большинстве случаев все же остается на внутреннем информационном рынке, многократно тиражируясь региональными СМИ и создавая тем самым нежелательный эффект. Регулярно обращаясь к идеологическому, патриотическому, культурно-историческому контенту, государственные средства массовой информации обеспечивают поддержку государству с отложенным внешнеполитическим статусом по стабилизации и укреплению общественной ситуации, однако мобилизационная составляющая информационных потоков на определенном этапе перестает адекватно восприниматься большинством населения, что может свидетельствовать о сформированности определенных устойчивых аутостереотипов»⁵⁶.

Акцентируя внимание на очевидных и тривиальных для большинства населения темах, СМИ государств с отложенным внешнеполитическим статусом, будучи автономными от внешнего потребителя, создают эффект раздражительности, что негативно отразится на уровне востребованности и доверия у массовой аудитории.

СМИ, априори замалчивающие насущную общественно-политическую проблематику и особенно – манипулирующие – «распространяют и закрепляют в общественном сознании выгодные тем или иным политическим силам стереотипы мнений,

⁵⁶ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 169.

суждений, оценок, которые в результате оказывают влияние на формирование политического выбора»⁵⁷. Манипулятивный характер массовой коммуникации подрывает доверие к СМИ, снижает эффективность взаимодействия массмедиа и аудитории. Использование манипуляционных практик опасно тем, что социальная коммуникация постепенно трансформируется из мягкой убеждающей и разъясняющей формы в жесткое информационно-психологическое насилие над сознанием и подсознанием, ощутимым фактором которого является давление на реципиента с целью изменить его мысли и поведение в пользу манипулирующей стороны⁵⁸.

Изыскания современных политтехнологов с учетом «двойственности коммуникативных и коммуникационных процессов давно перетекли из технологической плоскости в гуманитарную, а отсутствие технических новинок и новшеств все чаще компенсируется инновационными подходами в манипулировании общественным сознанием. Такое положение удваивает влияние информационной сферы на протекание международных процессов и межгосударственное взаимодействие. Необходимо отметить, что в перспективе это влияние будет только усиливаться, равно как и роль информационных институтов в процессе достижения тех или иных политических, экономических и культурных целей, что, в свою очередь, будет сказываться на уязвимости или устойчивости общественно-политической системы и национальной безопасности в целом»⁵⁹. При этом следует учитывать, что в современной международной практике уже определены основные «болевые» рычаги, активизация которых может радикальным образом изменить отношение к тому или иному субъекту международного права. К примеру, по отношению к государствам с отложенным внешнеполитическим статусом прочно закрепились такие стереотипы, как сепаратизм, незаконное производство оружия; страны арабского мира ассоциируются с терро-

⁵⁷ Козина Е. С. СМИ и выборы: ресурс и угроза политического мифотворчества. – М.: Изд-во ВК, 2005. – С. 52.

⁵⁸ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 125.

⁵⁹ Олейников С. В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 170.

ризмом; страны Центральной Америки – с наркоторговлей и криминалом и т. д.

В то же время мировой опыт подтверждает, что внешнее давление не приводит к миру и согласию в государствах, которые испытали на себе иностранное вмешательство, их политические системы продолжают находиться в турбулентном состоянии, возникают новые очаги напряженности. Современная политическая ситуация, т. е. состояние политической системы и комплекс взаимодействий между ее субъектами⁶⁰, к примеру, в Косово, где большинство сербов не желают подчиняться институтам власти самопровозглашенного и частично признанного государственного образования, являет пример спорности использованной с участием Запада модели решения национального вопроса. Решение проблем межцивилизационной конкуренции невозможно только в рамках межгосударственных отношений, необходимо развитие новых институциональных форматов, объединяющих как государственных, так и негосударственных участников⁶¹.

Эффективность развития общества во многом определяется его способностью не только качественно и рационально использовать современные информационные технологии, но и адаптировать их к условиям конкретной социокультурной среды. В настоящее время характер взаимоотношений власти и СМИ далеко не однозначный, поэтому крайне сложно определить доминирующую сторону, поскольку, по мнению М. Кастельса, «политические системы охвачены структурным кризисом легитимности, периодически сотрясаются скандалами, существенно зависят от освещения в средствах массовой информации и личностных качеств лидеров, становясь все более изолированными от граждан»⁶². Действительно, на современном этапе «легитимность политической власти обеспечивается низким уровнем развития политической культуры, манипулированием общественным сознанием, а также предложенной

⁶⁰ Мельник Г. С. Политический анализ медийного текста // *Rocznik Prasoznawczy*. – 2014. – № 8. – С. 65.

⁶¹ Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – С. 5, 7.

⁶² Кастельс М. Информационная эпоха (экономика, общество и культура). – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 19.

обществу модели развития, предполагающей приоритет относительного экономического благополучия по сравнению с демократическими свободами»⁶³.

Развивая данную идею, можно сформулировать гипотезу: в процессе интенсификации глобализационных процессов информационного взаимодействия динамика культурно-информационного пространства каждого отдельного государства есть производная легитимности его властных институтов не только и не столько на международном уровне, сколько на уровне внутренней социокультурной среды. Моделируя ситуацию, можно предположить, что дальнейшее развитие глобального общества в отношении формирования, становления и обособления культурно-информационного пространства любого региона будет характеризоваться снижением роли государственных структур, поскольку культурное измерение пространства зависит от общественных, неправительственных институтов, в то время как информационное – определяется степенью участия государства.

В этом отношении индикатором реального состояния культурно-информационного пространства может выступить модель функционирования СМИ, определяемая как социально активная при условии конвергенции моделей социальной действительности, предлагаемой СМИ и ожидаемой аудиторией. При условии дивергенции культурно-информационное пространство характеризуется активностью государственного регулирования процессов его формирования.

С одной стороны, государственное регулирование коммуникативных процессов в условиях современного мира способствует интеграции в глобальное пространство (при отсутствии информационных ограничений) и, как следствие, единению (консолидации) культурного пространства государства. С другой стороны, ограничение доступа к внешнему миру эмулирует (имитирует) процессы глобальной интеграции, усиливая дифференциацию культурного пространства государства.

Данная тенденция при детальном рассмотрении «становится более очевидной, поскольку степень социальной стра-

⁶³ Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2015. – С. 3.

тификации, а следовательно и неоднородности культурно-информационного пространства (кроме указанных факторов) возрастает соответственно типологическому разнообразию функционирующих в обществе информационных институтов, предельность которого определяется сменой их конструктивного влияния на деструктивное»⁶⁴.

Проблемы культурно-информационного развития государства являются «перманентными для обсуждения на всех уровнях политической власти, поскольку реальная потребность в переоценке существующих концепций подачи информации диктуется постоянно изменяющимися как внешними, так и внутренними факторами. Принимая во внимание трансграничную культурную ориентацию большинства современных обществ, которая определяет не только коммуникативную вариативность активизации процессов рефлексии культурно-информационного пространства каждой конкретной страны, но и формирование адекватной картины мира с объективным контентом, дальнейшее развитие ее культурно-информационного пространства может быть гарантировано при условии соответствующей культурной интеграции общественных институтов в глобальное информационное пространство»⁶⁵.

В то же время специфика культурно-информационного пространства большинства современных государств в той или иной степени заключается в полиэтничности общества. В русле этих рассуждений можно констатировать, что «модернизация культурно-информационного пространства государств с отложенным внешнеполитическим статусом в большинстве случаев является следствием целенаправленной актуализации маргинальной идентичности, в качестве которой, как правило, выступала этическая идентичность. Результатом необдуманной экстраполяции типовых демократических норм в странах нового зарубежья, официальная идеология которых зиждилась на идеях этноцентризма, стали многочисленные этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. Политика, проводимая элитой стран нового зарубежья, необоснованно нивелирующая существующие принципы ре-

⁶⁴ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 171–172.

⁶⁵ Там же. – С. 172.

гионализма и игнорирующая концепции формирования полиэтнических культурно-информационных пространств, вызвала протестную реакцию отдельных групп населения. Кроме того, именно игнорирование феномена региональной идентичности на фоне активных этноцентристских процессов способствовало сохранению культурно-информационного пространства отдельных регионов и даже возникновению новых государственных образований»⁶⁶.

Развитие современного культурно-информационного пространства демонстрирует устойчивую динамику расширения пространственных в условиях сокращения временных характеристик. Необходимо также обратить внимание на их разную природу: в системе «идеальный мир – материальный мир» именно пространство может быть изменено и преобразовано усилиями человеческой цивилизации; время же в данной ситуации обладает характеристиками идеального измерения, неподвластными человеку.

В контексте процессов глобализации пространство в полной мере соответствует не только тенденциям трансформации национальных экономических систем в общемировые, но и тенденциям расширения рамок национального сознания до планетарного масштаба, т. е. оно становится практически безграничным.

Если технологическая революция во многом предопределила сокращение временных параметров, необходимых для выполнения каких-либо производственных циклов, и повысила степень мобильности экономической, политической и информационной элит, то современные коммуникативные технологии, гарантируя в большинстве случаев «обнуление» пространственной составляющей во многом благодаря сетевой архитектуре, уравнивали возможности элитарной и массовой аудитории. Такая функциональная особенность глобальной сети обусловила технологическую развитость и востребованность компьютерной отрасли, совершенствование программных и аппаратных компонентов, способствующих многократному увеличению информационных потоков. Так как подобный прорыв информационной

⁶⁶ Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 172.

сферы и стремительные темпы ее эволюции в социальном измерении намного опередили степень готовности самостоятельного отбора массовой аудиторией адекватной информации, то весь спектр сетевых ресурсов может выступать в качестве как объединяющего, так и разъединяющего фактора.

Данное противоречие актуализирует проблему интерпретации пространства, поскольку его виртуальная безграничность, реализуемая, как правило, в индивидуальных коммуникативных практиках, чревата более глубокой дифференциацией в социальном отношении: проявлением новых идентичностей, обособлением отдельных регионов и даже их дроблением.

Именно поэтому сохранение современной системы идентичностей в обществе на фоне увеличения количества информационно-коммуникационных каналов выступает основой сохранения его культурно-информационного пространства при условии сбалансированности процессов социокультурной стратификации посредством сетевой коммуникации, способствующей развитию либертарианизма и актуализации феномена многомерной идентичности (полиидентичности) отдельной личности в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом.

Учитывая непосредственность сетевого взаимодействия источника и получателя информации, необходимо отметить, что канал распространения информации как одно из основных условий коммуникативного процесса (в системе «источник–канал–получатель») сохраняет свою значимость исключительно с технологической точки зрения. Канал распространения информации с социальной точки зрения может быть рассмотрен в виде любого средства информации, в том числе массовой, которое обеспечивает процесс не только непосредственного распространения информации, но и ее интерпретации и придания ей социальных контекстов и смыслов.

Необходимо учитывать акцент специфики восприятия аудиторией информационных потоков, так как существуют два основных способа реакции на мир – эмоциональный и рациональный⁶⁷. Говоря о моделях социальной действительности необходимо учитывать преобладание эмоционального начала

⁶⁷ Доброхотов А. Л. Введение в философию. – Доступно: <http://philosophy.wideworld.ru/books/introduction/>

над рациональным оцениванием окружающей действительности в ходе освоения социокультурной действительности. Непосредственное переживание полноты бытия дается не только и не столько *рационально*, сколько *эмоционально*. Сущность журналистики как формы общественного познания также основана на единстве рационального и образного постижения действительности. Именно благодаря синтезу научных и художественных методов освоения и отображения действительности журналистика нацелена не только на познание какого-либо объекта, но и на создание определенного его образа, отношения к нему посредством информационного воздействия⁶⁸. Единство рационального и эмоционального, взятое с точки зрения полноты бытия, выдвигает эмоциональный момент на первое место. Если рациональное – это не жизнь, а только отвлеченное условие возможности жизни, то эмоциональное – это само содержание жизни. Однако именно паритетность двух противоположностей и изучение одной сквозь призму другой позволяет получать адекватные интерпретации в процессе функционирования современной личности.

В коммуникационном воздействии соревнуются две силы – убеждения и внушения. Но они не равны, первая обращена к разуму, рациональности, вторая – к эмоциям, чувствам, к коллективному бессознательному. Воздействие на аудиторию согласно лингвистической теории аргументации также разделяется на рациональное и эмоциональное. В силу того, что природа человека бинарна, она разумно-эмоциональна, вопрос о приоритете эмоциональных или рациональных факторов, влияющих на принятие решений сохраняет свою дискуссионность, а благодаря этому и актуальность⁶⁹. Рациональность и эмоциональность с точки зрения массовых коммуникаций апеллируют, соответственно, к удовлетворению практических, функциональных потребностей или психологических, социальных или духовных потребностей⁷⁰. Рациональная аргументация раскрывает

⁶⁸ Ким М. Н. Журналистика как форма общественного познания // Вестник Санкт-петербургского университета. – Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2006. – С. 119–123.

⁶⁹ Назайкин А. Н. Практика рекламного текста. – М., 2003. – С. 40–43.

⁷⁰ Бове К. Л., Арэнс У. Ф. Современная реклама. – Тольятти: Издательский дом «Догань», 1995.

внутренние признаки предметов и явлений, опирается на логику, умозаключения и связана с содержательно-концептуальной информацией. Эмоциональная аргументация ориентирована на эмоции, чувства и ощущения⁷¹. То, что люди чувствуют, может быть настолько же важно, как и то, что они знают⁷².

Соппротивление эмоциональному прессингу со стороны СМИ практически невозможно вследствие тенденции, которая в современном информационном мире становится все отчетливее. Ю. Хабермас в своих работах писал о проблеме снижения критического знания в демократических обществах. Согласно его концепции свободное публичное обсуждение социально-политических проблем аудиторией и ее право выбора, в большинстве случаев подменяется экспертными мнениями, в основе которых лежит инструментально-рациональное знание⁷³. Развивая данную мысль, можем предположить, что процесс коммуникационного воздействия на массовую аудиторию силой образов и интенсивностью коммуникационного потока, также основан на инструментально-рациональном знании, на технологиях «обработки людей людьми»⁷⁴. Итак, образ в массовых коммуникациях – это рациональное и эмоциональное впечатление на основе обозначаемого устойчивого смысла⁷⁵. И стихийные образы, возникающие в результате анализа, комментирования впечатления об объекте, и сконструированные, т. е. формирующиеся в зависимости от замыслов их создателей и нацеленные на изменение объекта, основаны, как правило, на определенных смыслах, вне которых прекращают свое существование. Доверие к этим образам и смыслам в рамках социолого-семантической модели коммуникационного воздействия определяет эффективность коммуникационного воздействия на аудиторию⁷⁶.

⁷¹ Власова Н. Рекламный конструктор. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 255 с.

⁷² Уэллс У., Бернет ДЖ., Мориарти С. Реклама: принципы и практика / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1999. – С. 272–273.

⁷³ Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия // Западная теоретическая социология / сост. И. А. Громов, А. Ю. Мацкевич, В. А. Семенов. – СПб.: Ольга, 1997. – С. 309–329.

⁷⁴ Макаревич Э. Ф. Об эффективности коммуникационного воздействия // Социология и жизнь. – 2015. – № 1. – С. 122.

⁷⁵ Аверинцев С. София-Логос. Словарь. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. – Киев.: Дух і літера, 2006. – С. 387.

⁷⁶ Макаревич Э. Ф. Об эффективности коммуникационного воздействия // Социология и жизнь. – 2015. – № 1. – С. 118–119.

Резонанс социально значимых процессов и событий, многократно усиливаемый средствами массовой коммуникации в культурно-информационном пространстве теряет доминирующий вначале эмоциональный фон, полностью переходя в рациональное измерение. Причем интерес массовой аудитории к стратегически важным решениям государства в проекции на внутренние проблемы общества со временем не снижается, постоянно поддерживаясь тактическими ходами государственных и общественных институтов и текущими социальными проблемами.

Актуальным в рамках исследования представляется анализ специфики подачи и восприятия информационных потоков в ситуации внешнеполитического противостояния, присутствия внешней угрозы обществу. В подобных ситуациях эмоциональный фон сохраняется на достаточно высоком уровне, оспаривая право на доминирование у рационального способа восприятия массовой информации. Консолидация общества в данном случае базируется не на внутриполитическом единстве, а на едином противостоянии внешнему воздействию, которое всячески стимулируется СМИ. Подобная информационная политика характеризуется избыточностью внимания к внешнеполитической и недостаточностью внимания к внутриполитической идеологии, которая основывается исключительно на страхе перед внешними угрозами.

В государствах с отложенным внешнеполитическим статусом поддержание эмоционального фона в культурно-информационном пространстве способствует формированию своеобразного иммунитета у массовой аудитории к общественно-политическим событиям, что делает население, с одной стороны, более устойчивым и терпимым к текущим проблемам, формируя четкие стереотипы в системе «свой–чужой» и модифицируя иерархию культурных маркеров и социальных идентичностей современной личности, а с другой – инертным и управляемым, поскольку апеллирование к внешнеполитической ситуации исключает адекватную оценку происходящих событий. В отношении производителей информационных продуктов подобная информационная политика чревата шаблонностью и стереотипностью профессиональных подходов к

освещению любых событий в контексте межгосударственного противостояния, а также неспособностью адекватной оценки происходящих событий.

В отдельных государствах с отложенным внешнеполитическим статусом кризисное массовое сознание повлияло на алгоритм восприятия информации. С одной стороны, эмоциональная составляющая, перманентно доминируя над рациональной, в большей степени вызывает доверие у населения, однако не столько благодаря высокой степени авторитета местной власти, сколько вопреки информационным потокам оппонентов, не требуя, как правило, доказательств правильности позиций местной политической элиты. С другой стороны, умышленное обсуждение отдельных вопросов развития внешнеполитической ситуации может привести к нивелированию культурных смыслов распространяемой информации, которое со временем позитивно скажется на культурно-информационном пространстве с точки зрения его эмоциональной стабильности и устойчивого развития.

Таким образом, эмоционально-рациональное восприятие массовой аудиторией маркеров современного мира в контексте основных культурно-информационных тенденций его развития предопределяет конкуренцию культурного и информационного измерений социального континуума. Информация, интерпретированная культурными кодами, будучи фундаментом и основой для возникновения самой культуры и культурного пространства, находится в функциональной зависимости от культурного пространства, которое в значительной степени влияет на интенсивность и качество информационных потоков.

Экстраполяция в социальную практику предложенной модели восприятия помогает в некоторой степени осмыслить природу снижения доверия населения СМИ, контент которых однотипен и предсказуем, и соответственно падения рейтинга элит, которые эти СМИ представляют, на фоне повышения востребованности альтернативных источников информации.

Эпоха доминирования традиционных СМИ в большей степени гарантировала социальную стабильность и адекватность подачи и восприятия социально значимой информации. В современных условиях отсутствие регламентированных по-

средников в системе коммуникатор–коммуникант создает предпосылки для более вариативного, вольного изложения и, следовательно, трактовки происходящих событий. Интенсивность использования сетевых ресурсов и невозможность их дифференцирования сообразно идеологической, политической или культурной конъюнктуре обуславливают особое внимание институтов государственной власти к обеспечению стабильности общественного развития, в значительной мере влияя на степень доверия массовой аудитории.

Рассматривая информационное взаимодействие в контексте социокультурного развития государства, следует признать, что независимо от природы информационной системы (государственные и общественные институты) ее воздействие всегда направлено на массовую аудиторию. В случае оппозиции государственных и общественных институтов «любое информационное воздействие негативно для культурного континуума и может спровоцировать трансформацию культурно-информационного пространства государства. В зависимости от доминирующей стороны это может привести как к смене государственного строя революционным путем, так и к усилению роли государства в общественных процессах, граничащей с нарушением прав и свобод граждан. Согласованная, взаимодополняющая деятельность государственных и общественных институтов призвана ускорить формирование основ гражданского общества, и катализатором в этом процессе может выступить система средств массовой коммуникации»⁷⁷.

Таким образом, устойчивость государственного развития и соответственно культурно-информационного пространства во многом определяется степенью приверженности базовой национальной модели развития, которая основана на традиционном для общества ценностном и идеологическом фундаменте и культивируется государственной образовательной и информационной политикой. Попытки резкого изменения аксиологических основ общества путем насаждения альтернативной системы ценностей, предпринятые в конце 90-х годов прошлого столетия политическими и культурными элитами бывших

77 Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 171

союзных республик, привели к расколу в обществе, а усилия СМИ спровоцировали политические конфликты, повлекшие трансформацию культурно-информационного пространства республик вплоть до его дробления и появления новых государственных образований.

В свою очередь, кризисность и, как следствие, мобилизация массового сознания в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом повлияли на алгоритм восприятия информационных потоков СМИ аудиторией: если эмоциональная составляющая доминирует над рациональной, то большая часть информации считается населением истинной не благодаря высокой степени доверия местной власти, а вопреки информационным усилиям оппонентов, при этом нет необходимости в особых доказательствах объективности собственной позиции. С другой стороны, со временем степень мобилизованности и кризисности сознания снижается, но ставшая традиционной журналистская практика провоцирует создание у СМИ представления о высокой степени собственной авторитетности, и усиленное обсуждение ими отдельных политических вопросов может привести к их выпадению из ранга актуальных для массовой аудитории и сформировать своеобразный иммунитет у населения к политической ситуации. В результате сообщество становится более подготовленным к возможным провокациям со стороны как официальных, так и оппозиционных СМИ, что в перспективе приведет к затуханию эмоциональности и постепенному формированию рационального восприятия информационных потоков. При подобном сценарии средства массовой информации могут оказаться в ситуации, когда население станет не только эмоционально равнодушным к информационному продукту, тиражируемому такими СМИ, но и критично настроенным вследствие их несостоятельности.

1.3. Функциональное измерение культурно-информационного пространства

Функциональный анализ государственных и общественных структур современного социума позволяет по-новому осмыс-

лить роль и значение институтов информационного обмена, а также принципы и механизмы регулирования информационных потоков в обществе и выявить эффективный алгоритм их распространения. Различные подходы к изучению функционального спектра СМИ обеспечивают системность получаемых результатов, однако журналистская практика свидетельствует, что не всегда результаты теоретических исследований находят свое отражение в деятельности газет, журналов, радио и телевидения.

Содержание информации, которой обмениваются мир и человек, определяет характер развития личности: по восходящей или по нисходящей линии оно идет, в сторону прогресса или в сторону регресса движется мир. Одним из главных факторов, определяющих направление развития личности и общества в целом, является институт средств массовой информации и та функциональная нагрузка, которую выполняют СМИ. Необходимо отметить, что современные средства массовой информации находятся в довольно противоречивой ситуации: с одной стороны, они ответственны за развитие общества, прогрессивность и перспективность массового сознания, но с другой стороны, есть желание массовой аудитории получать информацию, в определенной степени разлагающую моральные устои и культурные ориентиры общества. Другими словами, попытки соответствовать информационным запросам населения могут способствовать его скорейшему разложению и деградации, а продвижение аналитической информационной политики чревато потерей аудитории. Достижение гармонии в реализации профессиональной деятельности журналистов возможно при условии четкого определения и осознания функциональной сущности СМИ.

Проблеме определения и анализа функций средств массовой информации в теории журналистики уделено достаточно много внимания, поскольку, как отмечает Е. П. Прохоров, «именно через функциональную направленность характеризуется место и роль в жизни любого предмета, явления или вида деятельности»⁷⁸. Очевидно, что средства массовой коммуника-

⁷⁸ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 57.

ции, формируя мировоззрение массовой аудитории, влияют на вектор общественно-политических процессов современности, т. е. выполняют, по мнению Г. П. Байгариной, «функцию ориентации и концептуализации действительности»⁷⁹. Мануэль Кастельс в своих рассуждениях также доказывает, что «новая коммуникационная система, все больше говорящая на универсальном цифровом языке, одновременно интегрирует в глобальном масштабе производство и распространение слов, звуков и изображений в нашей культуре и приспособливает их к персональным вкусам и настроениям индивидов. Интерактивные компьютерные сети растут по экспоненте, создавая новые формы и каналы коммуникации, формируя жизнь и формируясь жизнью в одно и то же время»⁸⁰.

Эффективность системы СМИ как социального института во многом зависит от адекватного понимания роли журналистики и ее общественных функций не только профессиональным журналистским сообществом, но и взаимодействующими с ним субъектами. Выделим в этом плане мнение представителя Санкт-Петербургской научной школы А. С. Савицкой, которая справедливо утверждает, что «источником значительной части проблем в отношениях журналистики с аудиторией, органами государственной власти, социальными группами и институтами является кардинальное несоответствие представлений, в том числе, и о функциях журналистики и средств массовой информации, что приводит к возникновению существенных, пользуясь термином из теории коммуникации, семантических шумов, и значительно снижает эффективность коммуникативного процесса»⁸¹.

В контексте данного высказывания В. В. Тулупов, характеризуя состояние современной российской журналистики как кризисное, в качестве одной из проблем, послуживших этому причиной, видит отсутствие четкого понимания профессиональных ролей журналистов (пропагандист, организатор,

⁷⁹ Байгарина Г. П. СМИ и современная культура. – Доступно: <http://prstr.narod.ru/texts/num0506/bay0506.htm>

⁸⁰ Кастельс М. Информационная эпоха (экономика, общество и культура). – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 19.

⁸¹ Савицкая А. С. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2009. – С. 76.

воспитатель, развлекатель, собеседник, распространитель информации, аналитик власти, противник власти)⁸².

Взаимодействие государства и СМИ особенно затруднено и противоречиво в транзитивных обществах (что характерно не только для России, но и для стран восточной Европы и СНГ), где процесс торможения реформ определяется не только политическим и экономическим уровнем, но и противоречиями формирования духовно-нравственных основ общественной жизни. СМИ вынуждены и сотрудничать с властью, и ответственно конкурировать с ней⁸³. В транзитарном обществе модернизация журналистики предполагает устранение диссонанса прежних представлений о ее роли и новых социальных прессовых реалий⁸⁴.

Средства массовой информации, выполняя важную информационную роль, становятся своеобразным посредником между государственными институтами и аудиторией, причем в процессе функционирования СМИ предполагается двусторонняя связь. Между журналистом (коммуникатором), который представляет институциональную структуру, и аудиторией (реципиентом) существует технический канал связи, посредством которого СМИ стараются удовлетворять информационные запросы общества. Выражая и формируя общественное мнение, СМИ, с одной стороны, аккумулируют опыт и волю населения, а с другой – воздействуют на сознание и моделируют коллективные действия в обществе⁸⁵.

Несмотря на довольно широкий спектр научных исследований в области анализа сущностных функций и роли СМИ, изучения субъектов и факторов, детерминирующих эти функции от их простого неупорядоченного списка до сложных структурных

⁸² Тулупов В. В. Российская журналистика на фоне последствий системного кризиса // Relga (научно-культурологический журнал). №1 [103]. 18.01.2005. – Доступно: www.relga.ru (дата обращения 22.10.2017 г.)

⁸³ Теоса В. В. СМИ в переходный период: нравственно-этический аспект // Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective / by ed. V. Moshneaga. (на румын. яз.). – Chișinău: Captes, 2001. – С. 249.

⁸⁴ Корконосенко С. Г. «Переходное» состояние теории журналистики в России: от нигилизма к модели // Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective (СМИ в переходный период: нравственно-этический аспект) / by ed. V. Moshneaga. (на румын. яз.). – Chișinău: Captes, 2001. – С. 79.

⁸⁵ Иванов А. В. Место и роль СМИ в современной политической жизни общества // Эксперты для гражданского общества. – Доступно: <http://www.4cs.ru/materials/publications/>

иерархий во всем многообразии существующих взаимозависимостей, к сожалению, большинство из них являются эклектичными, внутренне противоречивыми, изучающими конкретные аспекты феномена без учета его системного характера.

Одна из первых универсальных моделей функций социальной коммуникации, предложенная Г. Лассуэллом, включала в себя три составляющих: во-первых, контроль за окружающей действительностью (*surveillance*); во-вторых, установление координации в отношении разных частей общества к окружающей действительности (*correlation*); в-третьих, передачу социального наследия следующим поколениям (*transmission*)⁸⁶.

Совершенствуя свою модель, американский политолог предложил уже пять уровней коммуникации. На первом месте вследствие особой важности массовой информации для общества располагаются коммуникаторы – создатели информационных сообщений. В их задачу входит подготовка информационных сообщений, которые должны быть доступны и понятны для потенциальных потребителей, находящихся в разных регионах страны, континента или всей планеты.

На втором месте располагается информация, распространяемая при помощи средств массовой коммуникации. Природа массовой информации непосредственно зависит от характера деятельности людей в различных социальных сферах, она отражает общественные процессы как в глобальном, так и в локальном измерении. Ценность массовой информации измеряется, как правило, степенью востребованности и эффектом ее воздействия на индивидов, т. е. определяется такими ее свойствами, как представительность, доступность, полнота, достоверность, своевременность, этичность и др.

На третье место в структуре массовой информации Г. Лассуэлл ставит систему средств массовой коммуникации, которая, по его мнению, формируется средствами массовой информации; телекоммуникацией; информатикой. Четвертое место в модели американского политолога отводится потребителям информационных потоков, т. е. массовой аудитории.

⁸⁶ Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // Mass Communications / Ed. by W. Schramm. – Urbana, 1960. – P. 118.

Пятой в структуре массовой коммуникации рассматривается реакция аудитории на потребление определенной массовой информации⁸⁷.

В настоящее время выделяются пять основных типов реакций на массовую информацию:

1) реакции, связанные с особенностями деятельности индивидов в социальных общностях: когнитивные (изменение информированности, стимуляция интеллектуальной деятельности, активизация познавательной деятельности, повышение интереса к информации и создание новой информации с элементами полученной); ценностные (создание новых идей и установок, а также новых ценностных систем, изменение или закрепление уже сложившихся ценностей, побуждение к выражению личных взглядов и к дискуссиям); организационные (практические действия в соответствии с полученной информацией в общественно-политической, экономической и других сферах жизнедеятельности); тонизирующие (изменение или поддержание психофизиологического состояния индивидов и масс); коммуникативные (распространение и обсуждение полученной информации, установление обратной связи с источниками информации);

2) явные (доступные непосредственному наблюдению) и скрытые (ограниченные областью сознания индивидов и внешне не проявляющиеся);

3) желательные и нежелательные; основные и побочные; предусмотренные и неожиданные;

4) характеризующие изменения в сознании и деятельности индивидов;

5) связанные с временными параметрами происходящих изменений в поведении и сознании аудитории: ближние, дальние, краткосрочные и продолжительные⁸⁸.

Согласно мнению Г. Лассуэла, масс-медиа держат членов аудитории в курсе происходящих событий посредством наблю-

⁸⁷ Lasswell, H. The Structure and Function of Communication in Society / H. Lasswell // In L. Bryson (ed.) The communication of ideas. – N. Y. : Harper, 1948. – P. 37–51 ; Lasswell, H. The Uses of Content Analysis Data in Studying Social Change / H. Lasswell // Science and Culture. – 1967. – Vol. 33. – № 4.

⁸⁸ Евдокимов В. А. Аудитория масс-медиа как объект и субъект коммуникации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2010. – № 2 (6). – С. 136–142.

дения за внешней средой. Рассматривая различные фрагменты внешней среды, средства массовой информации помогают членам аудитории понять ее структуру в целом. Связывание воедино фрагментов внешней среды позволяет потребителям массовой информации составить более адекватное представление об окружающем мире. Наконец, СМИ служат для передачи социальных норм и установок новым поколениям потребителей информации масс-медиа. Передача социального наследия – весьма важная функция средств массовой информации, недаром во многих странах, импортирующих медийные продукты из США, в качестве серьезнейшей проблемы рассматривается культурный империализм Запада, навязывающий чуждые социальные нормы и ценности.⁸⁹

Согласно бихевиористской концепции, аудитория выступает в качестве пассивного объекта управления, от которого можно ожидать конкретную реакцию на определенные события и даже предсказать их тесную взаимосвязь⁹⁰. Г. Лассуэл также полагал, что аудитория является пассивной, слепо воспринимающей сообщение. Исходя из этого, он сравнивал воздействие СМИ с «подкожной иглой», которая впрыскивает потребителям необходимое отношение к ситуации, а оно влечет за собой соответствующие отклики и действия⁹¹. Анализ данной концепции позволяет выделить два важных аспекта, которые влияют на эффективность формирования общественного мнения посредством СМИ. Во-первых, поведение человека в данном контексте воспринимается только как ответ на «стимульный материал» от внешней среды, при этом практически игнорируется внутренняя мотивация индивида. Во-вторых, с позиций бихевиоризма общество является совокупностью практически несвязанных друг с другом людей, на поведение которых не влияли сложные социальные связи. Следовательно, СМИ оказывали влияние «напрямую», без посредников, и именно такому влиянию индивид не в силах противостоять.

⁸⁹ Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М., 2004. – С. 148.

⁹⁰ Питерова А. Ю. Взаимодействие СМИ и общества: основные модели и концепции // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – Т. 3. – № 4. – 2015 // <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения 20.03.17 г.)

⁹¹ Braddock R. An Extension of the «Lasswell Formula» // Journal of Communication. – 1958. – № 8. – С. 88–93.

До 40-х годов XX столетия при изучении СМИ, как правило, выделялась триада функций: информирования, пропаганды, организации.⁹² Отметим, что их довольно часто относят исключительно к политическим функциям СМИ, и они до сих пор сохраняют актуальность⁹³. Функции массовой коммуникации, обеспечивая непрерывный процесс познания человеком окружающей действительности, могут быть представлены тремя основными направлениями: информационные функции, функции регулирования общественных отношений и культурно-просветительские функции⁹⁴.

Пропорционально количеству научных изысканий в области функционального анализа СМИ увеличивалось и количество функций, приписываемых данному социальному институту:

- надзор или наблюдение: сотрудники СМИ собирают информацию, на основе которой могут осуществлять предостерегающий (предупреждающий об опасности) и инструментальный (передача аудитории информации, полезной для повседневной жизни) надзор;

- интерпретация: средства массовой информации не просто сообщают факты, они указывают на их значение. Исполняя роль информационного привратника, СМИ осуществляют селекцию информации, определяя, какие факты, персоны, организации и в каком объеме представлены в медийном пространстве;

- соединение, связь: СМИ способны соединять различные части общества, не связанные между собой напрямую (граждане имеют возможность объединяться с помощью медиа на основе общих интересов в области политики, профессии, досуга);

- трансмиссия или передача ценностей: СМИ транслируют социальные ценности, нормы, правила поведения, ролевые модели, которые воспринимаются аудиторией; таким образом происходит воспроизведение важных общественных паттернов;

⁹² Поликарпова Е. В. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе: Монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-н/Д., 2002.

⁹³ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 116.

⁹⁴ Там же. – С. 108.

– развлечение: массмедиа обладают значительным спектром возможностей, делающих развлечение доступным для массовой аудитории при относительно низкой цене за данный продукт⁹⁵.

Несмотря на структурные изменения в отечественных СМИ и политические изменения в стране, функции СМИ существенных трансформаций не претерпели⁹⁶. Тем не менее, сложность и переменчивость современного мира обуславливают динамичность функциональной иерархии СМИ, выдвигая в качестве приоритетных наиболее актуальные функции для поддержания или противодействия конкретным социально-экономическим процессам в обществе.

Стремительное развитие технологической составляющей современных СМИ не всегда позитивно сказывается на качестве медиаконтента, что нивелирует аксиологическую функцию СМИ и их способность адекватно воздействовать на формирование ценностного составляющего (когнитивного уровня) информационного пространства. Поэтому вполне закономерно, что аксиология как новое направление в науке о журналистике привлекла в последние годы столь активное внимание исследователей⁹⁷. Современные СМИ, демонстрирующие изменившиеся формы коммуникации, в рамках новой интегративной культуры способствуют формированию общих оценок, общих норм поведения, иными словами, приводят к господству общих стереотипов «усредненной» культуры, негативно влияющих на систему ценностей современной личности.

У истоков аксиологии стояли выдающиеся мыслители: В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Н. Гартман, М. Вебер, Э. Гуссерль, М. Шелер, Э. Кассирер, М. Хайдеггер и др. Наиболее широкое понимание системы социальных ценностей интерпретируется как культурно-исторический феномен, который вырабатывается тысячелетиями и становится носителем социального, культурного, культурно-этнического или культурно-национального наследования.

⁹⁵ Цит. по: Алешина И. В. Паблик рилейшнз для менеджеров. – М., 2004. – С. 110–111.

⁹⁶ Ключев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017. – С. 107.

⁹⁷ Громова Л. П. Проблемы современной журналистики в контексте исторического развития // Известия Южного федерального университета. Филол. науки. – 2013. – № 3. – С. 155.

Необходимо отметить, что аксиологически-креативную функцию в научных исследованиях стали выделять со второй половины прошлого столетия, когда средства массовой информации трансформировались в аудиовизуальную форму искусства, науки, образования. Именно тогда возникла необходимость изучения и осмысления их как транслятора культурных ценностей общества⁹⁸. Тенденции политизации общества и доминирование идеологических акцентов в деятельности СМИ способствовали разветвлению аксиологически-креативной функции на собственно аксиологическую и креативную. Причем вторая в большинстве случаев не имеет ничего общего с трансляцией культурных ценностей, профилируясь на развлечении аудитории, используя ограниченный спектр досуговых, релаксирующих технологий, в том числе стереотипизирующих сознание массового потребителя информации и способствующих его деградации. Установка на развлечение ради развлечения, ставка на зрелищность, культ секса, пропаганда жестокости и насилия превращает журналистику или в «фабрику звезд и грез», или в пространство пошлости, грубости, цинизма и бесчеловечности⁹⁹. Современные медиатехнологии создают ложные духовно-ценностные объекты, подобные подлинным, что затрудняет распознавание истинности создаваемой новой информации. Беспокоит высокая степень иллюзорности и возможность манипулирования сознанием человека¹⁰⁰.

В результате происходит формирование относительной безответственности, безотчетности и раскованности как мышления, так и действий – своего рода инфантилизма у индивида, неспособного размышлять, с примитивными ощущениями, отсутствием связи с поколениями и культурой народа¹⁰¹. Именно такой потребитель массовой информации более управляем и

98 См.: Lassuel H.D. The Structure and Functions of Communication in Society // The Communication of Ideas. – 1948. – № 4.

99 Дускаева Л. Р. Функционирование российской журналистики в сфере досуга: проблема сохранения культурно-нравственных ценностей / Медиа. Демократия. Рынок. Часть 2. Функционирование средств массовой информации в сфере досуга: Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Астерион, 2010. – С. 31.

100 Кулибаба С.С. Медиaproстранство и трансляция духовных ценностей // Медиакультура новой России: методология, технологии, практика: Матер. Междунар. научн. конф. Т. II. – Екатеринбург–М.: Академический проект, 2007. – С. 130.

101 Поликарпова Е. В. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе: Монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-н/Д., 2002.

легче поддается идеологическому воздействию, в большинстве случаев даже не утруждая себя проверкой адекватности той или иной государственной идеи, а принимая ее априори верной¹⁰².

«Деятельность средств массовой информации аксиологична, она направлена на распространение системы взглядов на мир, структурированных согласно определенной совокупности ценностей»¹⁰³. Исследователь Е. В. Поликарпова также резонно утверждает, что массмедиа уже давно стали одним из компонентов психосоциальной среды обитания человечества; они претендуют на роль очень мощного фактора формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества. Массмедиа принадлежит лидерство в области идеологического воздействия на общество и личность. Они стали трансляторами культурных достижений и активно влияют на принятие либо отрицание обществом тех или иных ценностей культуры¹⁰⁴. Петербургский ученый В. А. Сидоров в свою очередь полагает, что СМИ являются творцами не просто содержания, но и определенной ценностной системы¹⁰⁵. Интересным также представляется мнение Т. Е. Нерсесовой, согласно которому ценности выступают интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой малой или большой социальной группы, культуры, нации, наконец, для человечества в целом¹⁰⁶. Однако СМИ и сами принимают участие в формировании ценностей, причем эти процессы часто остаются бесконтрольными и малоизученными¹⁰⁷.

В условиях современной глобальной системы духовного производства возникают принципиально новые социальные цели, в большинстве случаев не связанные с какими бы то ни

¹⁰² См.: Поликарпов В. С. Контуры будущего цивилизаций. – Ростов-н/Д., 2000; Философия безопасности. – СПб.; Ростов-н/Д., 2001.

¹⁰³ Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2010. – С. 5.

¹⁰⁴ Поликарпова Е. В. Аксиологические функции массмедиа в современном обществе // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polikarp/01.php (дата обращения: 10.02.2017).

¹⁰⁵ Сидоров В. А. Ценностное осознание журналистики // Медиаобразование: концепции и перспективы: Материалы для дискуссии / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб, 2006. – С. 39.

¹⁰⁶ Нерсесова Т. Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки // Медиаскоп. – 2011. – Вып. № 2 // <http://www.mediascope.ru/node/835> (дата обращения: 10.02.2017).

¹⁰⁷ Поликарпова Е. В. Аксиологические функции массмедиа в современном обществе // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polikarp/01.php (дата обращения: 10.02.2017).

было нравственными нормами. Все это чревато появлением различных личностных притязаний, что, при невозможности их реализации в обществе, может привести к маргинализации целых социальных групп¹⁰⁸.

Аксиология СМИ наряду с выражением эмоциональной активности духовной жизни человека заключается в распространении в обществе системы взглядов на мир, представленной определенной совокупностью ценностей. Понятие «ценностные ориентации» трактуется как ключевой компонент массового сознания; рефлексивно осознаваемое, относительно устойчивое отражение в сознании личности или какой-либо общности людей ценностей, признаваемых ими в качестве важных, стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров¹⁰⁹.

В отдельных государствах постсоветского пространства приоритет аксиологической функции СМИ предопределен формированием совершенно новой модели государственного развития, альтернативной по отношению к традиционной советской. Причем в сложившейся ситуации СМИ государств, втянутых в противостояние, по-разному организуют свою деятельность и выстраивают собственную иерархию функциональной нагрузки масс-медиа, исключая статичность функций конкретного СМИ и тем более информационной системы государства в целом. Именно этим предопределяется широкий спектр не столько научных исследований в области функционального анализа средств массовой информации, сколько мнений и позиций по исследуемой проблеме. Так, западная научная концепция рассматривает журналистику с позиции коммуникативной науки, ограничивая функциональный спектр функциями собственно масс-медиа. Отечественная школа, в меньшей степени сосредоточенная на коммуникационной составляющей журналистики, относит к числу функций средств массовой информации информационную, аналитическую, развлекательную, образовательную, мобилизационную, инно-

¹⁰⁸ Нерсесова Т. Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки // Медиаскоп. Вып. № 2. 2011 // <http://www.mediascope.ru/node/835> (дата обращения: 10.02.2017).

¹⁰⁹ Лисицкая Л. Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2010. – С. 12.

вационную, контрольную, функцию социализации, функцию критики, функцию артикуляции и интеграции, функцию формирования общественного мнения¹¹⁰.

Необходимо отметить определенную неравнозначность приведенных выше функций в той части, что информационная, или информирующая, функция СМИ является не только базовой и первичной, но и интегральной для всех других функций, описываемых в научной литературе. Принимая за основу постулат о том, что любая информация обладает смыслами, становится очевидна, во-первых, производность аналитической, развлекательной, образовательной и других функций от информирующей (информационной) и, во-вторых, противоречивость попыток введения последней в одноранговый перечень функций СМИ. Таким образом, именно средства массовой информации как признанный социальный институт, придавая социальным явлениям и событиям определенные смысловые значения, акценты, однозначно воспринимаемые массовой аудиторией и адекватно рефлекслируемые культурным пространством личности, способны корректировать вектор общественного развития и способствовать его устойчивости, реализуя тем самым определенные функции СМИ, которые выступают в качестве своеобразных проекций первичной информационной.

Особого внимания заслуживают политико-идеологические факторы, предполагающие эффективную и достаточно чётко функционирующую систему социально-государственного управления, сопряжённую с наличием и включением в действие групп концептуальных идеологем – паттернов именно идеологического содержания, обладающих аксиологическими признаками, которые обуславливают общее состояние системы СМИ в определённый момент и либо способствуют её развитию, либо тормозят его¹¹¹.

Идеологическая функция СМИ проявляется в их способности и возможностях создавать, распространять, мотивировать и в известной мере охранять социальные ценности государства и общества. Средства массовой информации играют

¹¹⁰ Цит. по: Дзялошинский И. М. Общественно-политические функции СМИ: день сегодняшний. – Доступно: www.frip.ru/newfrip/cnt/library/books/0011/part4/

¹¹¹ Мисонжников Б. Я. Политико-идеологические предпосылки создания медиатекста // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2013. – № 19. – Вып. 4. – С. 189.

существенную роль в формировании у личности, социальной группы определенных политических, правовых, нравственных и ценностных позиций.

Учитывая степень влияния учредителей на информационную политику СМИ, следует отметить особую роль государственных институтов, которые в большинстве случаев являются основными акторами, определяющими в том числе и функциональную нагрузку средств массовой информации. В зависимости от политико-идеологических пристрастий учредителей отдельные СМИ пытаются воздействовать определенным образом на общественное сознание. Они концентрируют внимание только на положительных или только на отрицательных моментах в деятельности политических институтов, преувеличивают или преуменьшают различия между политическими программами, сводя порой их к абсурду, активно обсуждают личности политических деятелей, их публичные высказывания, частную жизнь и т. д.

Развитие общественно-политических процессов в государстве свидетельствует о доминировании идеологических контекстов массовой коммуникации и экстраполировании технологий укрепления идеологического стержня в обществе на другие функции СМИ. Так, в большинстве случаев культивирование ценностей явлений окружающего мира, человеческой жизни, ее целей и идеалов, объединенных в группу обособленных аксиологических социальных исследований¹¹², в настоящее время осуществляется сквозь призму идеологических установок государства.

Анализ культурного контента современных СМИ, тесно связанного с социокультурным развитием общества, также свидетельствует об определенном противопоставлении аксиологической и идеологической функций СМИ. В большинстве случаев материалы культурной направленности используются электронными СМИ не столько для трансляции духовного наследия, сколько для скрытого внедрения в сознание людей определенных политических взглядов, установок, поведенческих мотивов.

В рамках более сложного подхода к функциональному анализу СМИ рассматриваются через совокупность их ролевых

¹¹² См.: Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М., 2001. – С. 17.

статусов, реализуемых в различных сферах социума¹¹³. Так, анализируя политические функции средств массовой информации, исследователи указывают, что «этот институт одновременно включен в различные системы социальных отношений»¹¹⁴. В рамках этого подхода СМИ представлены в четырех ракурсах: как элемент системы представительства интересов граждан, элемент структуры управления обществом, компонент рыночной системы, часть системы просвещения общества, социализации граждан. Далее необходимо деление общественной жизни на сферы, в соответствии с которым определяются функции СМИ, например в политике: информирование, представительство интересов, групповая солидаризация, критика правительства и центров власти, передача социального опыта и социализация граждан, защита социально отстающих слоев населения, присвоение статуса социальным проблемам (фактически речь идет о функции формирования повестки дня), наконец, опережающая диагностика.

Социальное измерение средств массовой информации является возможным благодаря их включенности в общественные отношения, выполнению ряда социальных обязанностей в соответствии с предъявляемыми к ним запросами и ожиданиями, а также благодаря участию практически во всех областях социальной жизни.

В рамках другого подхода исследователи описывают функции журналистики и средств массовой информации на базе основного выделенного критерия либо нескольких критериев. Это позволяет упорядочивать функции, создавать системные ряды.

Представитель московской научной школы по проблеме функционирования средств массовой информации Е. П. Прохоров отмечает тенденцию расширения функционального пространства СМИ, что связано, прежде всего, с увеличением роли информации в жизни общества. Автор фиксирует зависимость функциональной направленности СМИ, с одной стороны, от типа адресата, обслуживаемого средствами массовой информации, с другой стороны, от социальной позиции

¹¹³ Савицкая А. С. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2009. – С. 80.

¹¹⁴ Политические коммуникации / Под. ред. А. И. Соловьева. – М., 2004. – С. 74.

собственно сотрудников СМИ. С точки зрения Е. П. Прохорова, область сущностных целей журналистики «лежит в сфере информационного обслуживания массовой аудитории и социальных институтов»¹¹⁵.

Опираясь в некоторой степени на рассмотренную выше модель системы функций, Е. В. Ахмадулин предлагает свой подход к выделению функционального спектра СМИ. В отличие от Е. П. Прохорова представитель ростовской научной школы детерминирует функциональный «набор» сложной социальной системы СМИ социальной необходимостью и теми задачами, которые ставят перед массовым информационно-коммуникационным процессом его системоформирующие факторы. Так, к факторам, обуславливающим деятельность и функции СМИ, причисляются: социально-политическая организация общества, общественные интересы, а также культурно-образовательные, технико-технологические и экономические факторы¹¹⁶.

С. Г. Корконосенко, анализируя некоторые противоречия, имеющие место в теоретических подходах к функционированию СМИ, предлагает развести понятия «функция журналистики» и «социальная роль прессы». «К функциям относятся социальные обязанности журналистики, повторяющиеся, типичные для нее способы проявления собственной сущности, к ролям же – ее присутствие в тех или иных областях жизни общества, влияние, которое она оказывает „внутри“ них. Функции – по большей части имманентно присущая прессе характеристика, тогда как роль она начинает играть, лишь оказавшись в системе определенных общественных отношений»¹¹⁷.

Ролевая характеристика журналистики, по мысли автора, строится в непосредственной зависимости от основных общественных сфер жизнедеятельности: экономической, социальной, политической и духовно-идеологической социетальных систем. Так, в экономической сфере преобладает производственно-экономическая роль журналистики. В социальной

¹¹⁵ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 59.

¹¹⁶ Ахмадулин Е. В. Основы теории журналистики: 2-е изд., испр. и доп. – М: Юрайт, 2016. – С. 238–265.

¹¹⁷ Корконосенко С. Г. Печать, управление и самоуправление. – Тула, 1992. – С. 35.

сфере информационно-коммуникативная роль медиа связана с ключевыми для данной социетальной системы процессами социализации индивидов и групп. Как отмечает С. Г. Корконосенко, «именно в этом контексте следует выделять и подчеркивать информационную сущность журналистики. В иных социетальных системах она не имеет основополагающего значения (например, в экономике)»¹¹⁸.

Еще одной концепцией в рамках данного подхода, представляющей интерес для нашего исследования, является модель базовых функций СМИ, принадлежащая московскому исследователю в области социологии средств массовой информации И. Д. Фомичевой. Целенаправленно анализируя функции СМИ, автор основывается на представлении о видах человеческой деятельности, которые СМИ способны сопровождать. Речь идет о таких видах, как преобразовательная (включая социально-организационную), познавательная, ценностно-ориентационная и коммуникативная (общение). Как видим, И. Д. Фомичева предлагает выделять коммуникативную, информационную (информационно-познавательную), ценностно-регулирующую, социально-организационную (в психологическом аспекте включающую в себя функцию психического регулирования) функции средств массовой информации. Кроме того, опираясь на представления Г. Лассуелла о двустороннем режиме действия коммуникаций, И. Фомичева при наличии в качестве активного субъекта аудитории СМИ утверждает наличие еще одной функции – форума (шире – канала социального участия).

Полагаем, что сложность феномена СМИ в целом, подчеркиваемая многими исследователями, не позволяет ограничиваться каким-либо одним подходом. Кроме того, некоторые функции СМИ не ограничиваются единственной сферой (как, например, информационная), это приводит к необходимости дублировать их в каждой из областей социальной жизни либо неоправданно игнорировать.

Выделение конкретных функций СМИ в качестве приоритетных является довольно проблематичным и противоречивым, однако в целях обеспечения устойчивости и поступательности

¹¹⁸ Корконосенко С. Г. Печать, управление и самоуправление. – Тула, 1992. – С. 36.

развития государства необходимо обозначить наиболее важные с точки зрения государства, общества и личности функции средств массовой информации.

Государственные институты, коммуницируя с обществом, как правило, посредством созданных ими же СМИ, в большей степени преследует цель сохранения доверия населения к своим действиям и предложенным властью программам развития государства. Однако в данной ситуации государство отчасти нарушает паритетность субъектов коммуникации, превращая аудиторию в слушателя, зрителя, читателя. Население, будучи вовлеченным в монологический поток информации со стороны государства, которое довольно часто использует технологии манипуляции массовым сознанием, в большинстве своем неспособно сформировать объективную картину действительности, поскольку лишено возможности получать равноценные по объему и интенсивности альтернативные точки зрения на происходящие в государстве события и явления.

На определенном этапе государственные СМИ действительно создают условия для консолидации общества, гарантируя его устойчивое развитие. Однако со временем идеологический пресс может вызвать сначала индифферентность, а потом отказ от информации и даже протестную реакцию массовой аудитории. Экономическая зависимость (дотируемость), низкие тиражи и рейтинги государственных СМИ в самоопределившихся республиках являются индикатором неэффективности их информационной политики. В то же время средства массовой информации, продолжая выполнять идеологическую функцию, санкционированную государством, не способны оперативно корректировать собственную информационную политику в соответствии с запросами населения, усугубляя противоречие между информационными запросами аудитории и предложениями СМИ, но продолжая уже создавать иллюзию консолидированности общества в государствах с отложенным внешнеполитическим статусом. В этой связи крайне необходимо средствам массовой информации совместно с другими социальными институтами постоянно осуществлять мониторинг состояния общественного сознания и эффективности реализуемой СМИ идеологической функции, т. е. определять степень

соответствия функциональных проекций институциональных установок СМИ среди массовой аудитории.

Социальные институты вследствие их неоднородности и различной природы предопределяют заинтересованность в максимально полном представлении всех существующих мнений по общественно значимым проблемам, в некоторой степени конкурируя с государственными трактовками происходящих событий. Кроме того, социальные институты призваны сохранять и приумножать культурный потенциал, накопленный обществом, и транслировать его будущим поколениям, актуализируя тем самым аксиологическую функцию СМИ – выстраивание иерархии ценностей, системная трансформация которой предопределяет смещение духовно-нравственных и морально-этических характеристик социальной группы относительно общечеловеческой аксиологической системы.

Активность общественных институтов и присутствие их точек зрения, мнений в СМИ свидетельствует не столько о политической активности населения, сколько о деятельном статусе институтов и их способности и возможности влиять на общественно-политический процесс в государстве. В этой связи аналитическая функция СМИ выступает в качестве доминантной и определяющей эффективность их деятельности, в том числе и экономической. Анализ аналитических публикаций государственных СМИ, как правило, свидетельствует об их сотрудничестве с организациями, лояльными к действующей власти и высказывающими соответствующие точки зрения по актуальным вопросам. В этой связи довольно проблематично участие оппозиционных сил в деятельности электронных СМИ, однако их присутствие на страницах печатных СМИ является своего рода индикатором их популярности, выражающимся в тиражах, которые увеличиваются в десятки раз в периоды политических баталий. Деятельный статус общественных институтов определяется также их способностью осуществлять собственное информационное вещание, предоставляя аудитории возможность получения объективной социально значимой информации.

Население, находясь в информационном пространстве государства, идентифицирует собственные информационные

предпочтения в зависимости от психологического, социокультурного, материального состояния. Специфика современного информационного обмена ввиду высокой степени сетевой, межличностной коммуникации, наличия индивидуальных средств общения заключается в том, что получение информации не всегда сопряжено с тем или иным СМИ. В то же время проверка полученных данных, их осмысление и формирование отношения к ним возможно только при условии активного использования средства массовой информации. В сложившейся ситуации аудитория, будучи чувствительной к любому проявлению манипулирования или давления, по-прежнему рассматривает СМИ вне зависимости от собственных информационных предпочтений как источник получения проверенной достоверной информации, отсутствие которой провоцирует распространение слухов, мифов, а в кризисном обществе – страха и паники. В данном случае гносеологическая функция СМИ, заключающаяся в просветительской, когнитивной деятельности, является актуальной и определяющей эффективность функционирования СМИ. Однако средства массовой информации в целях диагностики состояния массового сознания и адекватного реагирования на происходящие события заинтересованы в отслеживании динамики психологического, социокультурного, материального статусов, игнорирование которых государственными и общественными институтами в процессе массовой коммуникации может привести к отсутствию коммуникации как таковой и потере взаимопонимания между массовой аудиторией и элитой.

Анализ существующих точек зрения по проблеме функционального анализа СМИ позволяет сделать вывод, что все функции направлены на оптимальное соответствие запросам аудитории. Однако выявленная гетерогенность по отношению к функциональным приоритетам в системе «население–общество–государство» предопределила необходимость создания методики диагностики напряженности или устойчивости культурно-информационного пространства, в которой будут отражены причинно-следственная связь и природа большинства внутривнутриполитических кризисов, негативно влияющих на развитие общества. Идея предлагаемого нами подхода заключается

в мониторинге настроений не только массовой аудитории, но и представителей элитарных слоев, причем последние должны обладать сведениями об общественных настроениях, определяя тем самым степень близости, открытости и диалогичности государственных институтов по отношению к населению.

Как было отмечено, устойчивость культурно-информационного пространства находится в прямой зависимости от условий резонирования культурно, а не идеологически обусловленной информации в информационном пространстве государства, что обуславливает высокую степень важности информационных институтов в процессе диагностики и корректировки общественных процессов. Исходя из функционального набора, предложенного А. С. Савицкой, в качестве примера социологической функции СМИ предлагаем методику определения состояния культурно-информационного пространства посредством создания матрицы, которая отражает ее встроенность в ключевые социальные структуры и предполагает взаимодействие с другими социальными институтами в рамках общего участия в социальном управлении. Система факторов, включенных в матрицу и влияющих на стабильность и устойчивость культурно-информационного пространства современного государства будет отражена в следующей главе. Отметим, что строки формируемой матрицы представлены соответствующими характеристиками аудитории, а столбцы – элиты.

Таким образом, диагностика идеологического, деятельного, социокультурного, психологического, материального и демографического факторов и статусов в системе «элита – массовая аудитория» возможна при условии построения и постоянного обновления матрицы культурно-информационного пространства, в которой отражены не только реальные характеристики массовой аудитории по указанным выше параметрам и критериям, выраженные в функциональных блоках, но и данные представителей государственных и общественных институтов об аудитории, приведенные в институциональных блоках. Кроме того, в целях более детализированного анализа состояния культурно-информационного пространства в данной матрице могут учитываться социально-демографические характеристики

массовой аудитории. Согласованность соответствующих ячеек матрицы гарантирует нормальный процесс взаимодействия власти и общества, является показателем устойчивости общественно-политического развития или напряженности культурно-информационного пространства государства.

В современном мире большинство возникающих конфликтов являются следствием информационного воздействия определенных политических и экономических акторов. Подобно военной интервенции, высказывания представителей элитарных слоев общества, многократно усиленные и растиражированные СМИ, вызывают протестную реакцию отдельных государств или их регионов. Концепция современных информационных институтов, как правило, базируется на идее равных возможностей «быть услышанными», однако на практике стороны конфликта находятся в неравных условиях и не могут на паритетных условиях предоставлять достоверную информацию мировой общественности. Как следствие, сторона, находящаяся в информационной блокаде, вынуждена изменять вектор воздействия собственных информационных институтов в сторону внутреннего информационного рынка, гипертрофируя внешнеполитическую проблему и скатываясь к пропагандистской деятельности. В то же время другая сторона конфликта, имеющая определенные преференции и доступ к глобальному информационному пространству и мировому потребителю информации, перестает быть им востребованной ввиду отсутствия реальной динамики в развитии конфликтной ситуации и потери интереса к ней.

ГЛАВА 2

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРИДНЕСТРОВЬЯ: ОТ ДИАХРОНИИ К СИНХРОНИИ

2.1. Отражение СМИ модели государственного развития в культурно-информационном пространстве

Аудиовизуальные СМИ являются уникальным социальным институтом, одновременно отражающим и моделирующим социальную действительность. Вместе с тем, в существующих научных концепциях, описывающих данный вид СМИ, и проектах уделяется недостаточно внимания роли функционирования электронных СМИ в контексте государственного развития. В них в общей форме подтверждается «приверженность принципам свободы печати и свободы информации, а также независимости, плюрализма и разнообразия средств массовой информации, которые являются основной составляющей информационного общества»¹¹⁹.

Важнейшей характеристикой контента большинства аудиовизуальных СМИ постсоветского пространства остается смысловая эклектика, производство и трансляция взаимопротивостоящих смыслов в программах почти каждого из типологически однородных каналов, что представляется следствием явления медиакратии, когда программная политика большинства федеральных компаний идентифицируется не с менталитетом телезрителей, а с представлениями медиаменеджеров, их учредителей, владельцев и заказчиков. Основным средством борьбы за аудиторию стало обратное программирование, явление, основанное на полном или частичном копировании идейно-художественного, предметно-тематического,

¹¹⁹ Концепция развития телерадиовещания в России на период 2006–2015 гг. Проект: Департамент массовых коммуникаций Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ. – Доступно: <http://www.medialaw.ru>

информационного содержания телепрограмм и игнорирующее многообразие интересов телезрителей¹²⁰.

В результате аудитория не выступает в роли активного социально-политического начала многосторонней телевизионной коммуникации, не включается в программирование, но и не приобретает (через различные специфические формы телевидения) черты одного из функциональных элементов политического управления. Практически отсутствует возможность перехода от «освещательного» представления мира средствами массовой информации к диалоговому, от «вертикальной» системы распространения информации к «горизонтальной», а следовательно, к изменению структуры и характера информации¹²¹.

В конечном счете не происходит возвращения к демократическим институтам прямого народного управления на новой технологической основе, которая могла бы существенно изменить принципы деятельности институтов власти, наполнить социально-политическим содержанием и смыслом инновационные технологии взаимодействия государственных институтов и общества. Кроме того, расширение возможностей управления контентом само по себе ведет к упрочению гражданской самодостаточности, политического сознания, уверенного в том, что оно способно влиять на окружающую среду, т. е. конструировать, модифицировать, корректировать ее.

Аудиовизуальные СМИ, являясь мощным инструментом воздействия на аудиторию, используются государством как пропагандистский ресурс, что не может не отразиться на их информационной политике. События, отраженные в информационных программах, выпусках новостей, создают определенную медиареальность, которая зачастую отличается от действительности, однако позволяет политическим силам посредством электронных СМИ корректировать модель государственного развития. Возможная подмена подлинной реальности предлагаемой реализуется подбором попадающих в

¹²⁰ Ильченко С. Н., Окнер О. А. Телевидение в эпоху Интернета. – СПб., 2005. – С. 16–17.

¹²¹ Шариков А. В. Российское общество и телевидение: ценностно-нормативный конфликт / в сб.: Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». Звенигород. 16–19 октября 2006 г. / Под ред. В. Е. Лепского. – М.: «Когито-Центр», 2006. – С. 177–184.

эфир таких событий, которые многократно, причем не всегда обоснованно, повышают статус как информационного канала, так и определенных политических сил. Следовательно, электронные СМИ не просто предлагают информационную повестку дня, но и вынуждают аудиторию ее разделять, принимать, удерживая ее тем самым в информационном и, шире, идеологическом поле СМИ и шире, государства.

В результате того, что электронные СМИ могут выполнять функцию как интеграции, так и дифференциации общества, контент-наполнение является основной составляющей в реализации данных функций. Следовательно, посредством контента электронные СМИ отражают вариативные модели государственного развития.

Анализируя коммуникативные средства общения на приднестровских телеканалах, необходимо отметить, что на «Первом приднестровском» средства невербальной формы коммуникации используются активнее, чем на телевидении свободного выбора «ТСВ». Они являются основной составляющей передаваемой информации в контексте итогового информационного выпуска новостей на канале «Первый приднестровский».

Тем не менее и «ТСВ», и «Первый приднестровский» телеканалы достаточно часто используют средства невербальной формы коммуникации. Например, на «Первом приднестровском» ведущий располагается, стоя за трибуной в левой половине кадра. Поскольку внимание зрителей чаще концентрируется на красном фоне, такая диспозиция снижает информативность поступающей информации. Мимика, жесты и поза ведущего при данном расположении на экране в большинстве случаев остаются незамеченными аудиторией в отличие от случаев, когда ведущий располагается в центре кадра.

В репортажах «Первого приднестровского» часто используются изображения государственной символики. Интервьюируемый располагается в кадре таким образом, чтобы на заднем фоне виднелся государственный флаг; подобными кадрами завершаются некоторые репортажи. В течение выпуска новостей на телеканале «Первый приднестровский» изображение государственного флага ПМР используется в среднем

более 20 раз. Такое применение средств невербальной формы коммуникации воздействует на подсознание аудитории, пропагандируя патриотизм. Способы и механизмы использования некоторых средств невербальной формы коммуникации, характерные для «Первого приднестровского», также часто встречаются в репортажах «Первого канала» РФ, где нередко в кадре размещено изображение государственной символики, а особенно часто – изображение государственного флага и медведя – символа партии «Единая Россия».

При подаче текста на «ТСВ», который является подводкой к репортажу, информирующему о законодательной власти (партии «Обновление» или спикере Верховного Совета), ведущие телеканала более активно используют мимику, пантомимику, темп речи, паузы и т. д. Такая практика контрастирует с редким использованием данных средств в контексте всего выпуска новостей.

Оптико-кинетическая подсистема (внешний вид, мимика, пантомимика) ведущих информационного выпуска новостей на телеканале «ТСВ» представляет собой копию общероссийских стандартов поведения ведущих, следствием чего является практически полное отсутствие индивидуальности. В результате, в отличие от ведущих российских телеканалов, которые активно применяют речевые приемы для обозначения своего скрытого отношения к происходящему, ведущие «ТСВ» практически не обозначают своего эмоционального участия в передаваемой информации. Более того, ведущие «Новостей на ТСВ» иногда неуместно и неоправданно используют средства подсистем невербальной формы коммуникации. Например, в то время как на протяжении всего информационного выпуска, несмотря на разноплановость передаваемой информации, тональность, темп, тембр голоса существенно не менялись, в конце передачи ведущий новостей меняет темп речи и появляется эмоциональная составляющая информационного сообщения следующего содержания: «А по окончании выпуска новостей (ведущий активно использует мимику, что показывает его заинтересованность в передаваемой информации) на нашем канале выйдет в эфир передача „12 вечеров“». Исходя из этого у аудитории может сложиться ложное представление

о значимости данной информации в контексте всего выпуска новостей.

Также неоправданно используется на «ТСВ» «бегущая строка», которая не дублирует передаваемую ведущими информацией, а информирует аудиторию о международных событиях. Это отвлекает внимание аудитории от репортажей. В результате большинство зрителей не воспринимают в оптимальной форме ни слова ведущего, ни информацию бегущей строки, скорость которой не позволяет читать передаваемый текст в среднем темпе. В отличие от «ТСВ» на российском «Первом канале» бегущая строка дублирует передаваемую ведущим информацию, что позволяет увеличить число зрителей за счет людей, испытывающих проблемы со слухом.

В приднестровских электронных СМИ, как и на телеканалах других государств, активно используются когнитивные, психологические, социальные, языковые и другие механизмы, позволяющие влиять на сознание, на принятие представителями аудитории тех или иных решений. В связи с этим телезрителям предоставляется вариативная интерпретация действительности (ВИД), основные механизмы которой отличаются в зависимости от уровня языковой системы.

Значимое варьирование на лексическом уровне изучено к настоящему времени гораздо лучше всех остальных механизмов воздействия на сознание, поэтому часто используется в текстах приднестровских ведущих и корреспондентов. Оно подразумевает изменение стилистической окраски лексики и смысловое варьирование терминов различных идеологических систем¹²².

Например, в одном из репортажей о беспорядках в Кишиневе говорится следующее: «Кризис в Молдове никак не отразился на Приднестровье. Но может принести некоторые бонусы нашему государству, считают политологи»¹²³.

Словосочетанию «нашему государству» по стилистической окраске придается значение «*независимому государству*». В данном случае, на второй план отступает понятие «*непризнанное государство*».

¹²² Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2003. – С. 179.

¹²³ По мнению политологов, ситуация в Молдове может пойти на пользу Приднестровью. – Доступно: <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5599>

На телеканалах Молдовы регулярно в эфир выходили репортажи, в ходе которых бывший Президент РМ В. Воронин вместо слова «Приднестровье» употреблял понятие «сепаратисты», придающее совсем другую стилистическую окраску информации в сравнении с той, что доминирует в репортажах на «Первом приднестровском» телеканале.

В итоге для молдавских телезрителей, в отличие от приднестровской аудитории, не существует понятия «Приднестровская Молдавская Республика», которое заменяется негативно окрашенным понятием «сепаратисты».

Приведем еще один пример. В репортаже канала «Первый приднестровский», информирующем об инициативе Верховного Совета ПМР, которая предполагает упразднение должности «вице-президент», говорится следующее: *«Встала на защиту президентской вертикали власти и общественность Приднестровья»*¹²⁴. В данном предложении дважды используется прием варьирования на лексическом уровне. Во-первых, выражение «встала на защиту» предполагает, что на вертикаль власти совершают незаконные нападки депутаты Верховного Совета, а это не соответствует действительности. Во-вторых, представителей нескольких организаций в данном репортаже ассоциируют со всей «общественностью Приднестровья».

Данные репортажи направлены на формирование у аудитории телеканала негативного отношения к принятым в Верховном Совете поправкам и к депутатам в целом. В этом же репортаже Президент ПМР утверждает, что данной поправкой депутаты «оскорбили все общество». В данном случае представителей исполнительной власти и общественных организаций И. Смирнов ассоциирует со «всеобществом».

На «ТСВ» корреспонденты и ведущие новостного выпуска также активно используют приемы варьирования на лексическом уровне. Часто в репортажах изменение стилистической окраски лексики можно наблюдать в цитируемом тексте: «Лидеры молдавской оппозиции заявили, что расценивают действия властей Молдовы как массовые репрессии».

¹²⁴ Во внутриполитической жизни Приднестровья продолжается раскол. – Доступно: <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5646>

Этот репортаж был посвящен беспорядкам в Кишиневе и задержанию свыше 200 человек, из которых 160 проходили по уголовным делам. Санкции со стороны государства к участникам погрома парламента в контексте репортажа приобретали негативную окраску через такие выражения, как *«массовые репрессии»*, *«правомочные действия полиции»* и др.

В то же время, в одном из репортажей, вышедшем на телеканале «ТСВ», который информировал об инициативе депутатов Верховного Совета, предлагающих внести изменения в Конституцию, звучали следующие слова ведущего: *«Сегодня депутаты Верховного Совета приняли в первом чтении очень важные поправки к Конституции»*. Если в тексте репортажа на телеканале «Первый приднестровский» данное решение депутатов Верховного Совета озвучивалось при помощи слов с негативной лексической окраской, то на «ТСВ» – с положительной.

В результате мы можем наблюдать диаметрально противоположные позиции руководства приднестровских каналов в отношении внутривнутриполитических вопросов. Использование приемов варьирования слов и словосочетаний на лексическом уровне играет большую роль в отстаивании и оправдании конкретно выбранных путей освещения описанной проблематики.

На двух приднестровских телеканалах часто используются следующие выражения разной лексической окраски, которые влияют на мнение и сознание аудитории: *«агрессор»* – Молдова, *«клон партии «Обновление»* – партия «Справедливая Республика», *«захват власти»* – упразднение должности вице-президента, *«стороны ничего не обсуждают»* – бойкотирование Молдовой переговорного процесса, *«определенные ранее параметры бюджета вызывают беспокойство»* – дефицит бюджета.

Кроме того, электронные СМИ ПМР часто применяют приемы варьирования предложений на синтаксическом уровне, которые обладают сильным речевоздействующим потенциалом. Данный метод основан на выделении в предложении коммуникатора, или агенса (инициатора действия) и коммуниканта, или пациенса (сущности, подвергающейся действию). В результате на синтаксически выделенном слове или словосочетании, выступающем в роли агенса, акцентируется внимание аудитории.

Примеры варьирования текстовых конструкций на синтаксическом уровне можно наблюдать как на «Первом приднестровском», так и на «ТСВ». Причем в репортажах данных каналов, посвященных одной проблематике, коммуникативно выделяются разные институты.

Например, на «Первом приднестровском» телеканале часто можно встретить следующие текстовые трансформации: *«Сегодня Президент ПМР рассмотрел предложения депутатов Верховного Совета»*; *«Президент продолжает заслушивать отчеты глав госадминистраций по итогам работы в минувшем и первом квартале нынешнего года»*; *«Президент провел совещание по вопросам местного самоуправления и ряду законодательных инициатив по внесению изменений в Конституцию, представленных депутатами Верховного Совета»*.

В трех представленных примерах коммуникативно выделяется «Президент», который выступает в качестве агенса (инициатора действия), вследствие чего внимание аудитории акцентируется на фигуре президента, а другие участники ситуаций (депутаты Верховного Совета, главы госадминистраций) выводятся из центра внимания телезрителей, посредством пассивизации.

На телеканале «ТСВ» мы наблюдаем совершенно другую тенденцию коммуникативного выделения: *«Верховный Совет передал на рассмотрение Президенту поправки к закону»*; *«Председатель Верховного Совета, встретившись с Президентом»*; *«Депутаты Верховного Совета приняли поправки к Конституции, которые бурно обсуждались рядом общественных организаций»*.

Как видно из примеров, в большинстве случаев на «ТСВ» коммуникативно выделяется институт законодательной власти и его представители, а из центра внимания аудитории посредством пассивизации вторых участников ситуации (президента ПМР, представителей общественных организаций) выводятся другие политические фигуры.

Вследствие этого можно говорить о широком применении приемов лексического и синтаксического варьирования текста на приднестровских каналах с целью концентрации внимания аудитории на деятельности разных институтов государствен-

ной власти («Первый приднестровский» – на исполнительной власти, «ТСВ» – на законодательной). Подобная ситуация в очередной раз доказывает наличие имплицитного информационного противостояния между ведущими электронными СМИ ПМР, реализуемого на уровне построения текстов массовой коммуникации.

На «ТСВ» и «Первом приднестровском» телеканале часто используются следующие преобразования журналистского текста:

1. *Аннулирующее преобразование*, которое приводит к исключению из описания некоторой части положения дел (участника события, инцидента и т. д.). К примеру, на «ТСВ» в репортаже о студенческом слете говорилось следующее: «Активное участие в студенческом слете приняло молодежное крыло партии «Обновление». Ребята представили отличную культурную программу, а также хорошо выступили в спортивных соревнованиях». В репортаже умышленно умалчивается тот факт, что молодежное крыло партии «Обновление» в итоге заняло 12 место из 18 команд. В результате перед нами пример использования аннулирующего преобразования.

Часто аннулирующее преобразование дополняется фингирующим преобразованием.

2. *Фингирующее преобразование* вводит в описание ситуации изначально там не содержащиеся персонажи, события, предметы и т. д. К числу таких преобразований относятся высказывания, не относящиеся к существу дела: «Говоря о дефиците бюджета 2008 года, не стоит забывать о продолжающейся экономической блокаде» («Первый приднестровский»). Экономическая блокада, которая к 2008 г. стала больше мифом, нежели реальностью, часто использовалась в качестве аргумента, оправдывающего проблемные ситуации.

3. *Речевое воздействие* может осуществляться электронными СМИ не только посредством языковых механизмов ВИД, но и через пропозициональные компоненты высказываний при одновременной апелляции к социально и культурно обусловленным структурам ценностей аудитории. В данном случае речь идет о ценностно-ориентированной естественно-языковой аргументации. Характерный пример ее использования

можно наблюдать в синхроне С. Степанова, министра юстиции ПМР, который вышел в эфир на «Первом приднестровском» телеканале: *«Если принимать поправки без народа, народ может обидеться, и подумать: это не я, это кто-то другой за меня решил. Должно быть все выверено и четко, и от всего населения мнения, тогда, может быть, общество не расколется, потому что это навредит государственности. Мы сейчас имеем определенный конфликт, разногласие во мнениях»*¹²⁵.

Данное высказывание вышло в эфир в контексте репортажа, в котором обсуждалась проблема принятия депутатами Верховного Совета в первом чтении поправок к Конституции, подразумевающих упразднение должности вице-президента. Выступающий чиновник использует аргументы, связанные с идеями участия либо неучастия народа в принятии государственных решений.

4. На приднестровских телеканалах часто применяется *индефинитизирующее преобразование*, которое приводит к замене конкретных предметов и участников более обобщенными описаниями, что существенно увеличивает неопределенность в интерпретации ситуации (например, «военные действия» вместо «расстрел пленных»; «операции по спасению заложников» вместо «передача выкупа» и т. п.). На «Первом приднестровском» в одном из репортажей говорится: «В воинских частях на сегодняшний день существуют некоторые проблемы». Общее понятие: «некоторые проблемы» скрывает частные понятия: «дедовщина», «случаи суицида», «преступность». В результате внимание аудитории не концентрируется на проблемах армии, а телеканал при этом, указывая на присутствие в функционировании данной структуры определенных проблем и не озвучивая их разнообразие, формально выполняет функцию информирования.

На «ТСВ» в репортаже использовалась следующая текстовая конструкция: «Умеренная абонентская плата за услуги цифрового телевидения доступна практически всем категориям граждан». За общим понятием «умеренная абонентская плата» скрывается сумма, равная 10 % от пенсии большинства пенсионеров, которые составляют 40 % населения ПМР. Вследствие применения индефинитизирующего преобразования в рассма-

¹²⁵ Во внутривнутриполитической жизни Приднестровья продолжается раскол. – Доступно: <http://www.tv-pmr.com/news.php?id=5646>

триваемом предложении действительность интерпретируется таким образом, что происходит подмена понятий. Вместо словосочетания «доступна не всем категориям граждан» здесь используется выражение «доступна практически всем категориям граждан». Таким образом, телеканал «ТСВ» усиливает привлекательность услуг цифрового телевидения. Аудитория всегда положительно воспринимает информацию со словосочетаниями: «умеренная плата», «доступная цена».

Резюмируя, отметим, что приднестровские телеканалы отличаются продуманной редакционной политикой, которая позволяет успешно продвигать на информационном рынке определенные идеи, влияющие на общественное сознание и формирующие модель социальной действительности. Однако предлагаемая СМИ модель не всегда соответствует модели государственного развития и отражает политические устои общества. Сохранение подобной практики в перспективе может привести к дезориентации большей части населения в общественно-политическом отношении и к расслоению приднестровского общества.

В качестве положительной стороны деятельности государственных СМИ необходимо указать системность, которая характерна для материалов, освещающих деятельность исполнительной власти. Особенно это качество проявилось в период обсуждения поправок к основному закону государства, что повлияло на отношение общества к изменению конституционных норм, подтвердило состоятельность исполнительной власти и повысило ее авторитет у массовой аудитории.

Приступая к контент-анализу материалов электронных СМИ, необходимо отметить, что на современном этапе телевидение остается самым популярным средством массовой информации. Согласно данным социологического исследования, проведенного в 2016 г. кафедрой журналистики ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 73,5 % из 1500 приднестровцев, принявших участие в исследовании, отдают предпочтение именно телевидению.

Обращаясь к методике контент-анализа, поясним, что нами были проанализированы 20 информационных выпусков новостей на «Первом приднестровском», «ТСВ» и российском «Первом канале» за 2016 г. Данный объем обусловлен тем, что выборка проводилась не по сквозной системе, а из расчета

один день в неделю, наиболее насыщенный новостями, в соответствии с которыми складывалась информационная политика каждого из каналов.

Выбор «Первого канала» (ОРТ) обусловлен тем, что 55 % приднестровской аудитории выделили его среди других российских телеканалов как наиболее популярный.

Статистические данные, полученные в результате отслеживания информационных выпусков новостей, выходящих на «ТСВ», «Первом приднестровском» и «Первом канале» (ОРТ), отражены в табл. 1.

Соотношение информационного спроса и информационного предложения в ПМР стало возможным благодаря сравнению результатов социологического исследования и данных, полученных в ходе анализа итоговых выпусков новостей на ведущих приднестровских телеканалах на предмет их тематического разнообразия.

Таблица 1. Тематическое разнообразие выпусков новостей

Тема	ТСВ		Первый приднестровский		ОРТ	
	Количество материалов	Продолжительность, мин.	Количество материалов	Продолжительность, мин.	Количество материалов	Продолжительность, мин.
Законодательная власть	43	96,5	23	55	11	27
Исполнительная власть	18	33,5	48	139	97	254
Судебная власть	3	5	4	13	4	9
Международные новости	20	43	20	46	47	103
Переговорный процесс	15	29	28	74	–	–
Экономика	19	36	27	71	6	21
Социальная проблематика	34	71,5	33	89	33	93
Культура	40	73	27	68	38	96
Партии	10	17,5	8	14	5	8
Реклама канала	–	–	3	4	–	–
Итого	202	405	221	573	241	611

В приднестровской сетке телевизионного вещания в течение нескольких лет статичными остаются информационные выпуски новостей как на государственном («Первый приднестровский»), так и коммерческом («ТСВ») канале. Данная константа благоприятно влияет на сохранение и расширение потенциальной аудитории, что в свою очередь усиливает эффект указанных СМИ. Тем не менее необходимо подчеркнуть обратную сторону подобной статичности: новости на приднестровских телеканалах с качественно новой информацией выходят один раз в сутки.

По результатам проведенного нами опроса каждый день канал «ТСВ» смотрят 26 %, а «Первый приднестровский» – 20,8 % от общего количества респондентов. Это говорит о том, что приднестровские электронные СМИ на данный момент не выдерживают конкурентной борьбы с российскими телеканалами (с «Первым каналом» и «РТР» в частности), которые ежедневно смотрят 75,7 % респондентов.

Рассматривая репортажи в контексте соответствия информационной политики приднестровских телеканалов модели государственного развития, можно заключить, что примерно 70 % репортажей о деятельности исполнительной и законодательной власти можно посмотреть соответственно на «Первом приднестровском» и «ТСВ». Исходя из конституционных норм, которыми форма государственного правления в Приднестровье определена как «президентская республика», редакционная политика телеканала «ТСВ» не в полной мере соответствует модели государственного развития ПМР и вступает в противоречие с государственной информационной политикой, затрудняя развитие и укрепление президентской власти. Так, за анализируемый временной отрезок на канале «ТСВ» из 64 репортажей обо всех ветвях государственной власти общей продолжительностью 135 минут 43 репортажа продолжительностью 95,5 минут были посвящены законодательным органам власти.

Даже в совокупности информационных выпусков двум приднестровским телеканалам не удастся в полной мере поддерживать модель государственного развития ПМР как президентской республики, так как в контексте общего эфирного вре-

мени доминируют репортажи о законодательной власти (48 %), превышая объем материалов об исполнительной власти в среднем на 2 %.

Согласно данным нашего исследования, всего 8,3 % респондентов определяют политику как приоритетную тему новостей. Кроме того, информация о деятельности Верховного Совета в определенной степени востребована (всего 55,6 %, из них 9,2 % – постоянно, 46,5 % – иногда), чем и объясняется соответствующее количество репортажей.

Специфика функционирования «Первого приднестровского» канала продиктована формой собственности и моделью государственного развития ПМР. Об этом свидетельствует высокий процент репортажей, информирующих аудиторию о деятельности исполнительной власти. За исследуемый период на «Первом приднестровском» из 75 репортажей 48 посвящено исполнительной ветви власти. Для сравнения: на «ТСВ» вышло всего 18 репортажей данной тематики.

Постоянно интересуются деятельностью исполнительных органов власти всего 8,5 % опрошенных, хотя иногда подобная информация вызывает интерес почти у 50 % аудитории, что также оправдывает высокую частоту выхода репортажей данной тематики на приднестровских телеканалах. Необходимо отметить, что 41 % респондентов не интересуются новостями из Верховного Совета 36 % – не уделяют внимания информации о Президенте ПМР и деятельности министерств.

Таким образом, главным информационным поводом большинства новостных выпусков на телеканале «Первый приднестровский» является деятельность исполнительной власти, центральное место практически во всех новостных выпусках на телеканале «ТСВ» занимает работа законодательной власти. Следовательно, прослеживается противоречие информационных выпусков на данных телеканалах, что также есть следствие выбора различных курсов редакционной политики «ТСВ» и «Первого приднестровского».

В отличие от приднестровских телеканалов ведущие российские электронные СМИ функционируют в контексте государственной модели развития России, обеспечивая информационную поддержку исполнительной власти. Например, за

анализируемый период на «Первом канале» из 112 репортажей, информирующих о деятельности трех ветвей государственной власти, 97 посвящены деятельности исполнительных органов, что составляет 86,6 % от общего количества репортажей о ветвях государственной власти.

Как на приднестровских, так и на ведущих российских телеканалах крайне редко выходят репортажи, информирующие аудиторию о работе судебной ветви государственной власти. Например, на «ТСВ» за месяц вышло 3 репортажа общей продолжительностью 5 минут, на «Первом приднестровском» телеканале – 3 репортажа (8 минут), на «Первом канале» – 4 репортажа (13 минут). Эти цифры свидетельствуют о существовании на данных телеканалах общей тенденции к приоритетному освещению деятельности исполнительной и законодательной власти. В результате у аудитории складывается неадекватное представление о подчиненности или несостоятельности судебных структур или об их незначительной роли в деле государственного развития. В отличие от приднестровских электронных СМИ на российских телеканалах выходят специальные передачи, посвященные судебной ветви власти.

Путем перевода абсолютных значений количества репортажей и их продолжительности в относительные величины представим наиболее показательные моменты.

На «ТСВ» 67 % общего эфирного времени, приходящегося на долю трех ветвей власти, отводится на освещение работы законодательных органов власти.

На «Первом приднестровском» наблюдается противоположная картина: 64 % времени посвящается информированию аудитории о деятельности исполнительных органов власти.

На российском «Первом канале» около 90 % информационных материалов, посвященных деятельности всех ветвей государственной власти, знакомят с деятельностью исполнительной власти¹²⁶. Можно утверждать, что российские федеральные каналы отличаются от приднестровских электронных СМИ большей динамичностью новостей и четкой позицией в отношении поддержки выбранного курса государственного

¹²⁶ Исследование проводилось кафедрой журналистики Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко в 2014 году. Анализу подвергались все итоговые выпуски новостей на «Первом канале» за первое полугодие 2014 г.

развития. В их работе в полной мере отражается модель государственного развития России.

Информационные выпуски на «ТСВ» и «Первом приднестровском телеканале» более статичны и однотипны. Эти телеканалы функционируют в информационном противостоянии, которое направлено на отработку двух различных редакционных политик «ТСВ» и «Первого приднестровского».

Несмотря на довольно большую долю репортажей социальной и культурной направленности (за отчетный период на телеканале «ТСВ» вышло 74 репортажа продолжительностью 144,5 минуты, посвященных социокультурной сфере, что составляет 37 % от общего количества репортажей и 36 % от общего времени), «ТСВ» не в полной мере освещает социальную жизнь республики. Процент материалов сугубо социальной направленности составляет всего 17 %. Кроме того, в данных репортажах социальные проблемы перемежаются с мероприятиями и PR партии «Обновление». Например, в видеоряде репортажа о проводимом субботнике периодически появляются люди в футболках партии «Обновление», а на вопросы журналиста отвечает руководитель одного из отделений партии. Такое применение средств невербальной формы коммуникации аналогично активному использованию государственной символики «Первым приднестровским» телеканалом.

На «Первом приднестровском» телеканале на долю репортажей социокультурной направленности приходится в среднем 27 % от количества репортажей и от общего эфирного времени, что подразумевает также достаточно высокую частоту освещения социальной проблематики. Однако детальный анализ подобных материалов позволяет сделать вывод о том, что социальные темы здесь не получают должного отражения (15 %).

Относительное доминирование материалов культурной тематики над социальными (2–3 %) характерно для «ТСВ» (соответственно 17 % против 19 %) и «Первого канала» (15 % против 17 %). Анализ информационных выпусков «Первого приднестровского» телеканала свидетельствует об обратной ситуации: освещение событий культурной сферы республики уступает социальной проблематике и составляет всего 12 %. Подобная практика не может считаться адекват-

ной, поскольку Приднестровье всегда позиционировало себя как государство с уникальными культурными традициями и историей.

Недостаточное освещение основообразующих сфер общественной жизни создает ложное впечатление у аудитории об отсутствии проблем в них. Так, на исследуемых телеканалах редко выдвигаются проблемы образования и здравоохранения. В среднем в течение месяца «ТСВ» выпускает в эфир 11 репортажей, посвященных этим вопросам, «Первый приднестровский» – 10, «Первый канал» – 9 репортажей. Однако у большинства телезрителей данный факт может вызывать раздражение, так как они на собственном опыте знают о проблемах в сфере образования и здравоохранения. В результате зрительская аудитория начинает сомневаться в объективности СМИ.

Необходимо отметить, что согласно данным социологического исследования электронные СМИ должны больше внимания (20 %) уделять информации социальной направленности, – так считают 60 % респондентов. Таким образом, в ряду исследуемых телеканалов «ТСВ» оптимальным образом соответствует запросам аудитории. Сокращение объемов репортажей по названной проблематике свидетельствует о нежелании государственных электронных СМИ негативно влиять на рейтинг правящей элиты (президента или правящей партии).

В отличие от российских приднестровские электронные СМИ уделяют достаточно много эфирного времени проблемам экономической сферы, что в определенной степени отвечает запросам аудитории. Так, на «ТСВ» в среднем освещение экономической сферы занимает 9 % эфирного времени, на «Первом приднестровском» – 12 %, на «Первом канале» – 3,2 % эфирного времени. Такой разрыв говорит об усилиях приднестровской экономической и политической элиты по привлечению иностранных инвестиций в республику и о стремлении достичь более высокого уровня экономического благосостояния ПМР. Подобная практика согласуется с информационными запросами аудитории. Согласно результатам проведенного опроса более 20 % респондентов в первую очередь интересуются экономическими проблемами. 55 % опрошенных считают,

что объем информации об экономической сфере государства должен соответствовать 16 %.

Обзор международных новостей в контексте информационного выпуска на «ТСВ» практически не отличается по хронометражу от среза аналогичных материалов на «Первом приднестровском» телеканале. За исследуемый период на обоих каналах было выпущено в эфир по 20 репортажей о международной жизни, что составляет соответственно 10 % и 9 % от общего количества эфирного времени. На данную категорию новостей на «ТСВ» приходится 43 минуты, на «Первом приднестровском» – 46 минут. Схожа и подача информации о международных событиях на двух приднестровских каналах: в среднем двухминутный обзор, озвучиваемый ведущим новостей и сопровождаемый соответствующим видеорядом. Однако в процентном отношении «ТСВ» на 3 % больше времени отводит международным новостям, что в среднем составляет около 11 % от общей продолжительности новостных выпусков.

Что касается запросов аудитории, то 57 % респондентов постоянно интересуются международными новостями, а 45 % считают, что электронные СМИ Приднестровья должны увеличить объем эфирного времени, отведенного освещению международных событий, до 15 % от общего эфирного времени.

Для сравнения приведем данные федерального «Первого канала». Количество эфирного времени, затраченного на информирование аудитории о международных событиях, соответствует 103 минутам, репортажей – 47, что по обоим критериям почти в 2,5 раза больше относительно приднестровских телеканалов. Аналогичное соотношение сохраняется при обращении к процентным показателям: по сравнению с «Первым приднестровским» и «ТСВ» на «Первом канале» объем международных новостей в среднем на 20 % больше по количеству репортажей и на 17 % – по эфирному времени.

Кроме того, на «Первом канале» отличается и подача международных событий. Информирование о международных событиях здесь осуществляется в контексте геополитической активности России и ее статуса мировой державы, т. е. если данное государство и не принимает участия в международных событиях, оно ведет их мониторинг. Больше половины данных

новостей передается посредством репортажей, которые выходят в зависимости от статусности (политика, экономика, культура, шоу-бизнес и др.) в начале или в середине выпуска, а то и в конце. На «ТСВ» и «Первом приднестровском» телеканалах международные новости в основном затрагивают события, происходящие в странах постсоветского пространства, или те из них, которые непосредственно влияют на молдово-приднестровский переговорный процесс. Часто приднестровские телеканалы несвоевременно реагируют на знаковые международные события.

Переговорный процесс урегулирования молдово-приднестровского конфликта является одним из важнейших информационных поводов на телеканале «Первый приднестровский», что характеризуется не столько объемом эфирного времени и количеством вышедших репортажей (74 минуты (13 %), 28 репортажей (13 %)), сколько местом репортажа, посвященного данной проблематике, в структуре информационной программы. Репортажи, рассказывающие о переговорном процессе, в большинстве случаев выходят в начале выпуска. «ТСВ» не отличается такой динамикой освещения переговорного процесса: за исследуемый период здесь вышло 15 репортажей общей продолжительностью 29 минут, что соответствует примерно 7 % от общих объемов по двум критериям. Как правило, данные материалы выходят в середине информационного выпуска.

Что касается спроса на информацию данной проблематики, то только 13 % респондентов заявили, что их не интересуют события, связанные с переговорным процессом. Около 45 % аудитории считает, что данной информации достаточно, хотя 42 % уверены, что объем соответствующих материалов должен составлять не менее 14 % от общего эфирного времени.

Складывающееся положение в ведущих приднестровских электронных СМИ является следствием вялотекущих молдово-приднестровских отношений, в том числе и переговорного процесса, а также различной редакционной политики. Если на «Первом приднестровском» телеканале переговорный процесс, наряду с деятельностью исполнительной власти, социальными проблемами, является одним из главных информационных поводов, то для «ТСВ» данная проблематика – одна из

наименее востребованных. Репортажи об урегулировании молдово-приднестровского конфликта практически отсутствуют в информационных выпусках новостей на коммерческом телеканале.

Телеканал «ТСВ» достаточно слабо освещает деятельность силовых структур ПМР по сравнению с другими исследуемыми каналами. От общего эфирного времени информационных выпусков этому блоку материалов отводится только 4,5 %. Необходимо отметить, что в процентном выражении доля эфирного времени, приходящегося на освещение деятельности силовых структур, в общем эфирном времени на «Первом приднестровском» примерно такая же, как и на «ТСВ», – 4,8 %. Однако на данном телеканале помимо информационных выпусков новостей выходят передачи: «На рубеже огня» и «По горячим следам», информирующие о деятельности Вооруженных Сил и органов внутренних дел Приднестровской Молдавской Республики соответственно.

Как в приднестровских электронных СМИ, так и на исследуемом российском телеканале репортажи, информирующие телезрителей о партийной жизни в государстве, крайне редки. К примеру, на «ТСВ» за исследуемый период вышло 10 репортажей (5 %) общей продолжительностью 17,5 минут (4,3 %), посвященных данной тематике; на «Первом приднестровском» – 8 репортажей (3,6 %) общей продолжительностью 14 минут (2,4 %); на «Первом канале» – 5 репортажей (2,1 %) общей продолжительностью 8 минут (1,3 %).

В процессе освещения партийной тематики на исследуемых телеканалах ПМР и России прослеживается общая тенденция, которая сводится к недостаточному информированию аудитории о деятельности всех существующих партийных организаций. Связано это, прежде всего, с приоритетами в отношении конкретных партий, освещение деятельности которых соответствует основным принципам редакционной политики данных телеканалов. Так, на «ТСВ» 8 из 10 репортажей о партийной жизни республики посвящены деятельности партии «Обновление», на «Первом приднестровском» – 5 из 8 репортажей о партийной жизни республики информируют о функционировании партии «Республика». На «Первом канале» в целом затруд-

нительно тематически разграничить репортажи, освещающие деятельность исполнительной власти и партийного функционала, поскольку в данных репортажах параллельно присутствуют синхроны, автором которых является Президент России.

Следует отметить низкий рейтинг практически всех партий ПМР. Результаты социологического исследования показали, что около 70 % респондентов не только не интересуются деятельностью партий, но и не доверяют им. Отсюда и низкая заинтересованность аудитории в получении информации о партийной жизни в республике: 34 % респондентов считают, что необходимо сократить объемы данной информации, отводя ей не больше 2 % от общего эфирного времени новостных выпусков. Исходя из этого канал «ТСВ» является излишне «партийным», чем не только может раздражать аудиторию, но и провоцировать сомнения в объективности и непредвзятости данного электронного СМИ.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют оценить ситуацию, свидетельствующую о низких рейтингах приднестровских партий, которая, скорее всего, будет усугубляться за счет излишнего освещения данной темы ведущими электронными СМИ. Можно говорить также о субъективности освещения партийной жизни Приднестровья и России, которая выражается как в тексте корреспондентов и ведущих, так и в подборке новостного материала, освещающего деятельность только одной конкретной партии, поэтому у аудитории создается ложное представление о партийной системе ПМР и России.

Приднестровские каналы практически не затрагивают проблемы, связанные с функционированием гражданского сектора, армией, коррупцией чиновников и т. д. Освещение данных проблематичных сфер может негативно сказаться на имидже правящей элиты, которую активно поддерживают исследуемые электронные СМИ. В отличие от «ТСВ» и «Первого приднестровского» на российских телеканалах в эфир выходят специальные передачи, которые периодически информируют аудиторию о существующих проблемах в вышеперечисленных сферах.

Таким образом, ведущие электронные средства массовой информации Приднестровской Молдавской Республики

в результате негласного информационного противостояния «ТСВ» и «Первый приднестровский» практически не выполняют консолидирующей функции в обществе. Подобная ситуация в перспективе может привести к расслоению общества на противоборствующие стороны и пошатнуть приднестровскую государственность.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что приднестровские электронные СМИ не полностью удовлетворяют информационным запросам аудитории. Тематическое разнообразие выпусков новостей складывается в результате редакционной политики отдельных каналов, а не интересов телезрителей. Информирование аудитории о деятельности исполнительных и законодательных органов власти репортажи, которые выходят в эфир с наибольшей частотой на обоих каналах, отвечают информационным запросам всего 14 % населения. Больше всего приднестровских граждан волнуют социальные и экономические проблемы ПМР (40 % и 38 % соответственно).

Отсюда и отношение к приднестровским СМИ: недоверие им высказали более 30 % респондентов, притом, что абсолютно доверяют только 9,2 % опрошенных. Свыше 10 % от общего количества участников опроса вообще не смотрят приднестровские телеканалы.

Тем не менее, оценивая динамику показателей доверия к государственным и общественным институтам, необходимо отметить, что средства массовой информации на определенном этапе сумели укрепить свои позиции в данном отношении.

Как видно из табл. 2, доверие к СМИ по сравнению с 2005 г. выросло почти вдвое. Примечательно, что за данный период приднестровские СМИ пополнили ряды своей аудитории примерно на 20 %, о чем свидетельствует низкий процент затруднившихся ответить респондентов. Учитывая противоречие между моделью государственного развития Приднестровья и информационной политикой местных СМИ, можно заключить, что аудитория разделяет позиции средств массовой информации в отношении дальнейшего государственного строя ПМР.

**Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос:
«Насколько Вы доверяете...?», %**

Вариант ответа	Верховному Совету		Президенту и кабинету министров		СМИ	
	2005 г.	2016 г.	2005 г.	2016 г.	2005 г.	2016 г.
Очень доверяю	9,5	5,0	12,6	2,8	6,4	9,2
В какой-то степени	30,9	34,8	28,9	41,5	22,9	56,4
Не очень доверяю	27,3	31,9	28,2	23,2	23,2	20,6
Совсем не доверяю	19,8	17,0	18,2	26,1	26,2	10,6
Затрудняюсь ответить	12,5	11,3	12,1	6,3	21,3	3,2

Следует обратить внимание на тот факт, что доверие к органам исполнительной и законодательной власти за исследуемый период изменилось. Так, законодатели потеряли почти 50 % аудитории, ранее безоговорочно им доверяющей. В то же время, исполнительная власть сохранила только 20 % аудитории, которая ей полностью верит. Тревожными выглядят показатели недоверия: Верховному Совету полностью не доверяют 17 % респондентов, что почти на 3 % меньше, чем в 2005 г.; Президенту и кабинету министров ПМР – более 26 %, что практически на 50 % превышает аналогичный показатель 2005 г. Подобные тенденции могут негативно сказаться на результатах предстоящих избирательных кампаний, референдумов по вопросам внутривнутриполитического устройства республики.

Таким образом, функционирование приднестровских электронных СМИ не в полной мере соответствует выбранной модели государственного развития, но в определенной степени согласовывается с настроениями аудитории.

Курс на дальнейшее развитие и укрепление президентской республики в какой-то степени получает информационную поддержку только со стороны «Первого приднестровского» телеканала. Информирование каналом «ТСВ» общественно-политической жизни направлено, в первую очередь, на популяризацию законодательных органов власти, выпячиванием конкретных личностей и партии (председателя Верховного Совета и партии «Обновление»).

Можно утверждать, что основополагающим фактором деятельности частных телеканалов, представителем которых

является «ТСВ», выступает корпоративная политика учредителей, их финансирующих, которая в большинстве случаев не соответствует концепции объективного информирования об общественно-политической жизни государственными электронными СМИ. Таким образом, функционирование коммерческих электронных СМИ ПМР в контексте государственной политики остается достаточно спорным.

Практика освещения общественно-политической жизни, предполагающая применение различных интерпретаций действительности двумя исследуемыми приднестровскими телеканалами, является следствием диаметрально противоположных направлений редакционной политики телеканалов «ТСВ» и «Первого приднестровского». Данная информационная борьба ведущих электронных СМИ катализирует расслоение общества и рост недоверия к органам как исполнительной, так и законодательной власти. Следовательно, телеканалы ПМР практически не выполняют консолидирующей функции, которая в условиях приднестровского государства должна стать приоритетной.

Ликвидация сложившейся ситуации невозможна без пересмотра редакционной политики СМИ. Ведущим телеканалам ПМР необходимо проводить социологические исследования с целью выявления информационных предпочтений аудитории, что поможет им повысить рейтинг как телеканала в целом, так и отдельных телепередач.

Нельзя забывать, что электронные СМИ, чутко реагируя на происходящие изменения во внутривнутриполитической борьбе за власть, нередко информируют о них, основываясь на субъективных позициях. Подтверждение данному выводу мы находим в материалах телеканалов «ТСВ» и «Первый приднестровский». Таким образом, объективное мнение о событиях в республике в большинстве случаев невозможно сформировать, даже просмотрев итоговые выпуски новостей на обоих анализируемых телеканалах. В результате субъективности, статичности и однотипности новостных выпусков телеканалы теряют значительную часть аудитории. Эти факторы не позволяют им конкурировать с российскими электронными СМИ.

2.2. Проблемы устойчивости культурно-информационного пространства Приднестровья

В ходе исследования нами была сформирована матрица устойчивости культурно-информационного пространства, строки которой отнесены нами к функциональному блоку матрицы, где отражены результаты социологического исследования, в котором приняли участие около 1000 приднестровцев. Все ячейки матрицы пронумерованы по следующей схеме: номер столбца первая цифра, номер строки вторая цифра.

Проанализируем идеологический фактор, характеризующий настроение населения, в зависимости от его деятельного, социокультурного, психологического, материального и демографического статусов.

Ячейка 12. Приведем цифры, свидетельствующие о низкой степени доверия населения к действующей власти. Так, около трети населения Приднестровья осенью 2016 года, в преддверии выборов Президента ПМР, доверяли действующей власти. Необходимо отметить, что относительно высокий процент (33 %) доверия был характерен для неработающего населения, в том числе и пенсионеров. Необходимо отметить, что именно эта категория населения исторически являлась оплотом действующей власти и именно на него, как на самую активную часть электората, как правило, делала «ставки» в предвыборных кампаниях команда первого Президента республики.

Интересным представляется факт низкого рейтинга высшего эшелона власти среди государственных служащих (около 30 %). Следует отметить, что государственный сектор экономики в значительной степени вырос за последние 5–10 лет, и количество чиновничьего аппарата, по некоторым данным, выросло на 30 %. В этой связи низкая степень доверия к действующей власти со стороны именно госструктур свидетельствует, по нашему мнению, о несостоятельности административного аппарата, искусственности, надутости и, как следствие, его самоустранении. Ожидаемый результат низкой степени доверия среди населения, занятого в негосударственном секторе (29 %), только подтверждает факт обособленности правящей

**Таблица 3. Матрица устойчивости культурно-информационного пространства
(социологический опрос)**

		Институциональный блок (факторы)									
		Функциональный блок (статус)					Материальный				
		Идеологический	Деятельностный	Социкультурный	Психологический	Материальный	Демографический	возраст	пол	образование	
	Идеологический	11	21	31	41	51	61	71	81		
	Деятельностный	30/29/33 12	22	32	42	52	62	72	82		
	Социкультурный	39/26/29 13	64/57/48 23	33	43	53	63	73	83		
	Психологический	33/28 14	61/69/49 24	68/57/61 34	44	54	64	74	84		
	Материальный	61/24 15	24/22/19 25	26/17/23 35	80/58 45	55	65	75	85		
	Демографический	32/29/27 16	56/50/65 26	52/61/57 36	66/57/52 46	22/22/24 56	66	76	86		
	Демографический (пол)	29/32 17	35/56/51 27	40/42/47 37	61/61 47	20/24 57	44/47/3067	77	87		
	Демографический (образование)	30/32 18	57/61/43 28	49/56/63 38	61/61 48	24/20 58	58/56/4668	45/42 78	88		

элиты, ее автономность и отстраненность от населения республики.

Отражение в матрице идеологического статуса в контексте реакции населения на действия власти является непреложным условием предупреждения противоречий в системе «общество–власть», своевременной корректировки политического имиджа, посредством адекватной информационной политики как государственных, так и коммерческих СМИ всех типов, а также гарантией стабильности действующей власти и ее легитимности в обществе.

Ячейка 13. Проблема доверия населения государственным институтам власти актуальна практически во всех современных странах, причем ее изучение, сопряженное с анализом предпосылок возникновения недоверия, носит дихотомический характер: эндогенный (институциональная теория) и экзогенный (культурная теория). Экзогенный подход объясняет причины доверия (или недоверия) народа власти культурными, в том числе и национальными, истоками. Так, среди опрошенных респондентов, относящих себя к русским, политической элите (президентской, исполнительной и законодательной) доверяет лишь 29,5 %. Из причисляющих себя к украинцам – 26 %. И среди респондентов, идентифицировавших себя как молдаване, руководству республики доверяет почти 40 % граждан.

Как будет показано в п. 23 на идеологические настроения оказывает влияние деятельностный (социально-профессиональный) статус личности в контексте ее социокультурных характеристик.

Очевидно, что культурная политика государства, реализуемая в частности Законом о языках, в большей степени является декларативной и не отражает реалии современного социокультурного процесса в обществе. Тем не менее, защита национального «молдавского» перед румынской экспансией в соседней Молдове дает основание представителям молдавского этноса в большей степени доверять руководству республики. В то же время пассивное отношение Киева к урегулированию молдово-приднестровского конфликта и соответствующая роль Украины в укреплении государственности и независимости Приднестровья нивелируют усилия приднестровской по-

литической элиты в вопросах сотрудничества с руководством соседнего государства. Отсутствие эффективного взаимодействия и ощутимой помощи и поддержки с украинской стороны может в некоторой степени объяснять низкую степень доверия украинской части населения государственным институтам власти.

Представители трех доминирующих этнических групп, проживающих на территории Приднестровья, относятся к единой группе восточнославянского народа и разделяют его основные культурные коды и предпочтения. Центроостремительные настроения в отношении управления обществом, выраженные желанием видеть единого правителя и ратовать исключительно за него даже при условии отсутствия эффективности его деятельности, во многом объясняют сохранение власти в руках первого президента Приднестровья на протяжении двадцати лет при относительно низком рейтинге доверия всех этнокультурных групп населения.

«Советскость» также является одной из характеристик, которая до сих пор сохраняется в сознании большинства приднестровцев и накладывает отпечаток при вынесении решения в ситуации, предусматривающей наличие альтернативного выбора. Постулат постоянства, а значит некой родственности и, соответственно, предпочтения долгое время способствовал сохранению власти в одних руках. Так, высочайшая популярность действующих лидеров в большинстве стран нового зарубежья основывается, безусловно, не только на эффективной пропаганде, но и на глубоко укоренившемся персонализированном и патерналистском восприятии единоначалия во власти.

Ячейка 14. Позитивность восприятия является важным социально-психологическим условием возникновения доверия между населением и властью: позитивно настроенные респонденты в большей степени доверяют руководству республики.

Позитивно настроенные люди, как правило, в меньшей степени или вообще не сталкивались в повседневной жизни с негативным воздействием властных структур: например, серьезные бюрократические препоны, коррупционные явления, конфликты с законом и т. п. Таким образом, социально-пси-

хологическое благополучие – это серьезный повод чувствовать удовлетворенность существующим жизненным укладом, а значит – и действующей властью, которая в сознании человека обеспечивает его стабильное существование, что, в свою очередь, является благоприятной почвой для возникновения доверия к властным структурам и облеченным властью персоналиям. Незначительный разрыв между позитивно и негативно настроенными респондентами – всего в 5 % – может быть объяснен высокой степенью влияния пропагандистского фактора государственных СМИ. Средства массовой информации в условиях отсутствия альтернативного источника способны, выполняя поставленную государством задачу, внушить определенной части аудитории «заказанную» картину действительности.

Ячейка 15. Социальное благополучие человека в немалой степени определяется его материальным положением, которое, в свою очередь, для большинства людей напрямую зависит от социально-экономического благополучия государства в целом. Мы полагаем, что продолжение устойчивого социально-экономического развития страны в дальнейшем откроет дополнительные возможности для успешного продвижения к полноценной политической демократии.

По результатам опроса, разрыв в показателях степени доверия граждан к власти довольно внушителен. Так, среди граждан, оценивающих социально-экономическое положение в республике как благоприятное и стабильное, президенту, а также высшим органам исполнительной и законодательной ветвей власти доверяет 61 % респондентов. Среди тех, кто оценивает социально-экономическое положение в республике как неблагоприятное и критическое, количество доверяющих власти составляет всего 24 %. Если экономический кризис затянется, это, вполне вероятно, приведет если не к еще большему увеличению разрыва между показателями этих двух групп, то к увеличению численности самой группы негативно настроенных граждан.

Ячейка 16. Демографический статус личности также является одним из базовых критериев диагностики степени доверия населения власти. Разброс в оценке легитимности вла-

сти по возрастным категориям сравнительно невелик. Так, среди респондентов 18–30 лет доверяет власти 32 %, среди возрастной группы 31–50 лет – 29 % и в старшей группе (51 год и старше) – 27 %. Следует отметить, что в России, например, старшая работоспособная группа (35–54 лет) оказывает существенно меньший кредит доверия власти, чем остальные. Социологи объясняют такую «озлобленность» тем, что именно на эту возрастную группу ложится основная нагрузка по воспитанию детей и помощи престарелым родителям (на фоне ухудшающихся возможностей трудоустройства и снижающегося потенциала здоровья). Как видим, среди приднестровских респондентов показатель доверия именно этой, «средней» группы также ниже, чем среди 18–30-летних респондентов. Но в Приднестровье эта разница составляет всего 3 % (ср.: в России 10 %)¹²⁷. Это, в свою очередь, можно объяснить тем, что социально-экономическая ситуация в нашей республике, по сравнению с Россией, гораздо менее стабильна. Как следствие, «младшая» возрастная группа сильнее, чем в России, включена в борьбу за материальное благополучие. Это доказывает и то, что приднестровская молодежь сегодня гораздо более активно участвует в трудовом процессе, чем, к примеру, 10–15 лет назад. Стало практически нормой совмещение работы и учебы, следовательно, и мыслит эта категория уже более приближенно к «взрослой» группе. Что касается низкого уровня доверия к власти со стороны «старшей» группы (51 и более лет), то тут, безусловно, играет роль усталости от постоянных обещаний и периодических обращений к пожилым людям исключительно в период избирательных кампаний. Кроме того, необходимо учитывать и психологически свойственное пожилым людям недоверие, низкий уровень социальной обеспеченности, который, в свою очередь, логически связан с недолжным исполнением властью своих прямых обязанностей: обеспечения социальной защиты наиболее уязвимым категориям населения.

Ячейка 17. Гендерная градация респондентов свидетельствует о доверии власти всего 29 % мужчин и 31,5 % женщин. Незначительная разница (всего 2,5 %) и объясняется, скорее

¹²⁷ Щанина Е. В., Корж Н. В. Социальное доверие людей пожилого возраста в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3(35). – С. 97–105.

всего, не психологическими особенностями женского и мужского восприятия, а общими проблемами при взаимодействии с властью. Опыт манипулирования с доверием населения свидетельствует, что в большинстве случаев на выборах побеждает не конкретный человек, а миф о нем, мощное отражение «раскручиваемого» образа в общественном сознании. Женщины в силу природных данных гораздо более склонны поддаваться на «мифическую» удочку PR-технологов, они добры и менее критичны, чем мужчины. Однако незначительное различие в отношении к властным структурам со стороны как мужчин, так и женщин может быть объяснено и феноменом «приднестровских женщин». Это словосочетание давно стало воплощением политически активных и решительных женщин, не отстающих от мужчин в выражении и отстаивании своей гражданской позиции.

Ячейка 18. Интеллектуальный статус личности, его уровень образования также является одним из основных индикаторов доверия или недоверия власти. Однако, как показывают результаты исследования, степень доверия респондентов с высшим образованием всего на 2 % ниже по сравнению с аналогичными данными по респондентам со средним образованием, 32 % которых доверяют власти.

Системный кризис власти является единственным, по нашему мнению, объяснением того, что независимо от социального статуса и демографических характеристик степень доверия власти крайне низок.

Далее рассмотрим деятельностный фактор, характеризующий настрой населения, в зависимости от их социокультурного, психологического, материального и демографического статусов. Участие населения в различных секторах экономики в зависимости от их социальных статусов, демографических характеристик в сочетании с их идеологическими настроениями могут прояснить отдельные проблемы взаимодействия государственных и общественных институтов.

Ячейка 23. Использование критерия «национальность» для изучения работников государственного и частного сектора дает возможность объяснить повышенное доверие молдавской

части населения действующей власти, поскольку больше всего молдаван (64 %) работает в государственных структурах (против 57 % украинцев и 48 % русских). В коммерческом секторе наиболее высок процент русского населения (35 %). Украинцев, занятых в частном секторе экономики, среди опрошенных оказалось 16 %; молдаван – 11 %. Что касается граждан, не имеющих на момент исследования постоянного источника дохода, то таковых, опять же, оказалось больше среди русских – 17 %. 16 % безработных среди украинцев и всего 11 % среди молдаван.

Ячейка 24. Психологический настрой представителей разных секторов экономики свидетельствует, что среди работников государственного сектора психологически позитивно настроены 61 % респондентов; среди представителей коммерческих предприятий и организаций таковых 69 %. И среди безработных – 47 %. В качестве критериев определения позитивного настроения опрашиваемых выступали такие характеристики, как уверенность, спокойствие, желание действовать и оптимизм. Психологически негативно настроенные респонденты, напротив, тяготеют к безысходности, испытывают тревогу, пассивны, либо же затрудняются с ответом. Отметим, что среди представителей коммерческого сектора психологически позитивно настроенных людей существенно больше (на 8 % по сравнению с работниками государственных предприятий и организаций и на 10 % – по сравнению с безработными). Причины позитивного или негативного психологического настроения граждан во многом, как уже говорилось, определяются экономической обеспеченностью и стабильностью, ведь в коммерческих структурах заработная плата существенно выше, чем в государственных. Напротив, лица, не имеющие постоянного источника дохода, гораздо более склонны к тревоге, неуверенности и пессимистическому настрою.

Ячейка 25. На фоне крайне низких оценок социально-экономического состояния в республике респонденты, занятые в государственном секторе экономики, все же оценивают ее чаще как благоприятную, стабильную. Такие ответы дали 24 % государственных служащих. В коммерческом секторе граждан, считающих положение благоприятным, – 21,5 %. И среди

безработных – их всего 18,5 %. Возможно, высокий процент позитивных оценок среди работников государственного сектора объясняется тем, что они имеют гарантированный доступ к социальным гарантиям государства. Кроме того, по своему статусу они более лояльны, чем опосредованно зависящие от властных структур работники частной сферы.

Ячейка 26. Как показало исследование, возрастная дифференциация работников государственной сферы, согласно ответам респондентов, следующая: 18–30 лет – 56 % опрошенных (причем сюда же относятся студенты государственных вузов); 31–50 лет – 49,5 %; 51 и более лет – 65 %. В коммерческом секторе занято 28 % лиц от 18 до 30 лет, 40,5 % – в категории от 31 до 50 лет и всего 9 % лиц старше 50 лет. Последнее объясняется тем, что работодатели в сфере бизнеса гораздо менее, чем в государственной сфере отягощены социальными обязательствами и предпочитают не нанимать работников пенсионного и предпенсионного возрастов. Также по причине того, что в «старшей» группе респондентов большинство пенсионеров, среди них и самый высокий процент неработающих – 27 %. Меньше всего безработных в категории от 31 до 50 лет: как правило, это люди давно и прочно профессионально определившиеся, часто с немалым рабочим стажем, прикованные к рабочим местам необходимостью содержать родных и близких.

Ячейка 27. Что касается градации респондентов по половому признаку, то в государственном секторе трудится 35,5 % мужчин и 64,5 % женщин. В частном секторе, наоборот, преобладают мужчины (56 % против 44 %). И среди безработных – 51 % мужчин и 49 % женщин. Несмотря на отсутствие должного представительства женщин в высших эшелонах власти, они практически в два раза активнее мужчин осваивают государственный сектор, занимая должности различного уровня. Данные результаты еще раз свидетельствуют об упомянутом феномене «приднестровской женщины».

Ячейка 28. В государственном секторе занято 57 % опрошенных, имеющих высшее образование, и 43 % граждан, получивших только среднее образование. В коммерческих структурах превалирование дипломированных специалистов

гораздо заметнее: 60 % работников с высшим образованием и всего 39 % – со средним. Такие результаты ожидаемы, поскольку рыночно социально обоснованы: более компетентные специалисты могут рассчитывать на более достойные условия и оплату труда. Среди безработных процент людей с высшим образованием тоже существенно ниже, чем со средним: 43 % против 57 %.

Проанализируем социокультурный фактор, характеризующий настрой населения, в зависимости от психологического, материального и демографического статусов.

Ячейка 34, 35. Любопытно сравнить данные о психологическом настрое и оценке социально-экономической ситуации среди представителей трех основных национальностей в республике. Так, среди молдаван психологически позитивно настроено 68 % респондентов. В то же время социально-экономическую ситуацию среди них считают благоприятной только 26 % респондентов. Аналогичная ситуация среди украинцев (57 % и 17 %) и среди русских (61 % и 23 %). Напрашивается вывод, что негативная оценка социально-экономического положения государства вовсе не является препятствием для позитивного мироощущения граждан. Это можно объяснить тем, что кризисная ситуация в республике в силу особого статуса и геополитических реалий является перманентной. С одной стороны, у населения должен был выработаться иммунитет к кризисным условиям. С другой – немаловажна и пропагандистская роль средств массовой информации. На протяжении многих лет борьба с различными кризисами (внешнеполитическим, внутренним, экономическим) возводилась фактически в ранг национальной идеи, а завтрашний день рисовался перспективно («нас признают», «возымеют действие реформы», «поможет Россия» и т. д.). Впрочем, последние президентские выборы показали, что готовность населения к действию в условиях осознания кризиса привела к тому, что народ все же созрел для кардинальной смены властных формирований, невзирая на все усилия административных СМИ.

Ячейка 36. Среди респондентов молдавской национальности преобладала молодежь (от 18 до 30 лет) – 52 %; 38,5 % опрошенных относились к «средней» возрастной группе (31 –

50 лет); 10 % - к «старшей» (51 и более лет). Среди украинцев молодежь составляла 61 %; «средняя» группа – 29 %; «старшая» – 11 %. Среди русских молодежь, средний возраст и «старшие» распределились следующим образом: 57 %, 36 % и 6 % соответственно.

Ячейка 37. Среди опрошенных лиц молдавской национальности было 40,5 % мужчин и 59,5 % женщин. Среди украинцев – 42,5 % мужчин и 57,5 % женщин. Среди русских – 47 % мужчин и 53 % женщин.

Ячейка 38. По образовательному статусу: среди респондентов молдавской национальности 49 % имеет высшее образование и 51 % – среднее. Среди украинцев – 56 % респондентов с высшим образованием и 44 % – со средним. Среди русских – 63 % опрошенных получили высшее образование и 37 % – среднее. Таким образом, отношение к высшему образованию на молдавском и украинском языках из разряда декларативной «поликультурности» приднестровского государства должно находить свою реализацию в реальных государственных образовательных заказах.

Анализ психологического фактора, характеризующего настрой населения, в зависимости от материального и демографического статусов представлен ниже.

Ячейка 45. По мере продвижения по матрице большинство из данных в ее ячейках выступают в роли контрольных цифр, подтверждающих или опровергающих сделанные ранее выводы. Так, в полном соответствии с причинами и предпосылками, описанными в п.п. 15 и 24, среди материально обеспеченных респондентов 80 % психологически позитивно настроены, а среди опрошенных, кто не обеспечен материально, таковых не более 60 %.

Ячейка 46. Среди молодежи (18–30 лет) психологически позитивно настроенных почти в два раза больше, чем негативно: 66 % и 34 % соответственно, что вполне естественно определяется психологическими особенностями этой возрастной категории. Среди респондентов возрастной группы от 31 до 50 лет позитивно настроены 57 % опрошенных, негативно – 43 %. Разница же между позитивным и негативным настроением среди

«старших» еще меньше, чем у «средней» группы: всего 4 % в пользу первых (52 % и 48 %).

Ячейка 47. Среди мужчин психологически позитивно настроены 62,5 % респондентов, негативно – 37,5 %. Среди женщин, соответственно, 61 % и 39 %. Тут «войны полов» не происходит: особого разброса в качестве психологического настроения нет. Отметим, что процент позитивно настроенных респондентов, независимо от пола, гораздо выше негативного. Это можно также объяснить причинами, приведенными в п. 34 и 35.

Ячейка 48. Примерно та же картина наблюдается и среди респондентов, дифференцируя их по уровню образования. Психологически позитивно настроено 61 % лиц с высшим образованием, и со средним образованием. Негативно – 39 %. Исследование результатов мониторинга в этом сечении еще раз подтверждает, что превалирование позитивного настроения среди общей массы опрошиваемых.

Далее приводятся результаты изучения материального фактора, характеризующего настрой населения, в зависимости от его демографических статусов.

Ячейка 56. Во всех возрастных категориях процент материально обеспеченных граждан гораздо ниже, чем необеспеченных. Так, среди молодежи материально обеспечены 22 % респондентов, в «средней» группе (31 – 50 лет) – тоже 22 %, среди людей старше 50 лет – 24 %.

Ячейка 57. По гендерной градации: материально обеспечены 20 % мужчин и 24 % женщин.

Ячейка 58. Среди лиц с высшим образованием материально обеспечены 24 % опрошенных, со средним – 20 %.

Приведенные ниже данные представляют интерес для СМИ с точки зрения стратификации аудитории по социально-демографическим признакам.

Ячейка 67. За время проведения исследования было опрошено 610 человек возрастной категории от 18 до 30 лет, из них 44 % мужчин и 56 % женщин; 410 человек «средней» возрастной группы (31–50 лет), из них 47 % мужчин и 53 % жен-

щин; 179 человек старше 50 лет, из них 30 % мужчин и 70 % женщин.

Ячейка 68. Среди молодежи от 18 до 30 лет 58 % имеет (или получает) высшее образование, 42 % – среднее. В «средней» возрастной группе (31 – 50 лет) высшее образование получили 56 % респондентов, среднее – 44 %. И среди опрошенных старше 50 лет 46 % с высшим образованием и 54 % со средним. Как видим «отрыв» первых двух групп от последней составляет около 10 %.

Ячейка 78. Среди опрошенных граждан с высшим образованием – 45 % мужчин и 55 % женщин. Среди респондентов, получивших среднее образование – 42 % мужчин и 58 % женщин.

Вопросы легитимности государственной власти активно обсуждаются не только на политическом уровне, находятся в центре внимания общественных деятелей, но и в течение последних лет являются предметом изучения гуманитарной науки. Анализ действующего национального законодательства, эффективности институциональной инфраструктуры, демократичности и открытости государственных институтов, безусловно, в определенной степени предоставляет возможность оценить уровень состоятельности и организованности официальной власти в государстве. Однако доминирующим фактором в определении степени легитимности действующей власти, на наш взгляд, должна выступать степень доверия населения властным институтам.

Показательные результаты выборов депутатов Верховного Совета, Президента ПМР демонстрируют высокую степень согласованности общества и власти, однако в большинстве случаев высокий рейтинг популярности того или иного кандидата через некоторое время в силу определенных причин может смениться высокой степенью критичности по отношению к его деятельности и, соответственно, к его персоне.

Подводя итог исследованию массовой аудитории в контексте устойчивости культурно-информационного пространства, необходимо отметить, что комплекс представленных результатов наглядно свидетельствует о кризисности общественного сознания и высоком протестном потенциале по отношению к

властным структурам со стороны населения, что предопределило результаты президентских выборов в Приднестровье в конце 2016 года. Мониторинг социальных статусов в предлагаемом разрезе может помочь прогнозировать социокультурный процесс в обществе и отследить динамику состояния культурно-информационного пространства, а также, грамотно используя СМИ, предупреждать потенциально возможные социальные потрясения и трансформацию массового сознания.

2.3. Элитарное измерение культурно-информационного пространства Приднестровья

Эффективность или отсталость конкретной общественной системы во многом определяется связкой «элита – народ», ее «архитектурой» и предметным содержанием. Традиционно исследование общественно-политических процессов опирается на анализ различных компонентов – власти, элиты, общества. Однако данные структурные компоненты могут быть рассмотрены в характерном для них разобобщенном состоянии лишь в условиях спокойного течения процессов. Между тем, в условиях кризиса в ход пускаются особые консолидирующие механизмы, объединяющие все эти мало сообщающиеся в обыденных условиях компоненты. К элитарным компонентам общественных процессов правомерно относить более продвинутые (образованные, опытные, функционально дифференцированные, обладающие влиянием и властью) группы, организации, институты. За общим термином «элита» уже по определению не может стоять какая-то однородная и сплоченная общность, – если, конечно, не иметь в виду варианты примитивных социальных организаций, для нашей действительности давно не характерных. Элитарные слои и структуры в сферах (подсистемах) управления, культуры, бизнеса, просвещения, коммуникации, социальных услуг и т. д. специализированы и разобобщены, это их «нормальное» состояние. В экстраординарных ситуациях общественной мобилизованности, возбуждения, эмоционального напряжения и т. п. формируются или активизируются

консолидирующие механизмы (структуры), способные действовать «поверх» функциональных и «элитарных» барьеров.

По мнению известного российского социолога и политолога Ю. Левады важнейшей характерной особенностью всех элитарных групп Российской империи, затем Советского Союза и, наконец, постсоветского пространства является их этатистская, государство-центристская ориентация, будь то позитивная (надежды на власть предрежащих) или негативная (демонстративно антигосударственная). Автор полагает, что единственно значимой точкой отсчета оставалась государственная власть, причем более высокий («элитный») статус неизменно означал не столько более высокую профессиональную квалификацию и репутацию, сколько бóльшую приближенность к власти и бóльшую зависимость от нее, (притом, всестороннюю – от сохранения статуса до личной безопасности). В такой ситуации статус измеряется не удаленностью от «низших» ступеней профессиональной и т.п. специализированной иерархии, а приближенности к условно-обобщенной неспециализированной «верхушке» социальной системы¹²⁸.

Ни социально-политические кризисы, ни смены режимов не внесли принципиальных изменений в такое положение вещей. Лишним подтверждением может служить довольно быстрое и практически беспроblemное посткризисное восстановление государственного контроля над различными сферами экономической, административной, интеллектуальной и культурной деятельности в стране.

В то же время, такая «приближенность» к «верхушке», к сожалению, практически всегда сопровождается отдалением от народных масс, от основного гражданского общества.

В этой части работы мы попытаемся сравнить результаты массового опроса, представленные в предыдущем параграфе, с аналогичными данными, полученными при анкетировании представителей политической элиты Приднестровья. Вопросы анкеты были составлены так, чтобы максимально точно выяснить: насколько элита знает точку зрения, позицию народных масс, насколько адекватно и объективно оценивает отношение

¹²⁸ Левада Ю. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. 2006. № 1.– Доступно: <http://labazov.livejournal.com/186050.html>

**Таблица 4. Матрица устойчивости культурно-информационного пространства
(опрос политической элиты)**

		Институциональный блок (факторы)							
		Идеологический	Деятельностный	Социокультурный	Психологический	Материальный	Возраст	Пол	Образование
Функциональный блок (статусы)	Идеологический (доверия)	11	59/36/12 ²¹	78/22/42 ³¹	55/25 ⁴¹	0/29 ⁵¹	52/33/37 ⁶¹	31/50 ⁷¹	37 ⁸¹
	Деятельностный (гос. служение / негосударст. сектор / безработные)	12	22	100/0/27 ³²	56/14/0 ⁴²	0 ⁵²	33/27/37 ⁶²	56/54/100 ⁷²	29/45/26 ⁸²
	Социокультурный (молдаване / украинцы / русские)	13	23	33	100/0/27 ⁴³	0 ⁵³⁼⁼	67/100/20 ⁶³	33/100/47 ⁷³	14/14/72 ⁸³
	Психологический (позитив / негатив)	14	24	34	44	0/17 ⁵⁴	33/36/0 ⁶⁴	17/40 ⁷⁴	23 ⁸⁴
	Материальный (стабильный / неблагоприятный)	15	25	35	45	55	0 ⁶⁵	0 ⁷⁵	0 ⁸⁵
	Демографический (возраст: 18–30 / 31–50 / 51 и выше)	16	26	36	46	56	66	22/80/87 ⁷⁶	32/39/29 ⁸⁶
	Демографический (пол: мужчины / женщины)	17	27	37	47	57	67	77	64/36 ⁸⁷
	Демографический (образование: высшее / среднее)	18	28	38	48	58	68	78	88

народа к власти и к социально-политической ситуации в государстве в целом. В данной части социологического исследования приняли участие более 50 человек, в число которых вошли представители и исполнительной, и законодательной ветвей власти.

Проанализируем, насколько идеологический статус населения адекватно оценивается представителями политической элиты Приднестровья.

Ячейка 21. Согласно результатам исследования, элита считает, что 59 % работников госучреждений доверяет власти. Среди занятых в коммерческих структурах, по мнению элиты, Президенту, Правительству и Парламенту доверяет 36 % граждан. А в прослойке безработных уровень доверия к власти, как считает элита, равен 12,5 %. В своей оценке представители элиты руководствовались, скорее всего, стандартными схемами. Так, очевидно, что государственные служащие априори лояльны к власти, находятся в прямой зависимости от государственных, а, следовательно, и властных структур. Служащие коммерческих предприятий, напротив, от власти более независимы, но успех их деятельности также в большинстве случаев связан с социально-экономической ситуацией в республике. Бизнес-структуры, как правило, склонны более критично оценивать действия государственного аппарата, в частности – экономическую политику властей. Государство, регламентируя деятельность бизнеса, в том числе и налоговой системой, влияет на уровень его доходов. Что касается безработных, то, по мнению элиты, по-видимому, человек, экономическое положение которого неустойчиво, а социальный статус не позволяет деятельно участвовать в производственных и экономических процессах, не может быть позитивно настроен по отношению к окружающей действительности, ситуации в государстве и к олицетворяющим это государство властным структурам.

Ячейка 31. Оценки, выставленные элитой по «шкале доверия» населения к власти, колеблются в зависимости от национальности респондентов. Как видно из результатов мониторинга, респонденты из числа элиты молдавской национальности считают, что доверяют власти 78 % граждан. Опрошенные представители элиты украинской национальности полага-

ют, что доверие властным структурам оказывает лишь 22 % населения. Судя по ответам «русской элиты», они считают, что власти доверяет 42 % приднестровцев. Как видим, наиболее критично настроены респонденты украинской национальности. Молдаване склоняются к тому, что подавляющее большинство народа власть поддерживает. Русские же придерживаются «золотой середины».

Ячейка 41. Если рассматривать народное мнение в сечении «психологический настрой – идеологический статус», то, по мнению представителей элиты, среди психологически позитивно настроенных граждан доверяет властным структурам 55 %. Среди негативно настроенных – всего 25 % населения выражает доверие власти. Как видим по результатам опроса, в оценке идеологического статуса респондентов элита напрямую исходит из психологического настроения человека. То есть, по мнению представителей элиты, люди, видящие в окружающей действительности преимущественно негатив, соответствующе оценивают деятельность властных структур. И наоборот, позитивно настроенные, по-видимому, тоже считают свое психологическое благополучие прямым следствием работы государственного аппарата. Следуя этой причинно-следственной связи, элита и оценивает степень доверия или недоверия населения к органам власти.

Ячейка 51. В данном пункте элита оценивала отношение народа к власти в соотношении «идеологический статус – материальный фактор». Интересно отметить, что, по мнению представителей элиты, граждан, которые бы позитивно оценивали социально-экономическое положение своей страны, в республике нет вообще. По-видимому, здесь элита исходит из той предпосылки, что постоянные кризисы, в которых перманентно пребывает наше государство, не позволяют народу видеть в социально-экономической сфере жизни республики ни позитива, ни перспективы, а следовательно, все 100 % населения республики оценивают положение как неблагоприятное, критическое. В то же время, последние президентские выборы в 2016 году показали, что народ вполне способен оценить предлагаемые пути выхода из кризисных ситуаций и предоставить кредит доверия новоизбранной власти под

залог надежды на социально-экономическое восстановление государства.

По мнению представителей элиты, из 100 % негативно оценивающих положение в республике граждан 71 % населения не доверяет президентской, исполнительной и законодательной власти.

Ячейка 61. Что касается возрастной градации респондентов, то представители элиты от 18 до 30 лет полагают, что 52 % населения доверяет властным структурам. Элита «средней» возрастной категории (31–50 лет) считает, что доверие власти оказывает 33 % населения. По мнению «старшей» возрастной группы (51 и более лет), президентской, исполнительной и законодательной ветвям власти доверяет 37,5 % приднестровцев. Такой разброс во мнениях можно объяснить психологическими особенностями различных возрастных групп. Молодость склонна к категоричным суждениям и определению для себя кумиров или примеров для подражания. Таким примером вполне может стать старший товарищ, руководитель, лидер. Вполне естественно, что «молодая элита» склонна видеть такого лидера в представителе верховной власти, отсюда завышенная оценка и его качеств, и власти в целом. Значит, и отношение других людей к тому же предмету оценивает сквозь призму собственного восприятия. Людям в возрасте от 31 до 50 в большей степени свойственна критичность, которую позволяет уже накопленный личный опыт, сказывается первый возрастной кризис, и т. д. Именно поэтому действительность они воспринимают куда более пессимистично, нежели молодые. Люди в возрасте старше 50 лет – это представители советской эпохи, когда критичное отношение к власти являлось едва ли не признаком маргинальности. Однако в данном случае речь идет о представителях элиты: будучи близки к верховной власти, они полагают, что владеют информацией об общественном настроении.

Ячейка 71. По результатам опроса представителей элиты, респонденты мужского пола считают, что властным структурам доверяет 31,5 % населения республики. Женщины считают, что половина граждан ПМР верит власти. Как видим, «разрыв» составляет 18,5 %. Это можно объяснить (по аналогии с я. 17)

психологическими особенностями представителей разных полов.

Ячейка 81. Среди опрошенных представителей элиты нет людей, получивших только среднее образование. У 100 % респондентов – высшее образование. Опрошенные представители элиты считают, что 37 % населения доверяет власти. Заметим, что при отсутствии альтернативы в образовательном факторе, результат, отраженный именно в этом пункте, можно считать «чистым», не градуированным ни по каким сопутствующим признакам. То есть, 100 % представителей элиты считает, что 37 % приднестровцев доверяет властным структурам, и 63 % такового доверия власти не оказывают.

Далее представлены результаты экспертного опроса политической элиты по вопросу социально-профессионального (деятельного) статуса населения, его занятости и удовлетворенности своим материальным положением.

Ячейка 32. Анкетирование представителей элиты в сечении «социокультурный фактор – деятельностный статус» выявило следующие результаты. 100 % опрошенных представителей элиты молдавской национальности считают, что абсолютное большинство приднестровцев занято в государственном секторе. В коммерческом секторе и безработных – подавляющее меньшинство. Среди респондентов – представителей элиты украинской национальности, напротив, считающих, что большинство населения занято в государственном секторе экономики, нет (0 %); 33 % считает, что большинство граждан занято в частном секторе экономики; 67 % – что большинство населения не имеет постоянного источника доходов. Среди элиты русской национальности 27 % полагает, что большинство населения занято в государственном секторе, 73 % – уверено, что большинство приднестровцев занято в бизнесе, а вот таковых, кто считает, что большинство населения – безработные, нет (0 %). Следует отметить, что результаты и по другим пунктам, представляющим социокультурный разрез, свидетельствуют, что представители молдавской национальности демонстрируют в своих ответах прогосударственный настрой в большей степени, нежели украинцы, которые склоняются в диаметрально-

но противоположную сторону. «Русская» элита демонстрирует умеренность, придерживаясь «центра».

Ячейка 42. По мнению элиты, среди населения, занятого в государственном секторе, преобладает позитивный психологический настрой: 56 % граждан ощущает спокойствие и желание действовать, 44 % чувствуют тревогу, безысходность, пассивны. Среди приднестровцев, занятых в коммерческом секторе экономики, как считает элита, психологически позитивно настроено только 14 % населения, а 86 % – негативно. Среди безработных, по мнению представителей элиты, позитивно настроенных граждан нет. Видимо, здесь представители элиты исходили из предполагаемого экономического статуса граждан. Так, люди, не имеющие постоянного источника доходов, экономически нестабильные (безработные), по мнению элиты, не могут ощущать спокойствия и уверенности. Представители коммерции, напрямую зависящие от кризисных ситуаций в экономике государства, от изменений в законодательстве, тоже ощущают неустойчивость своего положения, а потому в большинстве своем, по мнению элиты, настроены психологически негативно. Пассивность в данном случае определяется слабой возможностью влиять на ситуацию. Граждане же, занятые на государственных предприятиях и в организациях, свое положение ощущают как относительно стабильное, пусть порой и далекое от благополучного. Это, по мнению элиты, видимо, является определяющим фактором и психологической стабильности (состояния спокойствия).

Ячейка 52. Представители элиты считают, что 89 % населения, занятого в государственном секторе, оценивает социально-экономическое положение республики как неблагоприятное, а 11 % – как критическое. Среди занятых в коммерческом секторе, по мнению элиты, 92 % граждан оценивает социально-экономическую ситуацию как неблагоприятную, 8 % – как критическую. И среди безработных неблагоприятной ситуацию в государстве считают 25 % респондентов, критической – 75 %. Граждан, оценивающих социально-экономическую ситуацию как благоприятную, по мнению элиты, в республике нет. В этом сечении надо отметить разницу, по мнению элиты, в оценке критичности ситуации между работающими и безработ-

ными. Люди, не имеющие постоянного источника дохода, как считает элита, гораздо больше склонны характеризовать социально-экономическое положение республики как критическое. Разница составляет от 64 % до 67 %.

Ячейка 62. Результаты опроса выявили, что среди представителей элиты «младшей» возрастной группы (18–30 лет) 33 % считает, что большинство граждан заняты в государственном секторе экономики, 67 % полагает – что в коммерческом (частном) секторе, и нет таковых, кто считает, что большинство населения ПМР – безработные (0 %). Среди представителей элиты в возрасте от 31 до 50 лет 27 % полагает, что большинство населения работает в государственном секторе, 54,5 % – что большинство населения занято в коммерческой деятельности, и 18 % относит большинство приднестровцев к категории безработных. Голоса респондентов – представителей элиты «старшей» возрастной группы (от 51 и старше) разделились следующим образом: 37,5 % считает, что большинство приднестровцев занято в государственном секторе, 25 % – что в коммерческом секторе, и 37,5 % полагает, что большинство граждан не имеет постоянного источника доходов. При градации по возрасту, разброс во мнениях очевиден. Молодежь склонна видеть действительность в достаточно светлых красках: по ее мнению, большинство населения занимается коммерцией, безработных в стране практически нет. Представители среднего возраста более приближены к реальности: они также относят род занятий большинства граждан ПМР к сфере бизнеса, но допускают и определенный процент безработных. Респонденты старше 50 лет к представителям бизнеса причисляют меньшинство приднестровцев, а вот на долю государственного сектора и безработных выходит равный (и отнюдь не маленький) процент.

Ячейка 72. Представители элиты, принявшие участие в опросе, полагают, что среди трудящихся в государственном секторе экономики Приднестровья работает 56 % мужчин и 44 % женщин. В частном (коммерческом) секторе занято 54 % мужчин и 46 % женщин. А среди людей, не имеющих постоянного источника дохода – 100 % мужчин, женщин же нет вообще.

Ячейка 82. Как мы уже отмечали выше, среди опрошенных представителей элиты 100 % имеет высшее образование. Согласно результатам опроса, 29 % из них считает, что большинство населения занято в государственном секторе экономики, 45 % полагает, что большинство граждан занято в частном (коммерческом) секторе, и 26 % считает, что большинство граждан находится в статусе безработного. Таким образом, элита полагает, что большинство населения республики в той или иной мере занимается коммерческой деятельностью. Возможно, это связано с утвердившимся стереотипом о тяжелом положении государственных предприятий.

Не менее интересны результаты ответов представителей политической элиты по проблемам социокультурного статуса населения.

Ячейка 43. Согласно опросу представителей элиты в социокультурном–психологическом сечении, 100 % элиты молдавской национальности считает, что население психологически позитивно настроено (испытывает спокойствие и желание действовать). Напротив, 100 % элиты украинской национальности полагает, что приднестровцы настроены психологически негативно: испытывают тревогу, безысходность, пассивны. Среди элиты русской национальности такого единодушия не наблюдается: 27 % русских респондентов (представителей элиты) считает, что народ настроен позитивно, и 73 % уверено, что большинство граждан республики психологически негативно настроено. Тут прослеживается некоторая аналогия с я. 31: наиболее критично настроены респонденты украинской национальности; молдаване склоняются к тому, что абсолютное большинство народа настроено позитивно; мнения русских разделились, хотя и далеко не поровну (к негативной оценке народного настроения склоняется на 46 % больше русских респондентов).

Ячейка 53. Что касается оценки населением материального фактора, то 100 % представителей элиты молдавской национальности полагает, что большинство населения оценивает социально-экономическое положение в республике как небла-

гоприятное. Мнение элиты украинской национальности аналогично точке зрения молдаван. И те, и другие полагают, что приднестровцы не склонны оценивать ситуацию в государстве как критическую. Что касается представителей элиты русской национальности, то 85 % из них считают, что большинство населения оценивает ситуацию как неблагоприятную, и 15 % – что как критическую.

Ячейка 63. Относительно социокультурных и демографических характеристик можно сделать следующие выводы: среди опрошенных представителей элиты молдавской национальности 67 % – молодежь (18–30 лет), 33 % относятся к «средней» возрастной группе (31–50 лет); лиц старше 50 лет среди них нет. Среди элиты украинской национальности – представители только «средней» возрастной категории (31–50 лет). Среди элиты русской национальности 47 % относится к «младшей» возрастной группе (18–30 лет), 33 % – к «среднему возрасту» (31–50 лет) и 20 % – к «старшей» возрастной группе.

Ячейка 73. Среди опрошенных представителей элиты молдавской национальности 33 % принадлежат к мужскому полу и 66 % – к женскому. Среди украинцев – представители только мужского пола. Среди элиты русской национальности 47 % мужчин и 53 % женщин.

Ячейка 83. Все опрошенные представители элиты имеют высшее образование. Среди них – 14 % молдаван, 14 % украинцев и 72 % русских.

Проанализируем данные, полученные от представителей политической элиты Приднестровья о психологическом статусе населения.

Ячейка 54. Как мы уже отмечали, элита считает, что абсолютное большинство приднестровцев оценивает социально-экономическое положение в республике как неблагоприятное. При этом, по мнению представителей элиты, 17 % из них психологически позитивно настроены и 83 % – негативно. То есть, негативно настроенных граждан на 66 % больше. Такой результат неудивителен при исходном послыании отсутствия граждан, позитивно оценивающих социально-экономическую ситуацию в государстве.

Ячейка 64. Среди респондентов – представителей элиты «младшей» возрастной группы (18–30 лет) 33 % считает, что большинство граждан психологически позитивно настроены, и 67 % – что большинство населения настроено негативно. Среди опрошенной элиты «среднего возраста» (31–50 лет) 36 % полагает, что большинство граждан настроено позитивно, и 64 % – что негативно. И среди элиты старше 50 лет – все 100 % уверены, что большинство населения республики психологически негативно настроено. Возможно, в данном сечении столь категоричный результат «старшей» возрастной группы можно объяснить психологическими особенностями, свойственными их возрасту (например, излишняя мнительность).

Ячейка 74. Среди опрошенной элиты мужского пола 83 % полагают, что большинство населения настроено психологически негативно, и только 17 % считает, что приднестровцы в основном позитивно настроены. Среди опрошенных представителей элиты женского пола разброс во мнениях гораздо меньше: 40 % считает, что большинство граждан психологически позитивно настроено, и 60 % склоняется к негативной оценке. Впрочем, это тоже можно объяснить психологическими особенностями, присущими представителям разного пола. К примеру, при проведении любого тестирования женщины, как правило, показывают меньшую критичность в результатах, нежели мужчины.

Ячейка 84. Среди опрошенных представителей элиты 23 % считает, что большинство населения позитивно настроено, и 77 % – что приднестровцы склоняются к психологически негативному настрою. Как видим разница в оценках по «психологической шкале» составляет 54 % в пользу негатива.

Оценка представителей политической элиты проблем материального статуса населения представлена ниже.

Ячейка 65. По результатам мониторинга, представители элиты полагают, что граждан, оценивающих социально-экономическую ситуацию в республике как благоприятную и стабильную, в Приднестровье нет. Следовательно, в данном случае мнения распределились между характеристиками «неблагоприятное» и «критическое». Среди представителей элиты

в возрасте от 18 до 30 лет 86 % полагает, что граждане склонны оценивать ситуацию в государстве как неблагоприятную, 14 % считает, что население оценивает социально-экономическое положение ПМР как критическое. Среди респондентов «средней» возрастной категории (31–50 лет) 91 % считает, что граждане оценивают ситуацию в республике как неблагоприятную, 9 % считает, что население оценивает ее как критическую. В «старшей» возрастной группе (от 51 и старше) 62,5 % респондентов считает, что большинство населения оценивает социально-экономическое положение республики как неблагоприятное, 37,5 % – как критическое.

Ячейка 75. Как мы уже отмечали, элита считает, что нет населения, оценивающего как благоприятное социально-экономическое положение в стране. Среди опрошенной элиты мужского пола 78 % полагает, что большинство приднестровцев оценивает положение республики как неблагоприятное, и 22 % – как критическое. Среди элиты женского пола 75 % считает, что большинство народа оценивает ситуацию в республике как неблагоприятную, и 25 % – как критическую. Как видим, в данном сечении результаты опроса мужчин и женщин фактически разнятся минимально.

Ячейка 85. Как показали уже рассмотренные итоги исследования, представители элиты считают, что население оценивает социально-экономическое положение в республике как неблагоприятное. В результате: 72 % элиты с высшим образованием считает, что большинство населения оценивает ситуацию в республике как неблагоприятную; 27 % полагает, что большинство населения считает социально-экономическую ситуацию в ПМР критической. Учитывая, что в этой ячейке отсутствует альтернативный образовательный фактор, можно считать этот результат «чистым» (верным для всей массы опрошенной элиты).

Далее приведем результаты социально-демографических характеристик элитарных слоев населения.

Ячейка 76. Среди опрошенных представителей элиты «младшей» возрастной группы (18–30 лет) 22 % мужчин и 78 % женщин. В «средней» возрастной категории (31–50 лет) эти

показатели соответствуют 80 % и 20 %. И среди респондентов старше 50 лет 87,5 % мужчин и 12,5 % женщин.

Ячейка 86. Среди опрошенной элиты 32 % представителей молодежи (18–30 лет), 39 % людей «среднего возраста» (31–50 лет) и 29 % перешагнуло пятидесятилетний рубеж.

Ячейка 87. Среди опрошенных представителей элиты все 100 % респондентов получили высшее образование. Из них: 64 % мужчин и 36 % женщин.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что приднестровская элита располагает довольно противоречивыми сведениями в отношении общественного состояния и настроений населения. Примечательно, что представители властных структур полностью отдавали себе отчет в том, что социально-экономическое, психологическое, а также идеологическое состояние граждан Приднестровья находится на критическом уровне и балансирует на грани отторжения проводимой государством внутренней политики. Необходимо также отметить, что представители элиты совершенно не владели информацией о настроениях граждан Приднестровья в разрезе социально-демографических характеристик.

2.4. Перспективы диагностики СМИ устойчивости культурно-информационного пространства

Русский философ Н. А. Бердяев писал: «Власть не может принадлежать всем, не может быть механически равной. Власть должна принадлежать лучшим, избранным личностям, на которые возлагается великая ответственность и которые возлагают на себя великие обязанности. Но эта власть лучших должна быть порождена из самих недр народной жизни, должна быть имманентна народу, его собственной потенцией, а не чем-то навязанным ему извне, поставленным над ним».¹²⁹

Как нам представляется, Бердяев был склонен к идеализированию элиты, но в главном он был прав: элита должна

¹²⁹ Бердяев Н. А. . Судьба России. М.: Лемана и Сахарова, 1918. – Доступно: <http://www.biografia.ru/arhiv/529.html>

быть «имманентной» – то есть, буквально, «оставаться внутри». Трансцендентность для нее – начало конца.

Понятие об элите только как об определенной замкнутой касте политиков и чиновников высокого ранга слишком узко. Элита – это «социальная общность, концентрирующая в своих руках значительный объем политической, прежде всего государственной власти, обеспечивающая выражение и воплощение в управленческих решениях коренных интересов различных классов и слоев общества и создающая соответствующие механизмы реализации политических замыслов и концепций. Элита отличается вполне определенными интегративными качествами: относительным единством целей и воли к их достижению, корпоративностью духа, единой системой моральных и духовных ценностей»¹³⁰.

Когда же элита перестает «выражать и воплощать» интересы хотя бы одного классового сегмента – это чревато акциями протеста (вплоть до революций, как наглядно демонстрируют примеры из истории России), но чтобы выражать чьи-либо чаяния, необходимо постоянно иметь доступ к оперативной информации о состоянии массового сознания. В противном случае отсутствие данных о настроениях населения, его позициях и восприятии окружающей действительности означает отрыв от реальной жизни и бесперспективность политической элиты. Причем в системе «политика–народ» это, как правило, безвозвратный процесс.

Сопоставление результатов институциональных факторов и функциональных статусов во втором и третьем параграфах соответственно проводилось с учетом разницы между процентными показателями в ответах опрошенных представителей населения и элиты, которая была градуирована на следующие диапазоны:

- зеленый (его диапазон – от 0 до 10 единиц разницы);
- желтый (диапазон – от 11 до 20 единиц);
- красный (от 21 до 100 единиц).

Красный цвет ячейки свидетельствует о серьезном противоречии между видением ситуации народом и элитой. Желтый

¹³⁰ Чернов Е. Структурная трансформация элиты в России в 1989–1993 годах. – Доступно: <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=2>

**Таблица 5. Матрица устойчивости культурно-информационного пространства
(в системе «народ–политическая элита»)**

Функциональный блок (статусы)	Институциональный блок (факторы)							Демографический		
	Идеологический	Деятельностный	Социо-культурный	Психологический	Материальный	возраст	пол	образование		
	11	59/36/12 ²¹	78/22/42 ³¹	55/25 ⁴¹	0/29 ⁵¹	52/33/37 ⁶¹	31/50 ⁷¹	37 ⁸¹		
	30/29/33 ¹²	22	100/0/27 ³²	56/14/0 ⁴²	0 ⁵²	33/27/37 ⁶²	56/54/100 ⁷²	29/45/26 ⁸²		
	39/26/29 ¹³	64/57/48 ²³	33	100/0/27 ⁴³	0 ⁵³	67/100/20 ⁶³	33/100/47 ⁷³	14/14/72 ⁸³		
	33/28 ¹⁴	61/69/49 ²⁴	68/57/61 ³⁴	44	0/17 ⁵⁴	33/36/0 ⁶⁴	17/40 ⁷⁴	23 ⁸⁴		
	61/24 ¹⁵	24/22/19 ²⁵	26/17/23 ³⁵	80/58 ⁴⁵	55	0 ⁶⁵	0 ⁷⁵	0 ⁸⁵		
	32/29/27 ¹⁶	56/50/65 ²⁶	52/61/57 ³⁶	66/57/52 ⁴⁶	22/22/24 ⁵⁶	66	76	86		
	29/32 ¹⁷	35/56/51 ²⁷	40/42/47 ³⁷	61/61 ⁴⁷	20/24 ⁵⁷	67	77	87		
Демографический (пол)										
Демографический (образование)	30/32 ¹⁸	57/61/43 ²⁸	49/56/63 ³⁸	61/61 ⁴⁸	24/20 ⁵⁸	68	78	88		

означает допустимую, но почти критическую разницу во взглядах. Зеленый – элита и народ понимают друг друга. Цвет ячеек с двумя и более показателями определялся путем приоритета одного из цветов.

Оппозиция ячеек 21–12. Из сравнения блоков матрицы 12 и 21 мы видим, что в этих ячейках матрицы мнение народа и представления политэлиты об этом мнении значительно разнятся. Разница составляет более 20 единиц, а значит – цвет ячейки красный. Так, согласно опросу населения 30 % служащих государственного сектора экономики доверяет Президенту, Кабинету Министров, Парламенту. Элита же полагает, что таковых – 59 %, т. е. практически в два раза больше. Такой энтузиазм и вера в преданность бюджетников действующей власти скорее всего может быть следствием автономности власти, отгороженности ее от народа. Согласно опросу среди населения, представляющего бизнес-сферу, власти доверяют 29 %. Элита считает, что таковых – 36 %. Элита полагает, что практически все люди, не имеющие постоянного источника дохода, негативно отзываються о власти и доверяют ей всего 12 %. В то же время социологический опрос свидетельствует, что треть безработного населения выражает доверие действующей власти.

Как следует из сравнения, элита большей частью склонна завышать степень доверия народа к власти. В то же время, переоценивать степень доверия народа к власти также губительно для представителей элиты, как и попытка убедить в этом себя или вышестоящую власть. Так, по мнению многих экспертов, на президентских выборах в ПМР в 2011 году итог во многом определил именно такой настрой элиты: оценка ситуации окружением президента Смирнова (либо же выдача желаемого верхушкой элиты за действительность) в немалой степени и привела к краху избирательной кампании действующей на тот момент власти.

Оппозиция ячеек 13–31. В этих блоках матрицы разница в целом может и не столь очевидна, но по отдельным группам она довольно существенна. Так, среди населения молдавской национальности власти доверяют 39 % респондентов. Элита той же национальности уверена, что властным структурам до-

веряет целых 78 % граждан. По опросам населения, 26 % украинцев доверяет власти, в то же время элита украинской национальности полагает, что такового населения в стране – 22 %. Среди русского населения власти доверяет 29 %, а русская элита уверена, что 42 %. Как видим, наиболее приближены к народному мнению представители элиты украинской национальности. Элита молдавской национальности более чем оптимистична в своей оценке: у них народ доверяет правящей верхушке почти на 40 % больше, чем на самом деле. Русская элита также переоценивает степень доверия народа, но с меньшим разрывом (только в 13 %).

Оппозиция ячеек 23–32. В блоках пересечения социокультурных и деятельностных характеристик – цвет красный. По всем трем показателям «размер» шага очень велик. Причем, как показывает сводная матрица, наиболее «оторвано» от народа мнение элиты украинской национальности (значение шага – 57). И даже между русскими – недопонимание, хоть и «на грани» – но все-таки недопустимо велико (шаг – 21).

Это неудивительно, если принять во внимание тот факт, что по этому пункту анкеты разброс в ответах даже внутри самой элиты огромен, что свидетельствует о разобщенности самой элиты по данному вопросу.

Интересен тот факт, что по мнению «русской» элиты безработица в стране – вообще не проблема, своими ответами они практически отказывают ей в праве на существование. Так же, как и элита молдавской национальности, отнесшая подавляющее большинство населения к госсектору экономики. Такую точку зрения можно объяснить крайней неосведомленностью, граничащей с некомпетентностью, либо нежеланием изучения распределения трудовых ресурсов по секторам экономики. Элита украинской национальности напротив, видимо полагает, что в стране вообще не существует ни бюджетников, ни госпредприятий.

Оппозиция ячеек 41–14. В сечении «психологический настрой – идеологический статус» цвет ячейки – желтый. Разница допустимая, но все же при ближайшем рассмотрении видны явные противоречия в отношении психологически позитивно настроенного населения. Среди самих позитивно настроен-

ных, по результатам опроса, доверяет власти 33 % (незначительно больше, чем среди негативно настроенных). По мнению же элиты, среди позитивно настроенных людей лояльно относятся к властным структурам 55 % граждан. Опять же, явно имеет место переоценка уровня лояльности народа к власти и проведение прямых параллелей, судя по всему ничем не обоснованных, между психологическим состоянием человека и его отношением к властям. То есть, по мнению элиты, население напрямую связывает свое психологическое самочувствие с деятельностью властных структур. Исходя из ответов населения, такая взаимосвязь в большинстве случаев отсутствует.

Оппозиция ячеек 42–24. Что касается психологического настроения людей, занятых в различных секторах экономики, то тут мнения народа и элиты также серьезно расходятся. На «расстоянии» зеленого шага они только в отношении госслужащих. Тут разница между оценками представителей народа и элиты невелика (всего 5 %). Однако касательно представителей сферы бизнеса взгляды уже кардинально расходятся. По результатам опроса населения, люди, занятые в коммерческой сфере, пусть и не намного, но более позитивно настроены, нежели госслужащие. По мнению элиты – 86 % представителей бизнеса испытывают тревогу, беспокойство и пассивны. Учитывая, что практически вся политэлита старой формации завязана в крупном бизнесе, их точку зрения можно понять. Однако вряд ли она относится к народу: речь идет о слишком разном уровне бизнеса. В то же время, безработным элита вообще отказывает в позитивности психологического настроения. В то время как почти половина самих безработных определяет свой настрой как позитивный.

Оппозиция ячеек 51–15. В этих ячейках мы подошли, пожалуй, к самому показательному критерию – материальному. Крайне любопытно отметить, что, по мнению элиты, граждане республики вообще не оценивают социально-экономическую ситуацию в государстве как благополучную. Потому и разрыв во мнениях крайне велик: 61 % – так как, по результатам опроса населения, среди людей, позитивно оценивающих ситуацию в стране, именно столько доверяют Президенту и высшим органам власти. А по мнению элиты, их просто не существует.

Оппозиция ячеек 43–34. В данных блоках матрицы разница огромна по всем трем показателям – более 50 %. Цвет ячеек – красный. Если оценка своего психологического настроения представителями разных национальностей вполне «ровная» (разрыв между ними не более 5–10 процентов), то мнение представителей элиты неоднородно. Так, 100 % представителей элиты молдавской национальности считают, что население республики оптимистично настроено. Украинцы же, наоборот: полностью отказывают народу в способности испытывать спокойствие и уверенность. Однако, в данном случае, в отличие от блока 13–31, среди русских также наблюдается существенный разброд во мнениях (более 60 %).

Оппозиция ячеек 52–25. Что касается оценки гражданами социально-экономического положения республики (следовательно, и их собственного, поскольку результаты исследования свидетельствуют о корреляции этих показателей), то это один из четких индикаторов устойчивости культурно-информационного развития. Население оценивает социально-экономическое положение республики довольно однозначно (около 20 % представителей всех сфер экономики – позитивно, около 80 % – негативно), в то время как элита считает, что позитивных оценок социально-экономической ситуации в республике нет. Элита полагает, что граждане ПМР способны видеть экономику и перспективы развития своей страны только в черном цвете, а ситуацию оценивать исключительно как критическую или, в лучшем случае, неблагоприятную. Возможно, разные взгляды и отношение к одним и тем же процессам в обществе связано с особым подходом и профессиональными знаниями: то, что народ считает вполне приемлемой и даже благополучной ситуацией – для элиты является критической. Именно автономность элиты от населения, незнание и непонимание общего настроения граждан в целом и отдельных их групп и привели к провалу избирательной кампании первого президента на выборах в 2011 г. Агитационные видеоролики и печатные материалы не просто не доходили до цели, а, наоборот, пытались навязать неактуальные для народа идеи, вызывали обратную реакцию, выступая раздражающим массовую аудиторию фактором.

Оппозиция ячеек 61–16. Фактически, единственный блок матрицы, в котором цвет по всем трем показателям не дотягивает до красного, а в общей совокупности – ячейка имеет зеленый цвет. Довольно прогнозируемы результаты идеологического настроения граждан исходя из их возраста. Максимальный разброс во мнениях в этих ячейках – среди молодежи. Впрочем, это также психологически свойственно данному возрасту.

Оппозиция ячеек 53–35. По мнению элиты граждан, веящих, что экономическая ситуация в республике хотя бы стабильна, нет. В то же время, сами граждане показывают стабильный, хоть и не сильно высокий, процент доверия к власти. Экономическую ситуацию готовы назвать если не благоприятной, то, по крайней мере, стабильной, в среднем около 20 % граждан. Опять же, если рассматривать примеры пиар-кампаний президентских выборов 2011 г., то они более чем наглядно продемонстрировали, что граждане далеки от позиции «хуже уже не будет», и вполне готовы оказывать кредит доверия политическим силам под конкретные программы действий.

Оппозиция ячеек 62–26. Красный цвет этого блока матрицы – наиболее яркий показатель того, что элита находится далеко от своего народа. Данное сечение определяет соотношение возраста и сфер занятости. По всем показателям разница больше 20 процентов. Причем в данном случае элита продемонстрировала профессиональную некомпетентность, поскольку данный вопрос относится к сфере официальной статистики.

Оппозиция ячеек 71–17. В сечении «пол респондента – идеологический статус» расхождение в ответах между народом и элитой не столь велико. Как, впрочем, и в других блоках, где ответы обусловлены демографическими характеристиками (пол и возраст). В данных сечениях респондент дает ответы, руководствуясь больше свойственным его возрасту или полу психологическим особенностям, а не осознанием собственной принадлежности к тому или иному социальному классу. Впрочем, нельзя не отметить, что даже в данном случае цвет ячейки в целом все же не зеленый, а желтый. То есть, даже в таком однозначном положении элита и народ хоть и не столь существенно, но все же разошлись в результатах.

Оппозиция ячеек 54–45. Огромный разрыв в этом блоке (80/41) и его безусловно красный цвет определяется, в принципе, теми же факторами, что и в блоке 53–35. У народа – свое мнение по поводу зависимости психологического настроения от материального положения. Элита, в свою очередь, как уже было сказано, не верит в наличие людей, которые положительно оценивают экономическую ситуацию в республике.

Оппозиция ячеек 63–36. Несмотря на то, что сечение состоит из двух объективных характеристик («возраст – национальность») данный фактор следует отнести к числу субъективных, поскольку свидетельствует о степени взаимопонимания элиты и населения в зависимости от выборки и отбора респондентов. Однако эти данные можно использовать, к примеру, для более глубокого анализа респондентской массы и составления ее демографического портрета.

Оппозиция ячеек 72–27. Показательный блок, так как тут элита и народ разошлись в оценках, несмотря на то, что сечение частично обусловлено демографическим фактором. Так, суть состоит в определении того, сколько мужчин и женщин работает в том или ином секторе экономики. Если реальная фактура показывает только явный «перевес» женщин в госсекторе, а в остальных – представительство двух полов приблизительно равномерно, – то элита сошлась во мнении, что работающие мужчины и женщины занимают примерно равные места в госструктурах и бизнесе. А вот среди безработных, по мнению элиты, можно встретить в большинстве своем только мужчин. Удручает такой результат тем, что означает, по всей видимости, полную неосведомленность элиты о положении дел в госсекторе: т. е., в сфере, которую они уже по роду деятельности знать обязаны.

Оппозиция ячеек 81–18. В этих ячейках царит редкое единодушие: показатель всего один. В данном случае акцент ставится на такой характеристике, как образование. Так как у всех опрошенных представителей элиты образование высшее, то их ответы сравнивали с ответами только той категории населения, которая имеет высшее образование. Понятно, что у людей примерно одного культурного уровня взгляды и мнения, как правило, не сильно разнятся.

Оппозиция ячеек 64–46. По трем показателям разрыв составляет больше 20 единиц. Как показывают результаты опроса, население оценивает свое психологическое состояние намного лучше, чем полагает элита. Кроме того, согласно анкетированию, представители «старшей» элиты не верят в позитивный психологический настрой у граждан. Впрочем, необоснованная уверенность, возведенная в ранг идеологии, во многом являлась визитной карточкой деструктивности предыдущей власти ПМР. Долгое время и СМИ работали по такой схеме: «если тысячу раз повторить, что мы живем замечательно – зритель поверит».

Оппозиция ячеек 73–37. В сечении «социокультурная характеристика – пол респондента» цвет желтый, но показательным для оценки понимания или непонимания народа и элиты не может являться. Ни половая, ни национальная принадлежность респондентов от них самих не зависят. Так что данный результат можно использовать только для составления «портрета» респондентской массы.

Оппозиция ячеек 82–28. В сечении «уровень образования – деятельная характеристика» расхождения во мнениях между элитой и народом не очень велики. Цвет – уверенно желтый. Это вполне объясняется теми же причинами, что и в блоке 81–18.

Оппозиция ячеек 65–56. В этом блоке разрыв невелик, но уверенно перешел за красную отметку. Напоминаем, что по результатам исследования, представители элиты полагают, что граждан, оценивающих социально-экономическую ситуацию в республике как благоприятную и стабильную, в Приднестровье нет. Население такую оценку опровергает.

Оппозиция ячеек 74–47. В отличие от представителей элиты население оценивает свой психологический настрой довольно позитивно. Элита же полагает, что большинство населения настроено психологически негативно. В результате такого мировосприятия, как показали выборы 2011 г., позитивно настроенный на перемены народ проголосовал против действующей власти, за тех, кто слоганом заявил «порядок».

Оппозиция ячеек 83–38. Этот блок также является показательным разве что для составления «портрета» респондента.

Красный цвет в данном случае не говорит о взаимонепонимании между элитой и народом, так как и образование, и национальность – характеристики объективные.

Оппозиция ячеек 75–57. Как и в предыдущих ячейках, где есть позиция оценки социально-экономического положения республики, общий результат анализа определяет уверенность элиты в том, что граждан, оценивающих социально-экономическую ситуацию в республике как благоприятную и стабильную, в Приднестровье нет.

Необходимо отметить, что инерционные процессы из советского прошлого, когда административное давление на электорат являлось решающим в избирательных процессах, актуальны и в настоящее время. Слаженная организация командно-административной «машины» до последнего времени придавала действующей власти уверенность в наличии высокого кредита доверия со стороны населения и создавала иллюзию собственной незыблемости.

Как свидетельствует практика, попытки государственных СМИ сохранить положительный имидж представителей исполнительной ветви власти республики и конкурировать с

Рис. 2. Соотнесение настроений массовой аудитории и политической элиты Приднестровья

частными информационными ресурсами, предоставляющими информацию вразрез с концепцией государственных СМИ, не увенчались успехом. Отстранение высшего руководства от действительности, отсутствие реальной информации о степени доверия населения, нежелание знать о состоянии и динамике общественного мнения предопределили соответствующее отношение населения к власти республики.

Результаты исследования подтверждают, что срок жизни политической элиты прямо пропорционален степени ее обособленности. Менее десяти процентов ячеек матрицы окрашены зеленым цветом (рис. 2), доминирование же красного цвета в матрице подтверждает кризис власти, который предопределил исход президентских выборов 2016 г. Политическая элита республики, демонстрируя низкие показатели согласованности собственных действий и позиций с общественными настроениями, показывает высокую степень автономности и отстраненности от населения. Уверенность элиты в том, что население находится на грани в материальном и психологическом отношении, наряду с бездействием и инертностью властных структур доказательно свидетельствует об умышленном развале экономической системы государства, доведении республики до состояния банкротства, а населения – до обнищания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурно-информационное пространство некоторой социальной общности – это совокупность функционирующих в ее информационной среде ценностей, норм, традиций, элементов культурно-исторического наследия, обеспечивающих воспроизводство культурного генотипа, ментальности и идентичности данной общности. В данной работе культурно-информационное пространство представлено в качестве категории социокультурного развития общества, включающей институциональные образования социальной и государственной природы, а также массовую аудиторию, вовлеченную в сферу влияния конкретной системы. При этом доминирующую роль в эффективном развитии культурно-информационного пространства играет процесс взаимодействия его субъектов, т. е. проецирование установок государственными и общественными институтами, в том числе посредством системы СМИ, и их адекватное воспроизведение массовой аудиторией.

Культурно-информационное пространство государств со статичной политической элитой по мере пребывания ее у власти приобретает специфические характеристики в процессе своего развития и взаимодействия с массовой аудиторией, которые заключаются, с одной стороны, в темпоральном усилении центростремительного вектора тематического и контекстного единообразия в описании внутривластного состояния общества государственными средствами массовой информации, а с другой – в компенсирующих их декларированность центробежных процессах типологического разнообразия СМИ как по форме собственности, так и по идеологической направленности. Некритичность в оценках ситуаций и отсутствие стратегического мышления в государственном аппарате, так же, как отсутствие политической воли в принятии властных решений, приводят к коллапсу государства как системы.

Ограниченность аудитории и территории вещания с одной стороны, и отсутствие альтернативных каналов получения ин-

формации о внутригосударственной жизни – с другой делают и аудиторию, и СМИ Приднестровья уязвимыми в информационном отношении. Это чревато как уменьшением числа потенциальных читателей, слушателей, зрителей, так и дезориентацией населения и отсутствием понимания им сути происходящих в государстве событий. В то же время наличие четкой национальной идеи – борьба за приднестровскую государственность – позволяет преодолевать определенные трудности в развитии республиканской медиа-системы, природа которых кроется в субъективности и статичности отдельных СМИ при создании текстов массовой коммуникации. Предвзятость в подаче материалов и однотипность новостных выпусков негативно сказываются на аудиториях электронных СМИ.

Информационная сфера Приднестровья в 2010–2015 гг. переживала этап противостояния двух информационных политик основных медиа-структур республики: государственных и коммерческих. Особенность такого противостояния заключается в том, что, отстаивая свои позиции по отдельным вопросам, все СМИ государства едины в вопросе государственного развития и стремлении к независимости. В этом контексте медиа-рынок Приднестровья развивается в соответствии с моделью «развития», которая выступает за поддержку средствами массовой коммуникации существующего политического режима, способствуя экономическому росту, т. е. данная теория предполагает функционирование системы СМИ согласно курсу поддержки, а не критики правительства.

Практика освещения общественно-политической жизни, предполагающая применение различных интерпретаций действительности двумя исследуемыми приднестровскими телеканалами, является следствием диаметрально противоположных направлений их редакционной политики. Информационное противостояние ведущих электронных СМИ катализирует расхождение общества и рост недоверия к органам как исполнительной, так и законодательной власти. Следовательно, телеканалы ПМР практически не выполняют консолидирующей функции, которая в условиях приднестровского государства должна стать приоритетной. Ликвидация сложившейся ситуации невозможна без пересмотра редакционной политики СМИ.

Ведущим телеканалам ПМР необходимо проводить социологические исследования с целью выявления информационных предпочтений аудитории, что поможет им повысить рейтинг как телеканала в целом, так и отдельных телепередач.

Исследование массовой аудитории в контексте устойчивости культурно-информационного пространства, подтвердило кризисность общественного сознания и высокий протестный потенциал по отношению к властным структурам со стороны населения, что предопределило результаты президентских выборов в Приднестровье в конце 2016 года. Мониторинг социальных статусов в предлагаемом разрезе может помочь прогнозировать социокультурный процесс в обществе и отследить динамику состояния культурно-информационного пространства, а также, грамотно используя СМИ, предупреждать потенциально возможные социальные потрясения и трансформацию массового сознания.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аверинцев С. София-Логос. Словарь. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. – Киев.: Дух і літера, 2006.

Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014.

Афанасьев В. В. Циклы и общество: Монография. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009.

Ахмадулин Е. В. Основы теории журналистики: 2-е изд., испр. и доп. – М: Юрайт, 2016.

Ачкасова В. А. Связи с правительством как фактор устойчивости // Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия / под ред. Л. Е. Ильичевой. – М.: ИНЭК, 2010. – С. 53–62.

Байгарина Г. П. СМИ и современная культура. – Доступно: <http://prstr.narod.ru/texts/num0506/bay0506.htm>

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2003.

Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Лемана и Сахарова, 1918. – Доступно: <http://www.biografia.ru/arhiv/529.html>

Бове К. Л., Аренс У. Ф. Современная реклама. – Тольятти: Издательский дом «Довгань», 1995.

Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М., 2004.

Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2016.

Власова Н. Рекламный конструктор. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.

Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2015.

Громова Л. П. Проблемы современной журналистики в контексте исторического развития // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 3.

Дзялошинский И. М. Медиапространство России: экологический аспект // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 1.

Дзялошинский И. М. Общественно-политические функции СМИ: день сегодняшний. – Доступно: www.frip.ru/newfrip/cnt/library/books/0011/part4/

Добренков В. И., Кравченко А. И. История зарубежной социологии. – Доступно: http://sbiblio.com/biblio/archive/dobrenkov_istorija/08.aspx

Доброхотов А. Л. Введение в философию. – Доступно: <http://philosophy.wideworld.ru/books/introduction/>

Дорохова И. С. Экономико-психологическая характеристика личности и эмоциональный компонент субъективного благополучия и особенности отношения к деньгам. – М, 2005.

Дускаева Л. Р. Функционирование российской журналистики в сфере досуга: проблема сохранения культурно-нравственных ценностей / Медиа. Демократия. Рынок. Часть 2. Функционирование средств массовой информации в сфере досуга: Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Астерион, 2010.

Евдокимов В. А. Аудитория масс-медиа как объект и субъект коммуникации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2010. – № 2 (6).

Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2010.

Зазнаев О. И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке / Проблемы политической науки. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005.

Засурский Я. Н., Вартанова Е. Л., Засурский И. И. Средства массовой информации постсоветской России: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2002.

Зинчина А. Б. Информационное пространство как контент городской коммуникации // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4.

Иванов А. В. Место и роль СМИ в современной политической жизни общества // Эксперты для гражданского общества. – Доступно: <http://www.4cs.ru/materials/publications/>

Ильченко С. Н., Окнер О. А. Телевидение в эпоху Интернета. – СПб., 2005.

Калмыков А. А. Что такое информационно-коммуникативное пространство? // Оптимальные коммуникации. 2010, Март.

Кастельс М. Информационная эпоха (экономика, общество и культура). – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2015.

Ким М. Н. Журналистика как форма общественного познания // Вестник Санкт-петербургского университета. – Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2006.

Клюев Ю. В. Политический массмедиадискурс в России: феномен и концепции (2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2017.

Козина Е. С. СМИ и выборы: ресурс и угроза политическому мифотворчеству. – М.: Изд-во ВК, 2005.

Концепция развития телерадиовещания в России на период 2006–2015 гг. Проект: Департамент массовых коммуникаций Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ. – Доступно: <http://www.medialaw.ru>

Корконосенко С. Г. «Переходное» состояние теории журналистики в России: от нигилизма к модели // Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective (СМИ в переходный период: нравственно-этический аспект) / by ed. V. Moshneaga. (на румын. яз.). – Chișinău: Captes, 2001.

Корконосенко С. Г. Печать, управление и самоуправление. – Тула, 1992.

Кулибаба С. С. Медиапространство и трансляция духовных ценностей // Медиакультура новой России: методология,

технологии, практика: Матер. Междунар. научн. конф. Т. II. – Екатеринбург–М.: Академический проект, 2007.

Левада Ю. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. 2006. № 1. – Доступно: <http://labazov.livejournal.com/186050.html>

Лисицкая Л. Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2010.

Лукина Н. П. Идеология информационного общества: векторы исследовательской программы // Гуманитарная информатика. – Доступно: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/2/lukina.htm>

Лукина Н. П. Идеология информационного общества: векторы исследовательской программы // СОЦИС. – 1996. – № 7.

Макаревич Э. Ф. Об эффективности коммуникационного воздействия // Социология и жизнь. – 2015. – № 1.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература РАН, 2000.

Мельник Г. С. Политический анализ медийного текста // Rocznik Prasoznawczy. – 2014. – № 8.

Мельник Г. С., Никонов С. Б. Медийный компонент в доктрине информационной безопасности // Управленческое консультирование. – 2014. – № 1.

Микерина Т. В. Глобальное информационное общество и проблема социокультурной идентичности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2. – № 2–3.

Мисонжников Б. Я. Политико-идеологические предпосылки создания медиатекста // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2013. – № 19. – Вып. 4.

Назайкин А. Н. Практика рекламного текста. – М., 2003.

Ненашев А. И. Информационное пространство современного общества: коммуникационный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2008.

Неретин О. П. Культурно-информационное пространство многонациональной России и его развитие: проблемы, перспективы: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: РГБ, 2007.

Нерсесова Т. Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки // Медиаскоп. – 2011. – Вып. № 2 // <http://www.mediascope.ru/node/835>

Олейников С.В. Инфокоммуникативные технологии и социокультурные тенденции в зеркале СМИ Приднестровья // Политекс. – 2014. – Т. 10. – № 4.

Олейников С.В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Ученые записки ЗабГУ. – 2017. – Т. 12. – № 3.

Олейников С.В. Культурно-информационное пространство: категории и дефиниции // Вестник Санкт-петербургского ун-та. 2009. – № 4.

Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002. – Доступно: <http://lib.rus.ec/b/315599/read>

Ортунг Р., Уокер К. Авторитарные режимы совершенствуют стратегию контроля СМИ. // <http://inosmi.ru/world/20140113/216450821.html>

Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997.

Патрушев С. В. Институализм в политической науке // Институциональная политология. Современный институализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006.

Питерова А. Ю. Взаимодействие СМИ и общества: основные модели и концепции // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – Т. 3. – № 4. – 2015 // <http://esj.pnzgu.ru>

Питерс Г. Политические институты: вчера и сегодня / Политическая наука: новые направления / пер. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой. – М.: Вече, 1999.

Поликарпов В. С. Контуры будущего цивилизаций. – Ростов-н/Д., 2000; Философия безопасности. – СПб.; Ростов-н/Д., 2001.

Поликарпова Е. В. Аксиологические функции массмедиа в современном обществе // http://www.gumer.info/bibliotec_Buks/Polikarp/01.php

Политические коммуникации / Под ред. А. И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2004.

Попов В. Д. Информациология и информационная политика. – М.: Изд-во РАГС, 2005.

Провал мультикультурализма в Европе ничему не научил российские власти // *Letopicez*. – 15 сентября. – 2011. – Доступно: <http://anvictory.org>

Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011.

Савицкая А. С. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2009.

Садыкова Э. Л. Межцивилизационный диалог в современных международных отношениях: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014.

Сидоров В. А. Ценностное осознание журналистики // *Медиаобразование: концепции и перспективы: Материалы для дискуссии* / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб, 2006.

Сидоров В. А. Ценностный конфликт в медиареальности и формы его проявления // *Вестник ВГУ. – Серия: Филология. Журналистика*. – 2012. – № 2.

Снетков В. Н, Жучкова Т. Ф. Влияние типов государственно-политического режима на гражданское общество // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. – Сер.: Гуманитарные и общественные науки*. – 2012. – № 2 (148).

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства). – М.: Наука, 1985.

Теоса В. В. СМИ в переходный период: нравственно-этический аспект // *Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective* / by ed. V. Moshneaga. (на румын. яз.). – Chișinău: Captes, 2001.

Трансграничный регион: понятия, сущность, форма: научн. изд. / Под ред. П. Л. Бакланова, М. Ю. Шинковского. – Владивосток: Дальнаука, 2010.

Тулупов В. В. Российская журналистика на фоне послед- ствий системного кризиса // Relga (научно-культурологический журнал). №1 [103]. 18.01.2005. – Доступно: www.relga.ru

Уэллс У., Бернет ДЖ., Мориарти С. Реклама: принципы и практика / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1999.

Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М., 2001.

Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия // За- падная теоретическая социология / сост. И. А. Громов, А. Ю. Мацкевич, В. А. Семенов. – СПб.: Ольга, 1997.

Чернов Е. Структурная трансформация элиты в Рос- сии в 1989–1993 годах. – Доступно: <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=2>

Шариков А. В. Российское общество и телевидение: цен- ностно-нормативный конфликт / в сб.: Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». Звениго- род. 16–19 октября 2006 г. / Под ред. В. Е. Лепского. – М.: «Когито-Центр», 2006.

Щанина Е. В., Корж Н. В. Социальное доверие людей по- жилого возраста в современном российском обществе // Из- вестия высших учебных заведений. Поволжский регион. Обще- ственные науки. – 2015. – № 3(35).

Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. –1989. – Vol. 7. – № 1.

Braddock R. An Extension of the «Lasswell Formula» // Journal of Communicanion. – 1958. – № 8.

Hall P. A., Taylor R. R. Political Science and the Three New Insti- tutionalisms // Political Studies. – 1996. – XLIV.

Keohane R. After Hegemony. – Princeton, 1984.

Kroeber A., Kluckhohn Cl. Culture. A Critical Review of Concept and Definition. – New York, 1952.

Lasswell H. The Structure and Function of Communication in So- ciety // Mass Communications / Ed. by W. Schramm. – Urbana, 1960.

Lasswell, H. The Structure and Function of Communication in Society / H. Lasswell // In L. Bryson (ed.) The communication of ideas. – N. Y. : Harper, 1948.

Lasswell, H. The Uses of Content Analysis Data in Studying Social Change / H. Lasswell // Science and Culture. – 1967. – Vol. 33. – № 4.

Luhmann N. The World Society as a Social System. International Journal of General Systems. – 1982. – № 8:3.

Lyotard J. F. Critical evaluations in cultural theory: Politics and history of philosophy / Ed. By Victor E. Taylor, Gregg Lambert. – London & New York: Taylor & Francis Group, 2006.

Martin L. An Institutional View: international institutions and state strategies / International order and the future of world politics / edited by T.V. Paul and John A. Hall. – Cambridge, 1999.

Parsons T. Social System. – Oxford: Routledge: Taylor&Francise-Group, 2005.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
-----------------------	----------

Глава 1 ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРИРОДА, СУЩНОСТЬ, КАТЕГОРИИ ...7

1.1. Системно-структурная организация культурно-информационного пространства	7
1. 2. Институциональное измерение культурно-информационного пространства	26
1.3. Функциональное измерение культурно-информационного пространства.....	48

Глава 2 КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРИДНЕСТРОВЬЯ: ОТ ДИАХРОНИИ К СИНХРОНИИ..... 70

2.1. Отражение СМИ модели государственного развития в культурно-информационном пространстве.....	70
2.2. Проблемы устойчивости культурно-информационного пространства Приднестровья	94
2.3. Элитарное измерение культурно-информационного пространства Приднестровья	107
2.4. Перспективы диагностики СМИ устойчивости культурно-информационного пространства	120

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	132
-------------------------	------------

БИБЛИОГРАФИЯ.....	135
--------------------------	------------

Научное издание

Олейников Сергей Викторович

**КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ФЕНОМЕН, СТРУКТУРА, УСТОЙЧИВОСТЬ**

Монография

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка И.И. Головачук

ИЛ № 06150. Сер. АЮ от 21.02.02.
Подписано в печать 07.10.20 г. Формат 60×90/16.
Уч. изд. л. 9,25. Заказ № 981. Электронное издание.

Опубликовано на Образовательном портале ПГУ им. Т.Г. Шевченко moodle.spsu.ru